

ДЕЛО БОРИСА САВИНКОВА

Со статьей Б. САВИНКОВА

„ПОЧЕМУ Я ПРИЗНАЛ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ“

С предисловием Ем. ЯРОСЛАВСКОГО,
примечаниями П. ШУБИНА

И СТАТЬЯМИ

Ем. ЯРОСЛАВСКОГО, К. РАДЕКА,
П. ШУБИНА, М. ШАРОНОВА, В. МИЛЮ-
ТИНА, А. МАК-МАНУСА, В. УЛЬРИХА
и А. ЛУНАЧАРСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

ДЕЛО БОРИСА САВИНКОВА

Со статьей Б. САВИНКОВА

„ПОЧЕМУ Я ПРИЗНАЛ СОВЕТСКУЮ ВЛАСТЬ“

С предисловием Ем. ЯРОСЛАВСКОГО,
примечаниями П. ШУБИНА

И СТАТЬЯМИ

Ем. ЯРОСЛАВСКОГО, К. РАДЕКА,
П. ШУБИНА, М. ШАРОНОВА, В. МИЛЮ-
ТИНА, А. МАК-МАНУСА, В. УЛЬРИХА
и А. ЛУНАЧАРСКОГО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз. 8047.

Глав лит № 25637.

Тираж 35.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий“ издательства „Красная Новь“, Циленовская, д. 1/16.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Процесс Бориса Савинкова является одной из ярких страниц борьбы Советской власти с силами объединенной реакции. То, что самая отъявленная контр-революция, самые неприкрытые монархисты, в роде Врангеля, прожженные мошенники, в роде Пуанкаре, фашисты, в роде Шилсудского, избрали своим орудием бывшего террориста партии с.-р.,—это вовсе не случайность. На наших глазах произошел этот процесс объединения всех антибольшевистских, антикоммунистических сил. Буржуазия была бы безнадежно глупа, если бы она не сумела выдвинуть на аванпосты людей с „хорошим именем“, с революционной фразеологией, с демократической репутацией. Отъявленным мошенникам народ не поверит. Черновым и Савинковым кое-кто еще поверит. Если весь II Интернационал является в настоящее время лишь придатком к буржуазной диктатуре, лишь органом, содействующим укреплению этой диктатуры, то буржуазия все же нуждается в людях, которые буржуазные интересы затушевывают пышными словами о родине, о свободе и тому подобных хороших вещах. Таким человеком был Борис Савинков, соединивший в себе уменье конспиратора-заговорщика, беззастенчивость в средствах для достижения цели с революционной фразеологией и с именем врага „старого режима“ (в прошлом).

Издавая материалы, относящиеся к процессу Бориса Савинкова,—обвинительный акт, показания Савинкова, стенограмму (почти полную) судебного заседания, речь на суде, приговор по делу Савинкова и ряд статей, дающих оценку как этому процессу, так и всей деятельности Бориса Савинкова в целом,—мы хотели бы помочь тем рабочим и крестьянам, которые еще не научились различать, что скрывается за словами меньшевиков и эс-эров о свободе, что скрывается за их ненавистью против диктатуры пролетариата.

Урок, данный Савинковым, гласит так: „либо диктатура пролетариата, либо диктатура буржуазии,—третьего исхода нет“. Кто против диктатуры пролетариата, тот за диктатуру буржуазии. За словами о народовластии, за учредительным собранием, за советами без коммунистов и другими лозунгами, выдвинутыми за это время контр-революцией, скрывается хитро притаившаяся диктатура буржуазии. Вся история борьбы Савинкова—этому яркий пример. Он неизменно попадает в руки самых отвязанных контр-революционеров, хочет он этого или не хочет. И когда он на суде восклицает, что его со всех сторон стиснули иностранцы, иностранцы и иностранцы, т.-е. иностранные капиталисты, помещики и банкиры,—он этим сейчас предостерегает всех трудящихся, которые в прошлом верили еще ему и ему подобным.

Процесс Савинкова—это процесс развала, распада еще недавно сильной эмигрантской клики, которая собралась за границей с тем, чтобы оттуда, с помощью ненавидящих нас капиталистов всего мира, организовать нападение на Советскую страну.

В 1921 году Савинков уже чувствует себя среди этой эмигрантщины в царстве теней. „В царстве теней“—так озаглавил он свою статью, напечатанную в № 100 „Свободы“ (8 мая 1921 г.). Он спрашивал тогда: „Но, ведь, если бы русский народ, рабочие, казаки и крестьяне не ощущали эмигрантов, как любимых своих сынов, очутились ли бы мы за границей? Ведь, нас не защищала деревня, не защищали фабрики, не защищала Красная армия, а сами мы защититься не смогли, не сумели“.

В сентябре 1924 г., когда дело Савинкова обнажено перед всей Рабоче-Крестьянской Россией, рабочие и крестьяне видят это царство теней во всем его безобразии. И если еще в этом царстве теней есть хоть что-нибудь живое, хоть что-нибудь честное, способное принести пользу Рабоче-Крестьянской России,—эти люди должны будут уйти из царства теней, навсегда оставить мысль о борьбе с СССР.

Дело Бориса Савинкова тем и важно, что оно обнажает социальные корни борьбы этих лет, срывает все прикрасы с дела контр-революции, которыми последняя прикрывалась в своей борьбе против диктатуры пролетариата.

Ем. Ярославский.

АРЕСТ БОРИСА САВИНКОВА.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

В ДВАДЦАТЫХ ЧИСЛАХ АВГУСТА С. Г. НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ОГПУ БЫЛ ЗАДЕРЖАН ГРАЖДАНИН САВИНКОВ, БОРИС ВИКТОРОВИЧ, ОДИН ИЗ САМЫХ НЕПРИМИРИМЫХ И АКТИВНЫХ ВРАГОВ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ (САВИНКОВ ЗАДЕРЖАН С ФАЛЬШИВЫМ ПАСПОРТОМ НА ИМЯ В. И. СТЕПАНОВА).

ДЕЛО Б. В. САВИНКОВА.

АРЕСТОВАННОМУ В 20-х ЧИСЛАХ АВГУСТА БОРИСУ ВИКТОРОВИЧУ САВИНКОВУ В 23 ЧАСА 23 АВГУСТА БЫЛО ВРУЧЕНО ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ, И ПО ИСТЕЧЕНИИ 72-х ЧАСОВ, СОГЛАСНО ТРЕБОВАНИЙ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА, В ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА ССРС НАЧАЛОСЬ СЛУШАНИЕ ДЕЛО О НЕМ.

СОСТАВ СУДА: ПРЕДСЕДАТЕЛЬ—ТОВ. УЛЬРИХ, ЧЛЕНЫ СУДА—Т. Т. КАМЕРОН И КУШНИРЮК.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ, ПОКАЗАНИЯ САВИНКОВА И ОТЧЕТ О СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ БУДУТ ОПУБЛИКОВАНЫ ЗАВТРА.

Письменное показание Бориса Савинкова

(данное 21 августа 1924 г.).

Раньше, чем отвечать на предложенные мне вопросы, я должен сказать следующее:

Я, Борис Савинков, бывший член боевой организации ПСР, друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийства Плеве и вел. кн. Сергея Александровича, участник многих других терр. актов, человек, всю жизнь работавший только для народа и во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках.

Как могло это случиться?

Я уже сказал, что всю жизнь работал только для народа и во имя его. Я имею право прибавить, что никогда и ни при каких обстоятельствах не защищал интересов буржуазии и не преследовал личных целей. Я любил Россию, был глубоко предан русскому трудовому народу и, конечно, мог ошибаться, но действовал всегда по совести и крайнему разумению. Был революционером и демократом, таким и остался.

Пошел я против коммунистов по многим причинам. Во-первых, по своим убеждениям я был пусть плохой, но эс-эр, а следовательно, был обязан защищать учредительное собрание; во-вторых, я думал, что преждевременно заключенный мир губелен для России; в-третьих, мне казалось, что если не бороться с коммунистами нам, демократам, то власть захватят монархисты; в-четвертых, кто мог бы в 1917 году сказать, что русские рабочие и крестьяне в массе пойдут за РКП?. Я разделял распространенное заблуждение, что октябрьский переворот не более как захват власти горстью

смелых людей, захват возможно только благодаря слабости и неразумию Керенского. Будущее мне показало, что я был неправ во всем. Учредительное собрание выявило свою ничтожность; мир с Германией заключила бы любая дальновидная власть; коммунисты совершенно разбили монархистов и сделали невозможной реставрацию в каком бы то ни было виде; наконец,—это самое главное,—РКП была поддержана рабочими и крестьянами России, т.е. русским народом. Все причины, побудившие меня поднять оружие, отпали. Остались только идейные разногласия: Интернационал или родина, диктатура пролетариата или свобода? Но из-за разногласий не поднимают меч и не становятся врагами... К сожалению, истину я увидел только в процессе борьбы, но не раньше. Моя борьба с коммунистами научила меня многому; каждый день приносил разочарования, каждый день разрушал во мне веру в правильность моего пути, и каждый день укреплял меня в мысли, что если за коммунистами большинство русских рабочих и крестьян, то я, русский, должен подчиниться их воле, какая бы она ни была. Но я—революционер. А это значит, что я не только признаю все средства борьбы вплоть до террористических актов, но и борюсь до конца, до той последней минуты, когда либо погибам, либо совершенно убеждаюсь в своей ошибке. Могли я убедиться в ней шесть, пять, четыре, даже три года тому назад, когда чаша весов еще колебалась, когда еще позволительно было думать, что русский народ в своем большинстве против коммунистической партии и Интернационала?

Я не преступник, я—военнопленный. Я вел войну, и я побежден. Я имею мужество открыто это сказать, я имею мужество открыто сказать, что моя упорная, длительная, не на живот, а на смерть, всеми доступными мне средствами борьба не дала результатов. Раз это так, значит, русский народ был не с нами, а с РКП. И говорю еще раз: плох или хорош русский народ, заблуждается он или нет, я, русский, подчиняюсь ему. Судите меня, как хотите.

Что было? На Дону — интриги, мелкое тщеславие, „алексеевцы“ и „корниловцы“, надежда на буржуазию, тупое непонимание положения, подозрительность к каждому демо-

крату и тайное „Боже, царя храни“. Я говорю о „верхах“, конечно... Я уехал с Дона уже отравленный мыслью, что „рыба гниет с головы“. Потом Ярославль. Геройское, но бесполезное дело. И... французы. Тогда я впервые почувствовал, как относятся иностранцы к нам... Потом Казань, эс-эры, громкие слова, безволие, легкомыслие, бездарность и малодушие. Опять „рыба гниет с головы“. Потом Париж, представительство Колчака. Конечно, та же картина. Те же интриги, то же легкомыслие, та же тупость, те же звонкие фразы и... ложные сведения из Сибири. Я был в отчаянии. Мне все еще казалось, что коммунисты—захватчики власти, и что русский народ не с ними, и неудачи наши я приписывал только неспособности „белых“, точнее—белых „верхов“. Меня ждало еще более горькое разочарование. Я говорю о Варшаве. С одной стороны—Балахович, с другой—Глазенап и Перемыкив,—их „превосходительства“ и золотые погоны. А тут же и польский штаб. Сразу оговорюсь насчет этого штаба. Заподозреть меня в шпионстве смешно. Могу ли я быть шпионом? Но я стоял во главе большого дела и должен был иметь базу. А база неразрывно связана с штабом. Никаких деталей я не знал и в них физически входить не мог, занятый с утра до вечера всевозможнейшими делами. Я поступал так, как поступали все белые, опиравшиеся на иностранцев. А без опоры на иностранцев мы воевать не могли.

Итак, Балахович, Перемыкин и штаб, генеральские ссоры, интриги Врангеля, воровство, „моя хата с краю“, чиновничество и прочее, и прочее, и уже не на „верхах“ только. В этой каше тонуло несколько честных и искренно убежденных людей. Все это было мне глубоко противно. Чтобы, по крайней мере, не обмануть всех, кто верили мне, я записался к Балаховичу солдатом и ушел в поход. Моя совесть нашла успокоение: я делил участь простых людей.

Потом переход границы. Когда перешли границу обратно в Польшу, я подвел итоги белому движению. Тяжелые это были итоги. Но и снова я не усомнился в том, что коммунисты—только захватчики власти. Я только сказал себе, что надо было идти другой дорогой. Отсюда „зеленые“ и „союз“, попытка чисто-крестьянского движения. Говорю: „попытка“, ибо настоящим движением этого было назвать

нельзя. Руководить из Варшавы „зелеными“ я не мог. Я мог только писать приказы. Я и писал их. Исполнялись ли они? Нет. В большинстве случаев вместо дисциплины была разнузданность, вместо идейной борьбы—бандитизм, вместо планомерных действий—разрозненные и потому ненужные выступления. Выходило так, что пытался синица море зажечь. Но и тут я не понял, что народ не с нами, а с РКП; но и тут я, революционер, не бросил борьбы. Почему не бросил? Да потому, что все еще верил, что коммунисты—чужие русским крестьянам и рабочим люди, и что русский народ, если не может, то, наверное, хочет освободиться от них. Я не знал, что в 1924 году будет один миллион комсомольцев...

Трагедия „белая“, трагедия „зеленая“. Разочарование „белое“, разочарование „зеленое“. Что оставалось делать? Использовать третью, последнюю, возможность борьбы—вернуться к подпольной работе, я и вернулся. Кое-как дело шло, пока я находился в Варшаве. Именно „кое-как“, и все время на убыль. На убыль настолько, что к 1923 году передо мной во весь рост встал страшный вопрос. Вот пять лет я борюсь. Я всегда и неизменно побит. Почему? Потому ли только, что эмиграция разлагается, эс-эры бездейственны, а генералы не научились и не могут научиться ничему? Потому ли только, что среди нас мало убежденных и стойких людей, зато много болтунов, бандитов и полубандитов? Потому ли только, что у нас нет денег и базы? Потому ли только, что мы не объединены? Потому ли только, что наша программа несовершенна? Или еще и прежде всего потому, что с коммунистами—русские рабочие и крестьяне, т.е. русский народ?

Я впервые ответил себе: „Да, я ошибся; коммунисты—не захватчики власти, они—власть, признанная русским народом. Русский народ поддержал их в гражданской войне, поддержал их в борьбе против нас. Что делать? Надо подчиниться народу“. Тогда я сел писать „Коня вороного“, тогда я отошел от всех дел и забился в щель, и тогда я был на волос от того, чтобы заявить публично, что прекращаю всякую борьбу. Я знаю, что этому трудно поверить, но это было именно так.

Обвинительное заключение

по делу по обвинению гр. Савинкова, Бориса Викторовича (он же Степанов, Виктор Иванович), в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58 1 ч., 59, 64, 66 1 ч., 70 и 76 1 ч. уголовн. кодекса.

С первых шагов своего появления в России после свержения царизма Борис Викторович Савинков проявил себя, как решительный и последовательный враг рабочего класса, беднейшего крестьянства и солдатских масс во всех проявлениях их борьбы за углубление и расширение революционных завоеваний. Многочисленные факты, относящиеся ко времени послефевральского и дооктябрьского периода, указывают на деятельность Савинкова, которая в общем и целом вела к тому, чтобы помочь российской буржуазии осуществить ее империалистические стремления. Деятельность эта выразилась в руководстве агитацией за верность союзникам и за войну до победного конца, в непосредственном проведении в правительстве и армии мер борьбы с пролетарскими организациями, в сношениях с представителями союзного командования, в организации белогвардейских офицерских сил с целью активной борьбы против завоеваний революции и за укрепление власти в руках империалистической буржуазии. В бытность военным министром и военным комиссаром Б. В. Савинков использовал в борьбе с нарастающей пролетарской революцией свое имя старого революционера-террориста для провокационного вхождения в органы пролетарских классовых организаций, в целый ряд солдатских комитетов и крестьянских союзов, с целью задержки развития революционного настроения среди их участников, что приводило к их раз-

ложению и усиливало позицию буржуазии в борьбе против трудящихся.

В июльские дни 1917 года Б. В. Савинков был сторонником самых решительных мер подавления классовых выступлений питерских рабочих и самой беспощадной расправы с ними. По его собственному признанию, Б. В. Савинков был за программу Корнилова и, в качестве военного губернатора Петрограда, оказывал ему моральную поддержку, выступив посредником между Керенским и Корниловым и затем между Алексеевым и Корниловым, чем препятствовал разгрому корниловского заговора.

После перехода власти в руки рабочих и крестьян Б. В. Савинков продолжает свою контр-революционную деятельность, являясь вдохновителем и организатором контр-революционеров, борющихся на стороне буржуазии с пролетарской революцией. Тесно связанный с контр-революционными генералами Корниловым, Красновым и Алексеевым, Б. В. Савинков принимал активное участие в организации наступления генерала Краснова на Петроград, для чего лично пробрался в его штаб в Гатчине, где призывал к наиболее решительным мерам борьбы с питерскими рабочими, войсковыми частями и революционными матросами, побуждая к борьбе Керенского. Для привлечения других войсковых частей на помощь Краснову Б. В. Савинков отправился в распоряжение армии генерала Черемисова и принял меры к использованию польского добровольческого корпуса генерала Довбор-Мусницкого.

После поражения Краснова, в декабре 1917 года Б. В. Савинков уезжает на Юго-Восток, где в личном сотрудничестве с генералами Калединым, Корниловым и Алексеевым принимает участие в Донском гражданском совете деятельность которого он усиливает и расширяет, пользуясь своим влиянием среди казаков, как член союза казачьих войск в Петрограде и как бывший революционер. В качестве члена Донск. гражд. совета Б. В. Савинков лично отвез в Петроград и передал Чайковскому приглашение вступить в члены этого совета. К этому же времени отмечается участие Савинкова в работе по созданию генералами Алексеевым и Корниловым добровольче-

ской армии. В феврале—марте 1918 года Б. В. Савинков прибыл нелегально в Москву, где немедленно вошел в связь с наиболее активно настроенными контр-революционными элементами. Все это видно из показаний Савинкова, данных 21 августа 1924 г. А из брошюры его „Борьба с большевиками“, изданной в Варшаве в 1923 г., видно, что он разыскал в Москве тайную монархическую организацию гвардейских и гренадерских офицеров в количестве около 800 человек (стр. 24). Ознакомившись с положением и наметив план дальнейшей контр-революционной заговорщицкой работы, Б. В. Савинков создал новую контр-революционную организацию — тайное о во для борьбы против большевиков под названием „Союз Защиты Родины и Свободы“. Говоря широковещательные слова о демократизме и называя себя защитником крестьянских интересов, Б. В. Савинков в руководящий состав включил заведомо ему известных монархистов генерал-лейтенанта Рычкова и полковника Перхурова. Исполняя директивы Донского гражд. совета и действуя согласно его реакционно-монархической программе, Б. В. Савинков поставил ближайшей целью свержение Советской власти путем военного переворота и полное уничтожение всех завоеваний Октябрьской революции, воссоздание армии „на основах настоящей воинской дисциплины“, т. е. с помощью контр-революционных генералов без какого бы то ни было участия комиссаров, и, наконец, продолжение войны с Германией, опираясь на помощь союзников. Эти задачи союза формулированы в программной прокламации С. З. Р. и С., распространяемой его членами в Москве. В ряды членов С. З. Р. и С. были включены преимущественно офицеры и юнкера, как находившиеся в Москве, так и прибывающие с Дона. В этот период Б. В. Савинков, действуя как эмиссар Донского гражд. совета и добровольческой армии, установил связь со штабом добрармии, послав, как это видно из его брошюры „Борьба с большевиками“ (стр. 25), офицера к генералу Алексееву с донесением о том, что в Москве образовался С. З. Р. и С. и с просьбой указаний. Одновременно Савинков находился в непосредственном контакте с представителями союзного дипломатического корпуса в лице Нуланса и Мас-

сарика, которые вели гайную контр-революционную работу на территории РСФСР, и получал от них денежные субсидии через Массарика, на которые фактически велась и расширялась вся организационная работа С. З. Р. и С. Это видно из брошюры Савинкова „Борьба с большевиками“ (стр. 26), из статьи Дикгоф-Деренталя, помещенной в „Отечественных Ведомостях“ от 24 ноября 1918 г., а также из показаний Савинкова от 21 августа 1924 года и показаний Кошелева (л. д. 34 и 36).

По признанию Савинкова, тогда были сформированы подпольные части по принципу кадра всех родов оружия с подразделением на активные боевые единицы ополчения. Когда союз вырос настолько, что представлял собой значительную организованную силу, то, по признанию Савинкова, он решил его подчинить политическому центру, каковой и нашел в лице „Национального Центра“. До этого Б. В. Савинков отказался от контакта с „левым центром“, состоявшим из социалистических и лево-кадетских элементов. Считая себя „демократом и защитником крестьянских интересов“, Б. В. Савинков выбрал в качестве политического руководителя организацию, в которой преобладающую роль играли монархические элементы.

Организованный Савинковым Союз Защиты Родины и Свободы имел свою контр-разведку в Москве и разъездных агентов, главным образом на Украине. Союз намечал широкую террористическую деятельность и в первую очередь покушение на Ленина и Троцкого, а также готовился к вооруженному выступлению, которое и состоялось, по распоряжению Национального Центра, в Рыбинске, Ярославле и Муроме. План этого вооруженного выступления был разработан Перхуровым под руководством Б. В. Савинкова. До вооруженного выступления с ведома и по заданиям Савинкова члены союза участвовали во всякого рода бандализме, грабежах, захватах зданий, налетах на склады, при чем Б. В. Савинков лично принимал участие в организации банд из офицеров, которые производили налеты и грабежи под именем и лозунгами анархистов (см. показания Кошелева—л. д. 34).

План вооруженного выступления Савинков предпола-

гал начать с убийства тт. Ленина и Троцкого в Москве, при чем подготовка этого убийства производилась самим Савинковым лично. Он организовал систематическую слежку за обоими вождями и непосредственно сам вел агентурную разведку в отношении товарища Ленина, что видно из брошюры „Борьба с большевиками“ (стр. 32 и показания Кошелева — л. д. 35).

Восстания в Калуге и во Владимире не произошли, а в Рыбинске, Муроме и Ярославле были подавлены. На все эти контр-революционные дела от представителей союзных представительств Савинков получил значительную сумму и сам лично руководил организацией восстания сначала в Ярославле, а потом в Рыбинске. Опору и поддержку, по признанию самого Савинкова, он находил среди торговцев и купцов города Рыбинска. После разгрома рыбинского, ярославского и муромского восстаний Савинков направил оставшиеся белогвардейские банды на разрозненную партизанскую борьбу, взрывы мостов и налеты на советские центры, проводя в то же время подтягивание своего штаба и своих частей к расположению чехо-словацких войск для дальнейших действий с ними против рабочих и крестьян, отстаивающих свои революционные завоевания от покушений помещичье-дворянской и промышленно-торговой контр-революции.

Вышеизложенное подтверждается: 1) брошюрой Б. С. „Борьба с большевиками“, 2) показаниями Кошелева и 3) материалами, опубликованными в „Красной книге“ ВЧК, т. I, о С. З. Р. и С.

Как видно из показаний Савинкова от 21 августа 1924 г., все эти неудачные восстания на верхней Волге были произведены после переговоров с французским послом Нулансом, который обещал, что часть десанта поможет свергнуть коммунистическую власть. После разгрома савинковских отрядов последний пробрался в Казань, где поступил в отряд Каппеля. В рядах этого отряда он вел партизанскую борьбу с Красной армией, отличаясь в качестве организатора и руководителя банд, действовавших в тылу, взрывавших мосты, железнодорожные линии и портивших телеграфную связь.

На территории, занятой чехо-словаками, Савинков поддерживал постоянную связь с представителями чехо-словацкого командования и с членами самарского правительства. После разгрома и распада С. З. Р. и С. Б. В. Савинков боролся против Сов. России в рядах колчаковской армии. Спустя некоторое время он был послан Колчаком в Париж в качестве члена колчаковской делегации. По его показаниям от 21 августа 1924 г., он стоял во главе колчаковского бюро печати „Унион“, околачивал пороги у иностранцев и обрабатывал общественное мнение, распространяя ложную информацию, присылаемую Колчаком.

После разгрома Колчака и Юденича Савинков, именуя себя военным министром, что видно из показаний Сергея Павловского, участвует в создании из остатков северо-западной армии новых формирований для Булак-Балаховича и Перемыкина, которые участвовали, как составные части польской армии, в советско-польской войне. Эти части под руководством Савинкова и Балаховича отличались по отношению к пленным и населению занятых ими районов Белоруссии исключительной жестокостью. Демократ и революционер Савинков, как он сам признается, находился среди таких банд, которые устраивали самые зверские еврейские погромы и невероятные насилия в местах, которые они занимали по окончании русско-польской войны. То, что Булак-Балаховичу и Перемыкину удалось успешно сформировать русские белые части, надо приписать исключительно Б. В. Савинкову, который пользовался доверием польского генерального штаба и французской военной миссии (см. показ. Гнилорыбова).

После разгрома Колчака, Юденича и Деникина Савинков, поняв, что силами внутренней контр-революции Советскую власть не свергнуть, начинает пропагандировать в белогвардейской печати и в личных переговорах с белогвардейскими политическими деятелями план борьбы путем интервенции. С присущей ему энергией он добивается личных свиданий с видными политическими деятелями Антанты— Мильераном, Черчилем, а также с Пилсудским, начальником польского государства и главнокомандующим армии, которая в то время вела войну с Советской федерацией. В этот же период Са-

винков осуществляет, что видно из показаний Гнилорыбова, Оперпута и самого Савинкова, ряд практических соглашений с Врангелем и Петлюрой: безоговорочно признает первого в качестве верховного главнокомандующего и декларирует право второго на самостоятельную национально-политическую деятельность.

В отношении политической программы Савинков, не давая точных и ясных формулировок, выставляет в качестве лозунгов борьбы с Советской властью—лозунг третьей России, осуществляемой при помощи третьей революции силами объединенных и согласованных действий всех антибольшевистских сил безотносительно к партийным подразделениям.

Таким образом Савинков добился поддержки со стороны Франции и Польши и получил источник материальных доходов, а также подготовил почву для образования новой контр-революционной организации с такой программой и с такими лозунгами, что в нее могли вступать для борьбы с большевиками наиболее активные белогвардейские элементы, начиная от монархистов и кончая меньшевиками (см. прокл. и брош. Н. С. З. Р. и С.).

Пользуясь всемерной поддержкой Пилсудского, на средства, получаемые, главным образом, от ген. штаба, как видно из показаний Оперпута, Гнилорыбова, Сергея Павловского и Росселевича, а также из приговора по делу Росселевича, Савинков создал в Варшаве центр своей организационной работы—Русский Эвакуационный Комитет при русском политическом комитете. Эта организация имела своей задачей объединение на территории Польши всех антисоветских элементов, как из среды русской эмиграции, так и из остатков разгромленных белых армий Булак-Балаховича и Перемыкина, и руководила продолжением активной вооруженной борьбы с Советской Россией, а также шпионско-разведывательной работой на территории Советской России при помощи „информационного бюро“, во главе которого стоял брат Савинкова, Виктор, действовавший по указанию, с согласия Бориса Викторовича Савинкова, в контакте со II отделом польского генерального штаба. Братья Савинковы, как видно из того же приговора по делу Росселевича, создали новую заговорщическую к.-р. организацию,

назвав ее Нар. Союз. З. Р. и Св. В июле 1921 года, в Варшаве, под председательством Б. Савинкова и при участии представителя II отдела польского ген. штаба Сологуба-де-Войно, французской военной миссии майора Пакелье и представителя Петлюры генерала Тютюнника, состоялся съезд Союза, на котором была одобрена деятельность в области контр-революции и шпионажа как Р. Э. К., так и Союза со времени его основания в январе 1921 года, а также была утверждена программа и тактика Н. С. З. Р. и Св., указывавшая на необходимость в целях дезорганизации Советской власти уничтожения особыми партизанскими террористическими отрядами штабов, ревкомов, чрезвычайных комиссий, сыпных пунктов, исполкомов, порчи жел.-дор. мостов и телеграфных линий, убийства отдельных совработников, коммунистов и т. д.

В конце 1921 года, когда выяснилась невозможность поднять общее восстание в Западной области вследствие полного нежелания местного населения выступать против Советской власти, а также вследствие ряда провалов на советской территории, по указанию Бориса Савинкова организация главное внимание обратила на усиление партизанско-бандитской работы и разведывательно-шпионской деятельности при полной материальной поддержке II отдела польского штаба и французской военной миссии в Варшаве и по директивам последних.

Вся деятельность организации Савинкова—Русского Эвакуационного Комитета и Н. С. З. Р. и Св.—была разбита им на отделы, имевшие разные наименования и функции. Наиболее важными отделами являлись: организационный, ведавший работой в России и имевший ряд пунктов на территории Польши для вербовки членов организации и переправки их, как агентов, в Россию, и оперативный отдел, ведавший партизанско-бандитской деятельностью отрядов Народного Союза на территории Советской России и несший разведывательную службу в пользу польского генерального штаба и французской миссии.

В ведении организац. отдела находились и выполняли работу по его заданиям гельсингфорский и рижский пункты организации Б. Савинкова.

Ни один работник Народного Союза не отправлялся через границу в Россию без того, чтобы одновременно не состоять сотрудником разведывательного отдела генштаба Польши или французской военной миссии. При вступлении в организацию и при отправке в Россию савинковские агенты давали присягу, в которой обещались вести непримиримую борьбу с Советской властью и действовать „где можно—открыто с ружьями в руках, где нельзя—тайно, хитростью и лукавством“. Отправляющиеся в Россию получали соответственные задания от Народного Союза, затем направлялись в разведывательный отдел польгенштаба, где, будучи зачислены в состав его агентов, получали шпионское задание о собирании сведений о Красной армии, деньги на дорогу, фальшивые документы на проживание в России и пропуск через границу. Кроме того, командируемые снабжались особыми мандатами на полотно за подписью Бориса или Виктора Савинковых, где удостоверялись назначение и цель их командировки. Возвратившийся из России агент прежде всего должен был являться в разведывательный отдел польгенштаба, где делал письменный доклад о произведенной шпионской работе, а также передавал документы, добытые в Сов. России, и только после этого мог отправиться к начальнику пункта Народного Союза.

Конспиративный отдел организации Бориса Савинкова ведал изготовлением советских поддельных удостоверений и фабрикацией фальшивых документов. Командированные таким порядком агенты Народного Союза были неоднократно задерживаемы на территории Сов. России, при чем при них были обнаружены вышеуказанные мандаты и документы, приложенные по делу. Изложенное подтверждено также большим количеством показаний членов савинковской организации (между прочим, Росселевича, Винокурова и др.).

Оперативный отдел ведал бандитской деятельностью на советской территории. Свидетельские показания, сознания участников банд и документальные данные устанавливают, что участники партизанских отрядов набирались из числа интернированных в лагерях, лично известных начальнику отряда. По соглашению с польгенштабом, снабженные полученными от него документами и пропусками партизаны

переотправлялись в район Глубокое и Лунинец, где польские пограничные посты производили пропуск их через рубеж с непременным условием открыть действия не ближе 50—70 верст от границы, чтобы создать иллюзию отрядов местного происхождения. Таких банд-отрядов было переотправлено весьма большое количество. Одной из наиболее выдающихся по жестокостям, творимым ею, являлась банда полковника Павловского, состоявшего одновременно и начальником оперативного отдела организации Б. Савинкова. Банда эта в начале июля 1922 года пыталась занять город Холм, но, встретив достаточное сопротивление, отступила к Ст. Руссе, убив упродкомиссара. По дороге бандой был разгромлен волисполком и совершен ряд убийств, затем был захвачен гор. Демьянск и ограблено там советское казначейство. После ограбления Демьянска бандиты двинулись в Порховский уезд. В пути ими был захвачен подработчик, член РКП Силиц, у которого вырезали на груди звезду, избили, искололи штыками и повесили. Среди других зверств, произведенных над коммунистами, был случай, когда одного после избития привязали за ноги к подводе и волокли до тех пор, пока он не умер. В общем в этот приход этой савинковской банды в Россию ею было совершено 18 вооруженных нападений и ограблений и убито свыше 60 человек. Кроме этого, оперативный отдел составлял обзоры и доклады о состоянии Красной армии, которые продавал французскому и польскому генеральным штабам.

Информационное бюро под личным руководством Бориса Савинкова вело систематическую обработку получаемых шпионских сведений о Советской России, а также изготовляло собственный информационный материал, дающий ложное освещение положения в России и существа внешней и внутренней политики Советской федерации и экономического строительства в ней. Ложность этих сведений Борису Савинкову заведомо была известна и им сознательно предписывалась с той целью, чтобы распусканием ложных сведений о подготовке Красной армии к генеральному наступлению на Запад добиться новой союзнической интервенции. Установлена, на основании показаний Оперпута и Гнилорыбова, прямая провокационная роль Бориса Савинкова в распускании

ложных сообщений о составе, продвижениях и оперативных намерениях Красной армии. Кроме того, был целый ряд случаев составления подложных приказов по Красной армии, обзоров, докладов и фотографий. Все это делалось для того, чтобы добиться открытых военных операций и ослабить советскую границу и причинить затруднения СССР. За период с 1921 по 1923 год органами ВЧК—ГПУ ликвидированы были следующие отделения Народного Союза Защиты Родины и Свободы, занимавшиеся вредительско-шпионской деятельностью, направленной исключительно к свержению Советской власти: Западный областной комитет и его организации, численностью свыше 300 человек, Юго-восточный областной комитет (в зародыше); отдельные организации в Самаре, Саратове, Харькове, Туле, Киеве, Одессе; в Москве были ликвидированы 23 отдельных савинковских резидентуры; на территории Ленинградского военного округа ликвидированы различные ячейки Народного Союза численностью в 220 человек.

Всего по республике за второе полугодие 1922 и 1923 г.г. ликвидировано ячеек Народного Союза с количеством членов свыше 500 человек. Все арестованные признали себя членами савинковской организации и указали как на свою роль и задачи в области ведения контр-революционной работы в России, организации бандитских выступлений, ведения шпионской работы во всех ее видах, так и на вышеизложенные методы и пути осуществления этой деятельности.

Руководители ячеек и групп Народного Союза Защиты Родины и Свободы на территории Сов. России и ответственные резиденты шпионажа в центрах ее признались в получении директив и указаний непосредственно от Бориса Савинкова лично или через его брата Виктора, чего не отрицает и сам Борис Савинков в своих показаниях.

Об этом же свидетельствуют многочисленные приговоры суда РСФСР и СССР по делам савинковских организаций, банд и отдельных шпионов.

Помимо указанных отделов, было также террористическое отделение во главе с полковником Гвилорыбовым; задачей его было совершение и подготовка терр. актов против вождей рабочего класса, а также экономический террор,

взрывы и поджоги складов, сооружений и проч. В июле 1921 г. в Москву был послан полковник Свежевский для убийства тов. Ленина. Перед отъездом его вызвал лично Б. Савинков и дал ему ряд наставлений и руководящих указаний. Борис Савинков предложил Свежевскому найти надежного офицера-курьера, с которым сообщить в Варшаву свой адрес и результаты подготовительной работы. Борис Савинков обещал выслать деньги и предложил в случае невозможности выполнить терр. акт добыть какими-угодно способами сведения о Красной армии, о состоянии вооружения, настроения, расположения частей и штабов (см. показания Свежевского и Гнилорыбова—л. д. 112, 113, 114 и 202).

В 1921 году членом организации Н. С. З. Р. и С. Карповичем было получено при посредстве савинковской организации из II отдела польского генерального штаба большое количество цианистого калия, предназначенного террористическим отделением для массового отравления частей Красной армии Западного фронта (см. показания Опернута).

Н. С. З. Р. и С.—1) получал деньги от продажи остатков военного и санитарного имущества, числящегося за Р. Э. К. со времени польской кампании; 2) за продажу документальных данных, добытых разведкой, получал от французской миссии полтора миллиона польских марок в месяц; 3) от II отдела польского генерального штаба—500—600 тысяч пол. марок в месяц; 4) от польского мининдела—пятнадцать миллионов пол. марок в месяц. Кроме того, были нерегулярные поступления—полторы тысячи долларов из личных средств Пилсудского, тринадцать тысяч долларов от Бахметьева, десять тысяч франков от Маклакова, 35 тысяч франков от Бенеша, несколько раз по сотне фунтов от Чайковского. Ежемесячно посылал Нобель 15 тысяч франков, 2 тысячи франков—бывший русский посол Гирс и по 20 тысяч чешских крон от Бенеша (показание Гнилорыбова—л. д. 199). Все эти субсидии показывают, что широкий демократизм Бориса Савинкова позволял ему получать деньги и от монархистов, и от министров враждебных Советской федерации стран и тем самым фактически играть роль наемника монархистов и враждебных иностранных правительств.

Руководя делами организации в период 1921—1922 г.г., Борис Савинков направлял ее деятельность—

1) на территории России на ограбление кооперативных организаций, разгром сельсоветов и городов, массовые убийства и грабежи, подготовку террористических актов, что видно из его слов показания от 21 августа: „Приказы отдавал, в детали не входил“;

2) на вербовку членов Союза в польских лагерях для дальнейшей борьбы с Советской властью;

3) на постоянное и неизменное обслуживание разведок и генеральных штабов Польши и Франции.

Лишившись возможности для дальнейшего ведения контр-революционной деятельности и потеряв доверие и кредит со стороны иностранных контр-разведок, Борис Савинков в конце 1921 года и начале 1922 года переносит основное руководство в Прагу, оставив в Варшаве нелегальную ячейку Народного Союза, его информационное бюро в качестве разведывательного бюро II отдела польского генерального штаба, сохраняя опорные пункты для работы в Советской России и небольшой кадр работников (показания Гнилорыбова).

В этот период Борис Савинков усиленно добивается связи с государственными деятелями Антанты, стремясь получить деньги. Он добивается свидания с Черчилем и Муссолини. С первым беседует о дальнейшей изоляции Советской России и поддержке активной борьбы с мировым большевизмом, а со вторым обсуждает формы международного фашизма, как единственное средство борьбы с коммунистической революцией. Кроме того, Савинков продолжает связь с французским генеральным штабом, исполняя роль информатора и советника по российско-советским делам; Савинков продолжает считать своей агентурой и членами своей организации оставшихся на службе в разведывательных пунктах № 1 Вильно, в Столбцах и Глубоком, на Украине—Корец, а также в Финляндии и Латвии. В Париже Савинков вошел в связь с контр-революционной шпионской организацией Центра Действия в лице ее руководителей Чайковского и Вакара, передал в распоряжение Ц. Д. свои линии связи на украинской и финской границах, чем до

июля 1923 г. Ц.Д. успешно пользовался (показ. Павловского и Винокурова).

Являясь убежденным сторонником индивидуального террора, Борис Савинков поставил его в систему своей политической борьбы против Советской власти. Необходимость террора он обосновывал в своем органе „За Свободу“, выходящем в Варшаве, и в личных директивах членам своей организации. Денежные средства на ведение политической борьбы он черпал почти исключительно у иностранных держав и у крупных русских капиталистов, а также у бывших царских посланцев.

До последнего времени, т.-е. до середины августа с. г., Борис Савинков руководил работой группы членов своей организации в Варшаве и в Вильне и продолжал получать шпионские материалы, добытые в России от членов своей организации, находящихся на разведывательной службе польского штаба. Летом 1923 года Савинков командировал в Советскую Россию члена Н.С.Э.Р. и С., известного бандита Сергея Павловского, поручив ему ведение партизанско-бандитской работы, а также экономического и индивидуального террора (см. показания Павловского).

Допрошенный в качестве обвиняемого, Борис Савинков в большинстве предъявленных ему инкриминирующих фактов признал себя виновным.

На основании изложенного, согласно постановления ЦИК СССР от 22 августа 1924 г., подлежит суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР гр и Савинков, Борис Викторов, он же Степанов, Виктор Иванов, 45 лет, происходящий из семьи чиновника, при Советской власти не судавшийся, по обвинению в том—

1) что он, начиная с октября 1917 г., вел непрерывную вооруженную борьбу против Советской власти, участвуя в качестве руководителя вооруженных отрядов и создавая контрреволюционные организации, имевшие целью свержение Советской власти путем вооруженной борьбы, а также путем провокаторской, шпионской, бандитской и террористической деятельности;

2) что, являясь одним из активных зачинщиков и организаторов гражданской войны, поднятой капиталистами и помещиками против рабочих и крестьян России, Б. Савинков

лично направлял белогвардейские силы по линии наибольшей активности и организованной сплоченности под лозунгами полного подчинения своих классовых и групповых интересов задачам борьбы с коммунистической революцией всеми возможными способами и при непрременной тесной связи с враждебными Советскому Союзу империалистическими государствами;

3) что непосредственным результатом активной контр-революционной деятельности Б. В. Савинкова было более быстрое формирование добровольческой армии, а также создание связанных с ней подпольных заговорщических организаций в Москве, Ленинграде и других центрах России;

4) что, организовав Союз Защиты Родины и Свободы совместно с монархистами Перхуровым и генералом-лейтенантом Рычковым и получив деньги и директивы от французского посла Нуланса и от чехо-словаков, Борис Савинков поднял восстания в Рыбинске Ярославле и Муроме, чем непосредственно способствовал чехо-словацкому мятежу, созданию новых вооруженных сил армии учредительного собрания и организации контр-революционных правительств в Самаре и Уфе;

5) что после разгрома организованного им повстанческого движения внутри РСФСР он, Савинков, поставил себе целью создание новой контр-революционной организации из наиболее активных белогвардейских элементов с целью проведения контр-революционной заговорщической деятельности для подготовки успехов иностранной интервенции и свержения рабоче-крестьянского правительства, для чего он принял ряд энергичных мер для формирования бандитских отрядов путем комплектования их белогвардейским, кулацким и уголовным элементом и посылки этих отрядов при помощи и по указанию польского генерального штаба для поднятия и развития бандитского движения;

6) что вся контр-революционная деятельность Бориса Викторовича Савинкова органически связана с империализмом Антанты и была работой ее прямого агента, который вел организованную шпионскую работу агентурного и вредительного характера в пользу командования враждебной Советскому Союзу армии;

7) что руководимая Борисом Савинковым банда деятельность на территории Советской республики велась в соответствии с военными интересами и заданиями враждебных Советскому Союзу государств;

8) что сам Б. В. Савинков лично был осведомителем военных и политических деятелей Антанты по вопросам политики и обороны Советской России, используя это свое положение для нанесения наибольшего ущерба государственным и международным интересам СССР и принимая самые энергичные меры воздействия, чтобы сорвать или хотя бы затруднить возобновление сношений с СССР;

9) что в продолжение всей борьбы Б. В. Савинков устно и письменно пропагандировал и агитировал в направлении помощи международной буржуазии, которая в борьбе с Советской властью пыталась ее свергнуть путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы, и, кроме того, пропагандировал, организовывал и применял метод индивидуального и массового террора как в отношении государственных деятелей и вождей рабочего класса, так и путем применения массового отравления красноармейских частей;

10) что вся деятельность Б. В. Савинкова направляется на пользу помещичье капиталистической реакции и иностранного империализма, борющихся за то, чтобы обратить Союзную федерацию в колонию англо франко американских биржевиков, и выявила его, как изменника и предателя интересов не только трудящихся, но и интересов России, как таковой, т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58—I часть, 59, 64 и 66—I ч., 76—I ч. и 70 уголовного кодекса.

23 августа 1924 года.

„Копию настоящего обвинительного заключения получил 23 августа в 23 ч. 30 м. Б. Савинков“.

Судебное разбирательство.

Утреннее заседание 27 августа.

Председатель тов. Ульрих объявляет заседание Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР открытым. Слушается дело Савинкова, Бориса Викторовича, именующего себя Викторэм Ивановичем Степановым, по обвинению в том, что с 1917 г. по август месяц 1924 г. он руководил контр-революционными выступлениями, организацией контр-революционных банд и бандитскими выступлениями на территории Советской республики.

Состав суда: председатель тов. Ульрих и члены суда—т.т. Камерон и Кушнирюк.

Опрос обвиняемого.

Председатель.—Ваша фамилия Савинков?

Савинков.—Да, Савинков, Борис Викторович.

Председатель.—Вы прибыли в Россию под фамилией Степанова, Виктора Ивановича?

Савинков.—Да.

Председатель.—Возраст?

Савинков.—45 лет.

Председатель.—Социальное положение?

Савинков.—Я—сын судьи в Варшаве.

Председатель.—Образовательный ценз?

Савинков.—Я был исключен из Петроградского университета за политические преступления.

Председатель.—В дореволюционное время сколько лет состояли в партии с.-р.?

Савинков.—14 лет.

Председатель.—В данное время считаете ли себя членом какой-нибудь политической организации или партии?

Савинков.—Да, я принадлежал к Союзу Защиты Родины и Свободы.

Председатель.—А в данную минуту?

Савинков.—В данную минуту я не принадлежу ни к какой партии.

Далее на вопросы председателя Б. В. Савинков заявляет, что копию обвинительного заключения он получил, имеет ее при себе, отвода против состава суда и ходатайства о вызове свидетелей или приобщения документов не имеет.

После оглашения обвинительного заключения продолжается опрос подсудимого.

Председатель.—Признаете ли себя виновным в том, что, начиная с октября 1917 г. до ареста в августе 1924 г., вы вели непрерывную вооруженную борьбу против Соввласти, участвуя в качестве руководителя вооруженных отрядов и создавая контр-революционные организации, имевшие целью свержение Советской власти путем вооруженной борьбы, а также путем провокаторской, шпионской, бандитской и террористической деятельности?

Савинков.—Да, я признаю себя виновным в том, что вел против Советской власти вооруженную борьбу.

Председатель.—Признаете себя виновным за весь период?

Савинков.—До весны 1923 года.

Председатель.—Признаете себя виновным, что в конце 1917 года совместно с генералами Калединным, Корниловым и Алексеевым участвовали в организации добровольческой армии, ставившей себе задачи продолжения войны с Германией и свержения Советской власти?

Савинков.—Да, признаю себя виновным.

Председатель.—Признаете ли, что в конце 1918 года и в начале 1919, состоя за границей представителем Колчака и других, вели переговоры с иностранными государствами по оказанию помощи белым армиям?

Савинков.—Да, это тоже правда.

Председатель.—Признаете ли себя виновным в том, что весной 1918 г. вы организовали Союз Защиты Родины и Свободы совместно с монархистами Перхуровым и генерал-лейтенантом Рычковым и, получив деньги и директивы от французского посла Нуланса и чехо-словаков, подняли восстание в Рыбинске, Ярославле и Муроме, чем непосредственно способствовали чехо-словацкому мятежу, созданию новых вооруженных сил армии учредительного собрания и организации контр-революционных правительств в Самаре и Уфе?

Савинков.—Да, я, конечно, этим занимался, но никогда не было, чтобы я посмел когда-нибудь заведомо бандитские организации в Россию. То, что происходило, было помимо моей воли. Я об этом, с вашего разрешения, буду говорить потом.

Председатель.—Во время вашей деятельности в качестве председателя Всероссийского Комитета Союза Защиты Родины и Свободы в период с 1921 по 1923 год вы работали в полном контакте и при материальной поддержке представителей польского генерального штаба и французской военной миссии в Варшаве?

Савинков.—Да, это правда.

Председатель.—Признаете ли вы себя виновным, что в тот же период времени вы также пользовались материальной поддержкой представителей других иностранных государств, в частности Чехо-Словакии и Англии?

Савинков.—В этот период времени ни Англия, ни Чехо-Словакия мне не помогали. Англия вообще никогда не помогала, а чехи помогали в 1918 году и потом оказывали помощь на поддержание существования различных членов организации, которые оставались за границей.

Председатель.—Вы не отрицаете, что в 1923 году вы обращались за материальной помощью к Муссолини?

Савинков.—Да, это правда.

Председатель.—Получили материальную помощь?

Савинков.—Нет, не получил.

Председатель.—И затем последний вопрос: за этот же период времени вы устно и письменно пропагандировали

и агитировали в Западной Европе о необходимости продолжения вооруженной борьбы с Советской Россией путем интервенции, блокады и т. п.?

Савинков.—В общем, конечно, это правда, но разрешите сделать маленькое примечание: относительно интервенции я говорил в 1918—1919 г.г., позже я этого совершенно не защищал, придя к полному убеждению, что интервенция может принести только вред русскому народу.

В октябрьские дни.

После 10-минутного перерыва заседание возобновляется с опроса подсудимого о его деятельности в период Октябрьской революции.

Председатель.—Где вы были в момент Октябрьского переворота?

Савинков.—Как только я узнал, что переворот начался и вы осаждаете Зимний дворец, я сделал попытку освободить Зимний дворец через союз казачьих войск. Но найти какие-нибудь войсковые части, которые двинулись бы на помощь Зимнему дворцу, мне не удалось. На следующий день я проехал через ваше оцепление в красновский отряд. Моя роль в отряде Краснова была чрезвычайно мала. Если хотите, у меня больше дела было при Керенском, так как его я нашел в состоянии полнейшей растерянности, но после сдачи Гатчины и неудачной попытки организовать борьбу с вами я поехал в Петроград. Цели у меня определенной не было. В дальнейшем я вам скажу, по каким мотивам, я был совершенно убежден, что мой долг—бороться с вами до конца. Я приехал в Петроград, чтобы узнать, что вообще делается, предполагается ли какая-либо борьба. Здесь я узнал, что Каледин и Корнилов уже на Дону и пытаются там создать добровольческую армию для борьбы с вами.

На Дону.

В Петрограде я ничего не делал, оставался недолго и поехал на Дон. Здесь явился к Каледину. Должен вам сказать, что то, что я нашел на Дону, меня тогда чрезвы-

чайно поразило. Я очень сожалел потом, что не имел времени и возможности вдуматься глубже в те первые впечатления, которые я получил от добровольческой армии. Эти впечатления были таковы, что через 6 недель я уже уезжал с глубоким недверием к тому, что на Дону делалось. Меня поразило, что в такой решительный момент, когда, по моему мнению, нужно было всеми силами бороться с вами, здесь, по крайней мере, в окружении генералов Корнилова, Каледина и Алексеева, люди занимались, главным образом, интригами, выслуживанием, сплетнями, но не делом. Создавалось такое впечатление, что о родине не думает никто, а каждый занят своими маленькими делишками. Я сразу же по приезде беседовал с покойным Митрофаном Богаевским. Я пытался доказать ему, — я об этом очень много и упорно говорил и это было целью моей поездки на Дон, — говорил с Калединым, Красновым, Алексеевым и всеми членами Донского гражданского совета, что совершенно невозможно бороться против вас, не опираясь на крестьянство, что настоящая Россия в огромной степени — это крестьянство и что надо бороться с вами, защищая интересы крестьянства, для крестьянства и во имя крестьянства, иначе — борьба должна окончиться неудачей. Богаевский мне на это ответил (и меня это поразило): „Нет, время демократии прошло. Мы рассчитываем на буржуазию и казаков“.

Я ехал туда в уверенности, что там люди воодушевлены теми же чувствами, как и я, т.-е. прежде всего чувством глубокой любви к моему народу и к моей стране. Но, когда я приехал туда, я увидел, что люди, собравшиеся там, лично на меня, например, смотрели как на врага, потому что я всю свою молодость провел в борьбе с царем. Меня сейчас же окружили контр-разведкой, за каждым моим шагом начали следить. Я был окутан паутиной всевозможного обмана и всевозможной лжи. Дело дошло до того, что они начали устраивать на меня покушения. Ко мне на квартиру пришел артиллерийский офицер для того, чтобы меня убить, но, когда мы остались с ним с глазу на глаз, он побоялся поднять оружие. В разговоре со мной он сознался, что был послан меня убить и просил только об одном, чтобы я не давал хода этому делу. Я рассказываю этот маленький

эпизод для того, чтобы показать вам ту атмосферу, которая была надо мной. Если к этому прибавить: пьяные патрули на улицах, пьяные „боже, царя храни“, разделение добровольцев на „алексеевцев“ и „корниловцев“ и, еще раз повторяю, всевозможные интриги и ни малейшей мысли о родине, то вы поверите мне, если я вам скажу, что оттуда я уезжал с глубоко стесненным сердцем. Я уже тогда был оравлен мыслью о том, что из этого ровно ничего не будет. Еще раз говорю, что много-много раз потом я глубоко сожалел, что не имел возможности сосредоточиться на этих впечатлениях.

Я уезжал оттуда после многих бесед как в Донском правительстве, так и в Донском гражданском совете. Формально, на бумаге я достиг некоторого результата. И Каледин, и Алексеев, и особенно Корнилов на словах соглашались со мной, что необходимо опереться на крестьянство и реорганизовать Донской гражданский совет на началах демократии. Но все это были слова, а фактически что они сделали? Они сейчас же предложили мне не более, не менее, как вернуться в занятую уже вами Москву, в занятый уже вами Петроград. Для меня было ясно, что, давая такое поручение, они очень рассчитывали на то, что вы меня вскоре поймаете и тут же расстреляете.

Почему же я тогда пошел к Каледину и к Корнилову? Что же мне было делать: один бороться я не могу. В эс-эров я не верил, потому что видел их полную растерянность, полное безволие, отсутствие мужества... А кто боролся? Да один Корнилов! И я пошел к нему.

Когда я уезжал, в мою память врезалась незабываемая картина, которая надолго осталась передо мной. Это мое последнее впечатление о Доне. Я с Алексеевым и его молодым адъютантом-офицером вышли вечером после какого-то совещания. Вдруг из темноты появилась какая-то фигура со штыком и замахнулась на Алексеева. Я помню, как молодой офицер бросился на него, как кошка, схватил за горло и повалил. На вопрос Алексеева, кто вы такой, он ответил: я доброволец офицерского полка, в патруле. Вот этот офицерского полка доброволец в патруле в пьяном виде замахивается винтовкой на своего главнокомандующего. Вот с чем я там встретился.

Состав Донского совета.

Председатель.—Состав совета был недемократический?

Савинков.—Совершенно недемократический.

Председатель.—Председателем был Алексеев, и Корнилов тоже был?

Савинков.—Да.

Председатель.—Струве входил?

Савинков.—Да.

Председатель.—В качестве кого?

Савинков.—Я не могу дать ответа на этот вопрос, потому что и для меня было неожиданностью, что я увидел там Струве. Я тоже себя спросил: а почему тут сидит Струве? Помню еще, что входил один из редакторов „Русских Ведомостей“, Белоусов.

Председатель.—А Федоров, бывший министр промышленности?

Савинков.—Федоров, кажется, был.

Председатель.—Но все не казаки?

Савинков.—Нет, не казаки... Но мог ли я один бороться? Я не чувствовал в себе такой силы, значит надо было куда-то идти, заключать какой-то союз. Вы скажете, что это было наивно с моей стороны. Я сам глубоко сожалел об этом, но кто сказал „а“, тот должен сказать и „б“. Я сам сожалел, что так наивно верил в то, что эти господа генералы действительно любят Россию и будут искренно за нее бороться. Оттуда я уехал и начал работать самостоятельно в связи с ними. Оторваться от них я боялся,—я не отдавал себе полного отчета в том, что там происходит. Прошу не забывать, что сейчас ретроспективно об этом говорить не трудно, но тогда, когда свистела буря и валился бурелом, я разделял заблуждение многих.

Председатель.—Когда вы уехали с Дона?

Савинков.—Я уехал с Дона в середине января 1918 г.

Председатель.—Какое получили задание и от кого?

Савинков.—От Донского гражданского совета я получил задание переговорить с некоторыми лицами, ну... с Плехановым, о том, что, может быть, они войдут в Донской гражданский совет.

Председатель.—С Плехановым?

Савинков.—Да, с Плехановым.

Председатель.—А еще с кем?

Савинков.—Если не ошибаюсь, с Чайковским.

Председатель.—А из монархистов с кем?

Савинков.—Из монархистов ни с кем, я получил задание соответственно моей бумажной победе.

Председатель.—Эту миссию вам удалось выполнить?

Савинков.—Нет, нет. Мне эту миссию совершенно не удалось выполнить. Плеханов тогда умирал, Чайковского я не видел. К тому же мне тогда стало яснее, что оттого, что там будет Плеханов или Чайковский, ничто не изменится.

Председатель.—А кто же придумал привлечь именно Плеханова?

Савинков.—Я, конечно.

Председатель.—И возражений против этой кандидатуры не было?

Савинков.—Конечно, были длинные разговоры, но я уже вам сказал, что некоторая бумажная победа у меня была.

Союз Защиты Родины и Свободы.

Я поддерживал кое-какие сношения с Доном и начал создавать ту организацию, которая потом называлась Союзом Защиты Родины и Свободы, и начал организацию муромского восстания.

Председатель.—Когда вы приехали в Москву, вы наткнулись на какую-то готовую организацию?

Савинков.—Нет, это не совсем верно. Какие-то гвардейские и гренадерские части были объединены, но с ними я никакого дела не имел, потому что знал, что они были подчинены некоему правому центру, определенно монархическому. Я полагал, что борьба с большевиками совершенно необходима, и что в этой борьбе надо попытаться объединить все антибольшевистские силы, за исключением явных монархистов. Я думал, что нам, демократам, надо бороться в союзе с добровольцами, потому что если мы будем бороться порознь, то нас разобьют очень легко, а также для того, чтобы не доставить добровольцам первого ме-

ста, когда вы будете побеждены. Вы не забывайте, что я говорю о 1917 г., когда это заблуждение было у многих. Может быть, и среди вас были тогда такие люди, которые не знали, победите вы или нет. Россия тогда разделилась на две части: одни были за вас, другие—против вас; одни верили в вашу победу, другие не верили. В этот период я был из тех, которые в вашу победу не верили. Я полагал, что в противовес правому центру, о котором я упомянул, надо учредить единый национальный центр, куда вошли бы и левые, и умеренно-правые, все стоящие на платформе учредительного собрания. Отсюда и началась организация Национального Центра. В левый центр входили и эс-эры, эи-эсы, левые кадеты, которые также входили и в Национальный Центр, а правый центр был монархическим. Они прямо говорили, что они против учредительного собрания. Я входил в Национальный Центр, который стоял на платформе объединения всех борющихся антибольшевистских сил, кроме монархистов. Программа образовавшегося Союза Защиты Родины и Свободы была довольно элементарна и сводилась, главным образом, к вопросу об учредительном собрании. Мы стояли на той точке зрения, что наше дело—расчистить путь народу, а не навязывать ему своей власти. Мы стояли за то, чтобы власть эта была осуществлена, если хотите, своего рода диктатурой.

Председатель.—Диктатурой кого?

Савинков.—Это не было указано. (Смех).

Председатель.—Вы имели в виду какую диктатуру: военную или гражданскую, гражданского совета с генералами?

Савинков.—Наша программа была очень элементарна, потому что это не была политическая партия, это была боевая организация, которая ставила определенную, чисто-военную цель: свержение вашей власти и созыв учредительного собрания. Для того, чтобы это учредительное собрание в момент такой смуты можно было собрать, после вашего падения нужно было создать твердую власть. Мы не предпрешали форм этой власти, какая она будет, военная или гражданская, но условились твердо, что это не должно быть повторением керенщины. Основным пунктом нашей программы было учредительное собрание.

Через учредительное собрание к монархии.

Если вы хотите спросить о противоречии: почему я, демократ, шел с теми, кто потом оказался монархистами, то я должен сказать, что приехал из-за границы и о России ничего не знал. И вот, когда человек мне говорил: за учредительное собрание,—я не мог проникнуть к нему в душу. Потом я научился.

Председатель.—Какие элементы входили в вашу организацию?

Савинков.—Всевозможные, самые разнообразные. Были интеллигенты, просто студенты, были и офицеры, было много офицеров.

Председатель.—Какова была организация вашего союза?

Савинков.—Я, старый революционер, очень медленно и очень упорно стал создавать тайную организацию. Снизу каждый член организации знал только одного человека, т.-е. отделенный знал взводного и т. д.; сверху каждый член организации знал четырех, т.-е. начальник дивизии знал четырех полковых командиров и т. д. Это придавало организации довольно крепкий характер. Во главе стоял штаб, ну-с, вот, во главе штаба стоял я.

Председатель.—В то время вы входили в Национальный Центр?

Савинков.—Входил. Но на эти центры я всегда смотрел с некоторым пренебрежением.

Председатель.—По убеждению Перхуров и Рычков были монархисты?

Савинков.—Они были за учредительное собрание.

Председатель.—Через учредительное собрание к монархии?

Савинков.—Мое мнение заключалось в том, что учредительное собрание никогда не приведет к монархии. Я боялся другого, что монархисты просто захватят власть, когда вы падете. Но Перхуров говорил, что он убежден, что русский народ пошлет в учредительное собрание людей, которые захотят монархии. В этот период для меня самое важное было то, честный ли человек, с которым я

имею дело, или нет, готов ли он идти за учредительное собрание до конца, или хочет заниматься разговорами. Люди, которые у меня собрались, были честными и были готовы идти до конца.

Председатель.—Сколько членов насчитывала ваша организация?

Савинков.—Трудно ответить на этот вопрос, потому что никогда настоящего учета не было. Я думаю, если взять Москву и ближайшие города, то около пяти тысяч.

Покушение на Ленина.

Председатель.—Какой тактики придерживалась ваша организация, и какие ближайшие цели вы преследовали весной 1918 года?

Савинков.—Наша организация была боевой организацией. Она ставила себе задачей те восстания, которые потом произошли в Ярославле, Рыбинске и Муроме. Я всегда стоял на той точке зрения, что если я веду войну, то я веду ее всеми средствами и всеми способами. Наша организация имела в виду возможные способы борьбы, вплоть до террора. Мы имели в виду прежде всего вооруженное восстание, но не отказывались и от террористических актов.

В 1918 г. предполагались покушения на Ленина и Троцкого. Но делалось очень мало. Пытались организовать наблюдения по старому способу. Но из этого толку вышло мало, не потому, что мы не хотели, а потому, что мы не смогли.

Я беседовал с Лениным через третье лицо. Это лицо мне рассказывало о том, как живет Ленин, где живет Ленин, но дальше этого дело не пошло.

К делу Каплан наш союз не имел никакого отношения. Я знал, что эс-эры что-то делают, но что именно делают, этого я не знал.

Председатель.—В вашей брошюре „Борьба с большевиками“ написано: „План этот удался, но только отчасти. Покушение на Троцкого не удалось. Покушение на Ленина удалось только наполовину. Каплан только ранила его, но не убила“. Как понять эту фразу?

Савинков.—Это—неудачная фраза. Вы знаете не хуже

меня, что в покушении Каплан на Ленина мы не принимали никакого участия. В этой брошюре, которая была предназначена для широкого распространения, я описал правду, но не с такой точностью, с какой говорю вам.

Покушению на Ленина и Троцкого я в ходе нашей работы придавал очень небольшое значение. Для меня был гораздо важнее вопрос о вооруженном восстании. Когда я встретился с эс-эрами, то говорил с ними именно об этом. О покушении эс-эры мне не говорили, но мы говорили им о том, что будем их готовить. Вот характер наших разговоров. Мы с эс-эрами были, так сказать, платоническими союзниками, но не фактическими.

Председатель.—Вы не верили, что эс-эры могут устроить вооруженное восстание. А тому, что они могут организовать террористические акты, этому вы тоже не верили?

Савинков.—Мы верили. Одно дело—боевая партия эс-эров, другое дело—партия эс-эров. Мы предлагали эс-эрам действовать согласованно, но из этого ничего не вышло. Переговоры велись Борисом Моисеенко, как главой эс-эровской организации. С эс-эрами же вообще я встречался и говорил с ними на разные темы, в частности по вопросу о левом центре, в который они меня звали.

Как готовилось восстание в Ярославле и Рыбинске.

Председатель.—Расскажите подробно относительно плана восстания в Ярославле, в Рыбинске и Муроме.

Савинков.—Вы задаете вопросы, на которые мне очень печально отвечать. Дело было так. Когда создавалась организация, я первоначально думал о выступлении в Москве силами этой организации. Может быть, на этом плане я бы окончательно остановился, если бы французы в лице консула Гренар и военного атташе генерала Лаверна, который действовал от имени французского посла Нуланса, не заявили мне о том, что союзники полагают, что есть возможность продолжения войны с Германией на русском фронте. Вы знаете, что я стоял тогда на точке зрения необходимости продолжения войны. Мне было заявлено, что для этой цели будет высажен англо-французский десант со

значительными силами в Архангельске. Этот десант было предложено поддержать вооруженным выступлением изнутри. План был такой: занять верхнюю Волгу, англо-французский десант поддержит восставших. Таким образом верхняя Волга должна была быть базой для движения на Москву. Мы должны были занять Ярославль, Рыбинск, Кострому и Муром. Вологду французы, как они заявляли, оставляли за собой.

Но я должен сказать, что французы нас обманули. Десант в Архангельске не был высажен, и мы остались висеть в воздухе в Ярославле. Восстание утратило смысл. Мы оказались в положении людей, обманутых иностранцами.

Французы знали подробно о всех ресурсах, которыми мы располагали. Переговоры с французами вел Деренталь. Я лично раза два, а может быть, и четыре, видел Гренара и Лаверна, военного французского представителя. Деньги французы давали мне в мое распоряжение. Вообще денежные средства были сравнительно незначительны и составлялись из поступлений из трех источников. Были пожертвования, но сравнительно незначительные. Я получил также 200.000 р. керенских через некоего чеха Клецандо. Наконец, французы дали около 2 $\frac{1}{2}$ млн. керенских рублей. Получка денег от французов производилась таким образом: французский чиновник обыкновенно приносил деньги туда, куда я указывал, и вручал лично мне. Сначала от французов были мелкие поступления: по 40—100 тысяч и т. д. Когда же речь зашла о восстании, то на это дело они сразу дали большую сумму,—если не ошибаюсь, 2 миллиона.

С самого начала наша организация была в тесном контакте с французами. Они очень внимательно следили за ее ростом, поддерживали ее.

Франция и покушение на Ленина.

Председатель.—Знали ли французы, что вы не исключаете индивидуального террора?

Савинков.—Конечно, знали.

Председатель.—Знали ли они, что предполагалось совершить покушение на Ленина?

Савинков.—Не могу сказать с полной уверенностью, но думаю, что они должны были знать. Сейчас не вспоминаю разговор, но думаю, что такой разговор должен был иметь место. Французы не только могли, но и должны были предполагать. По всему ходу наших сношений, они должны были знать.

Французы мне посоветовали выбрать такой план: захватить Ярославль, Рыбинск и Кострому. Но я колебался. Мне казалось, что у нас нет достаточных сил, и одно время я считал разумнее перевести всю свою организацию к чехам и даже отдал распоряжение об эвакуации части членов организации в Казань, которая была еще в ваших руках, на тот предмет, чтобы при приближении чехов поднять там восстание. Но мне была прислана телеграмма Нулансом из Вологды через Гренара. В этой телеграмме категорически подтверждалось, что десант высадится между 5 и 10 или 3 и 8 июля, точно не помню, и категорически выражалась просьба начать восстание на верхней Волге именно в эти дни. Вот эта телеграмма и заставила меня 5 июля выступить в Ярославле или Рыбинске. Но часть членов организации была уже эвакуирована в Казань.

Таким образом, французы принимали ближайшее участие в этом деле и нас совершенно обманули. Мне очень трудно допустить, чтобы Нуланс не знал, будет ли высажен десант в Архангельске, или нет. Я думаю, что здесь со стороны французов было скорее сознательное введение меня в заблуждение, чем что-либо иное. Я думаю, что Нулансу и французскому правительству по разным соображениям нужно было иметь право сказать, что против Советской власти идет вооруженная борьба, и сослаться в этом отношении на какой-нибудь выдающийся факт.

Франция и эс-эры.

Французы давали также деньги эс-эрам и Национальному Центру. Они денежно поддерживали все эти группы, которые боролись против вас. И не только поддерживали, но всячески, я бы сказал, подстрекали к этой борьбе.

Эти сведения мне сообщил Гокье. Это было мне также подтверждено впоследствии в Париже. Я не могу точно сказать цифры, в какой мере французы снабжали все эти организации деньгами, но я могу с уверенностью сказать, что это было именно так. Со слов Гокье я знаю, что эс-эры не только получали средства от французов, но просили никому не давать денег, кроме них. В частности, они просили, чтобы французы не оказывали никакой помощи мне.

Председатель.—А левые эс-эры принимали какое-либо участие в переговорах с французами?

Савинков.—С левыми эс-эрами я не был в контакте, но мне известно из французских источников, от тех же Гокье и Гренара, что они тоже получали помощь от французов.

Я вспоминаю разговор, который я имел, кажется, с Гренаром. Гренар мне говорил о том, что убийство Мирбаха было сделано при известном участии французов через левых эс-эров. Из этого я заключаю, что если французы имели дело с эс-эрами, то—дело денежного характера.

Председатель.—Убийство Мирбаха и т. н. восстание левых эс-эров было с вами согласовано?

Савинков.—Нет. Это явилось для нас полной неожиданностью.

Председатель.—Но, ведь, время совпадает.

Савинков.—Да. В данном случае я выскажу только свои соображения. Я предполагаю, что французы знали о том, что левые эс-эры будут выступать, о чем мы, повторяю, не знали, потому что мы имели контакт с правыми эс-эрами, но не с левыми. Поэтому французы, зная, что левые эс-эры будут выступать в Москве, наши силы перебросили сознательно на верхнюю Волгу, стараясь приурочить время нашего выступления к восстанию левых эс-эров. Это—мое предположение. Я в этом не уверен, но сейчас, когда вы мне задали вопрос, это пришло мне в голову.

Еще раз повторю, чтобы подчеркнуть мои сношения с иностранцами в этот период, что французы обманули нас, и мы до известной степени являлись игрушкой в их руках.

Массарик и террор.

Председатель.—Откуда вы получали денежные пособия в это время и в каком размере?

Савинков.—Я помню, что когда я был в полном отчаянии, не зная, откуда взять средств, ко мне без всякой моей просьбы явились чехи и передали довольно большую сумму—200.000 керенских руб. Эти деньги, собственно говоря, тогда спасли нашу организацию. Они дали ей возможность стать на ноги, развиваться и дойти до такого состояния, что она своей численностью заинтересовала французов. Не я пошел к французам, не я искал их, а они пришли ко мне, они меня разыскивали. Я не знаю, каким образом они это сделали, но они меня разыскивали, и тогда началось обсуждение вопроса о том, что я намерен дальше делать, каковы силы моей организации, есть ли у меня средства. И тут опять без всякой моей просьбы они мне оказали денежную помощь, сначала незначительную—20 или 40 тысяч, точно не помню, но потом мало-по-малу денежные суммы, получаемые мною от французов, возрастали.

Председатель.—Кто вам передал деньги от чехов?

Савинков.—Клецацдо.

Председатель.—От чьего имени?

Савинков.—От имени Массарика, он был тогда председателем национального чешского комитета.

Председатель.—Вы знали, на каких условиях они вам давали деньги?

Савинков.—Они заявляли, что они хотели бы, чтобы эти деньги были употреблены на террористическую борьбу. Они знали,—я не скрывал этого,—что я в борьбе своей признавал террор. Они знали это и, передавая деньги, подчеркивали, чтобы деньги эти были употреблены, главным образом, на террористическую борьбу.

Председатель.—Предпринимали ли анархисты совместные действия с вами?

Савинков.—Нет. Ко мне являлись офицеры, которые называли себя анархистами. Они заявляли, что они выдают себя анархистами только потому, чтобы иметь возможность свободно жить в Москве. Но так как я знал, что анархисты

занимались в это время всевозможными грабежами, то я относился к ним подозрительно и спрашивал, помню, у них, не занимаются ли они тем же.

Ход восстания в Ярославле.

Председатель.—Какие конкретные шаги для организации восстания в Ярославле, Рыбинске и Муроме вы принимали?

Савииков.—Я назначил доктора Григорьева начальником муромского отряда, полковника Перхурова—начальником ярославского отряда и полковника Бреде—в Рыбинск. Так как в Рыбинске имелись артиллерийские склады, а Ярославль был без артиллерии, то ясно было, что для того, чтобы удержать Ярославль до прихода десанта, нужно было не только взять Рыбинск, но и укрепиться там.

В Ярославле, Рыбинске и Костроме у нас были свои организации, довольно многочисленные, приблизительно 300—400 человек.

Однако я считал, что этого недостаточно, и поэтому силы московской организации, довольно значительные, я распределил таким образом: часть из них я эвакуировал в Казань, часть из них направил в Ярославль, а часть—в Рыбинск. Так как я полагал, что Рыбинск—центральный пункт, то я лично считал возможным быть именно в Рыбинске, где мы выступили первые, если не ошибаюсь, 5 июля. Но наша попытка, как известно, была неудачна, потому что мы сразу натолкнулись на ваш отряд, и после кратковременного боя мы были разбиты. Для меня, конечно, было ясно, что с поражением в Рыбинске падает весь план, и я послал офицера в Ярославль для того, чтобы предупредить Перхурова, что, по моему мнению, в этих условиях бессмысленно выступать в Ярославле. С другой стороны, Кострома, которая должна была тоже выступить, совершенно не выступила. Офицер не доехал, потому что в Ярославле с 6 числа Перхуров поднял восстание.

Ответственность за Ярославль я, конечно, беру на себя целиком. Я организовал это дело, я был вдохновителем этого дела, я был его душой. Но эта ответственность глу-

боко моральна. Есть другая ответственность, политическая. Я хочу, чтобы вы знали, что эту ответственность, политическую, я разделяю с другими людьми, и хочу я этого вот почему. Потому что не из вашей среды, а среды, вам противоположной, из среды эмигрантской, я часто и много раз слышал упреки по моему адресу и тяжкие обвинения в том, что я поднял это восстание без чьей-либо санкции, на свой риск и страх, и этим своим восстанием повредил общему белому делу, в частности эс-эровскому. Я должен сказать, что это было не так, и что раньше, чем решиться на такое очень ответственное дело, я попросил этот национальный комитет собраться и доложил ему все то, что докладываю сейчас вам, не исключая и моих сношений с иностранцами. Я попросил национальный комитет высказать свое мнение, взять ответственность или не брать. Национальный комитет выдвинул из своих рядов так наз. военную комиссию, которую я допустил на заседание нашего штаба, и члены которой присутствовали при всех моих распоряжениях и были совершенно в курсе всех планов. Эти лица доложили Национальному Центру о том, что они знали, и Национальный Центр взял на себя ответственность за Ярославль и сказал: да, при этих условиях начинайте восстание. Я отмечаю это еще по другим соображениям. Я уехал в Ярославль поднимать восстание не по личной своей воле, но с санкции Национального Центра; когда же дело кончилось неудачей, Национальный Центр заявил, что он этой санкции не давал, и таким образом та глубокая моральная и тяжелая ответственность, которая лежит на мне, была возложена на меня целиком, и я явился политическим козлом отпущения, и вот тут я протестую. Да, я подготовил, я организовал, но политическая санкция была не моя, а коллегии лиц, которая в то время, быть может, претендовала на руководство судьбами России в будущем, и эта коллегия лиц после неудачи умыла руки и ответственность с себя сняла.

Что касается организаций, которые входили в Национальный Центр, туда входили разные лица. Все было построено на персональных началах. Отдельные меньшевики входили, и эс-эры входили, были левые кадеты, входили правые кадеты. Разные были люди. И этот центр возник

по моей инициативе. Я чувствовал необходимость в такой говорильне не для себя, не для организации, а для так называемого общественного мнения, и из нашей же организации некоторые люди, с.-д. отдельные, участвовали, так сказать, в учредительном созидании центра, а потом туда вошли, а некоторые были кооптированы.

Когда встретился с Перхуровым в Казани, он мне говорил, что надули союзники, что все время мы ждали десанта, что, собственно говоря, население нас не поддержало, за исключением некоторой части рабочих, руководимых местными меньшевиками.

О муромском восстании я знал то, что мне доложил Григорьев, убитый во время восстания против Колчака. Григорьев взял Муром, у него было очень мало сил, что-то человек 40 или 50, продержался там один день и ушел по направлению к Казани.

С Алексеевым на Дону я поддерживал связь, но должен сказать, что никаких указаний и сведений я не получал, а некоторые офицеры оставались там, а те, которые возвращались, докладывали мне, что там относятся к моей работе с большой ненавистью, что они считают меня врагом и в общем не радуются успехам организации.

Отступление к Казани.

После подавления восстания в Ярославле и Муроме я направился в Казань, потому что это был сборный пункт. Часть московской организации была эвакуирована в Казань, и вообще было условие, что в случае неудачи восстания все те, которые останутся живы, должны стягиваться в Казань. Я тоже направился в Казань, это было очень длинное, затруднительное путешествие. Я встретился с Кошелевым и благополучно добрался в Казань. Был арестован раз вами, но меня не узнали. У меня был фальшивый документ, который я сам себе составил. Я поговорил с председателем вашего совета, и он даже не подумал меня задерживать. Он выдал мне уже настоящий документ (с м е х), он даже предлагал мне деньги. Я написал очень невинный документ. Я написал, что работал в Наркомпросе, что послан

в Вятскую или Уфимскую губернию для организации колоний пролетарских детей. (С м е х). Арестовали меня случайно. Я явился сам на следующий день и просил указать, где совет. Явился в совет, спросил председателя (фамилию его я узнал у красноармейца) и сказал, что я очень рад, что у него в городе такой порядок, потому что, как только появилось неизвестное лицо, его сейчас же арестовали, что я его поздравляю с этим порядком, и когда вернусь в Петроград или Москву, то доложу об этом. Он был очень доволен этим и стал читать мой документ. А в этом документе я написал, что Наркомпрос просит оказывать мне всякое содействие. Когда он дошел до этого места, он спросил меня, что именно мне надо. Я, подумав, сказал: „Видите, вы меня арестовали, и вышло недоразумение, я с петроградским документом; если вы выдадите мне ваш документ, то в ближайшее время я не рискую“. Он приказал выдать хороший документ и потом спросил, не хочу ли я денег. Я ответил: нет. Затем я спросил, каким образом пробираться через ваш фронт. Потом, по его приказанию, мне помогли купить лошадь, и я уехал.

В Казани в то время были эс-эры, комитет членов учредительного собрания. Первое, что я сделал, когда приехал, я разыскал членов своей организации, я распустил свою организацию и заявил эс-эрам, что организация распущена, ибо я веду войну только с большевиками и никому не хочу препятствовать восстанавливать Россию, если они думают, что они могут это сделать. Эс-эры, не знаю почему, отнеслись к этому очень подозрительно. Эс-эры окружили меня шпионами, и я ходил по улицам Казани, как при царе. За мною все время ходили филеры. Я пробыл в Казани недолго, там делалось то, что при Керенском, были разговоры об обороне, были высокопарные речи, а в это время ваши орудия били по предместьям Казани. Не забывайте, что в то время я был глубоко убежденным и упорным вашим врагом и искренно верил, что действую в интересах русского трудового крестьянства. И мне было до такой степени противно то, что я увидел в Казани, что ушел добровольцем, взял винтовку, сел на лошадь и с маленьким отрядом прошел в ваш тыл, под Свяжском. Там я с вами дрался,

было несколько боев, мы испортили вам жел.-дорожный путь, у нас с собою было два орудия, мы взорвали его снарядами, а потом благополучно явились в Казань.

Я думал, что борьба будет продолжаться. Меня уверили, что будут драться до последней возможности. Это было в 6 час. вечера, а в 8 часов совершенно неожиданно я узнал, что отдан приказ эвакуировать город, потому что несколько снарядов упало уже в самый город, в центр, около штаба. Мы эвакуировались. Ушел и я.

Когда я прибыл в Казань, то нашел значительное количество членов организации, в том числе и генерала Рычкова, который уже занимал должность начальника гарнизона, по назначению эс-эров.

Председатель.—Был такой случай, что из пулемета обстреливали митинг и при этом было много убитых?

Савинков.—Дело было так. У нас было 100 сабель, мы стояли в деревне. Деревня расположена была на горке, затем лощинка и дальше рельсы жел. дороги, а затем опять горка. Мы стоим, смотрим и видим, что подходит поезд. Подошел поезд, выгрузил красноармейцев, они, должно быть, знали, что мы тут, потому что они стали с бронепоезда (был бронепоезд, помимо поезда) крыть огнем. Мы не отвечали. Потом выгрузили красноармейцев, и мы видим: они собрались на холме против нас и начали митинговать. Это было в период дезорганизации. Не знаю, о чем у них шла речь. Когда мы увидели эту картину, тогда мы перешли в наступление, и наш пулемет начал обстреливать красноармейцев.

Председатель.—У вас этот момент изложен несколько иначе:

„... Из вагона стала выгружаться пехота, человек 500, если не больше, но вместо того, чтобы выстроиться в цепи и попробовать нас атаковать, люди собрались на одном из холмов. Мы все еще не стреляли. Мы не могли поверить своим глазам: начинался большевистский митинг. Мы видели ораторов, махавших руками, и до нас донеслось заглушенное одобрителное „ура“. Очевидно, что оратор доказывал, что не следует идти в бой. И только когда митинг был уже в полном разгаре, мы открыли пулеметный огонь по холму. Через несколько минут весь холм был покрыт чело-

веческими телами, а блиндированный паровоз задним ходом уходил обратно, откуда пришел. Уходя, он обстреливал нас. Ему отвечали наши орудия, пока не загорелся один из вагонов, и поезд весь в пламени и в дыму не скрылся за поворотом. Тогда наш капитан скомандовал: „К седлам!“, и мы выехали на холм, где только что происходил митинг. У меня не было шинели. Я взял одну. Она была в крови“.

Народная армия и чехи.

Савинков. — Это не совсем так. Было уже осеннее время, очень было холодно, а я ехал в одной рубашке, у других были шинели, у меня не было. Я, помню, взял шинель, увидел, что она в крови, и я ее оставил.

Что касается народной армии, которая формировалась в Самаре, и части которой я видел в Казани, то впечатление у меня, разумеется, было беглое. Но она на меня произвела впечатление неустойчивости. Я слышал, что постоянно дезертируют, я знал, что эс-эры хотят принять какие-то меры.

Председатель. — Какие меры?

Савинков. — Кажется, хотели расправиться тут же.

Председатель. — С крестьянами, организованными в народную армию?

Савинков. — Я слышал в Казани от военных, слышал от эс-эров и от разных лиц, что армия разбегается, дезертирует, не хочет воевать; говорили, что эс-эры приняли меры в отношении крестьян, не знаю, какие, но такие, которые возбуждали крестьян против них. Я глубоко возмущался. Когда я был на боевых участках, я думал, что на этих боевых участках дерутся части народной армии, организованные. Но я убедился, что частей народной армии было очень мало, а дрались добровольцы и члены нашей организации.

Председатель. — И чехи?

Савинков. — И чехи: там дрался первый чешский полк Швеца. Собственно оборона Казани в значительной части лежала на этом чешском полку. Если бы не этот первый чешский полк, вы бы Казань взяли давным-давно. Швец дрался, он потом застрелился, полк этот совершенно замучили (другие чешские полки или не хотели драться, или же их не посылали: берегли). Чешский полк, — передаю

это больше по казанским разговорам,—был недоволен тем, что русские не дерутся, а если и дерутся, то очень плохо. И когда этот первый чешский полк был снят с позиции, то фактически Казань обороняться не могла.

Затем я пробрался в Уфу, потому что там должно было быть государственное совещание. Когда они образовали директорию, и во главе ее стал Авксентьев, я пошел к Авксентьеву и сказал ему все то, что я говорю вам сейчас, и предложил ему, что я уеду за границу, пусть директория пошлет меня с какой-нибудь миссией туда, чтобы меня не было в Сибири, и чтобы я им не мешал. Авксентьев чрезвычайно охотно на это согласился. Сибирское правительство, вообще сибиряки всячески меня отговаривали, и даже сибирское правительство предлагало мне войти в его состав. Но я отказался войти в состав сибирского правительства по тем именно соображениям, которые я здесь высказал. Я никому не хотел мешать. Если бы я принял это предложение, то было бы еще больше драки (между сибирским правительством и директорией). Авксентьев согласился и отправил меня за границу, в Париж, с особой миссией, военной. Я уехал до колчаковского переворота. Когда я приехал в Марсель, то директории уже не было, а был Колчак. Колчак мои полномочия подтвердил. Даже больше: он меня назначил своим представителем в Париже. В качестве такого представителя я и вошел в русскую заграничную делегацию.

За границу я приехал в конце 1918 года. Я ездил часто в Лондон, но жил постоянно в Париже. Обязанности были двоякого рода: одни — чисто-дипломатического характера, которые делились на 2 пункта; 1-й пункт—это относительно Версальской конференции, на которой затрогивался целый ряд вопросов о России. Моей обязанностью было оберегать национальные интересы России в связи с этой конференцией. Вторая обязанность состояла в том, что я должен был поддерживать перед иностранцами ходатайства сначала только Колчака, а потом, когда Деникин признал власть Колчака, то и Деникина, о материальной помощи Колчаку и Деникину. Кроме того, на меня возлагалась пропаганда. Я стоял одновременно во главе бюро печати Колчака. Оно называлось „Унион“.

Вечернее заседание 27 августа.

Продолжаются показания Б. В. Савинкова.

Савинков—представитель Колчана в Париже.

— Колчак назначил меня,—говорит он,— своим представителем в Париже, собственно, не только для Парижа, но и для всей Европы. Должен, однако, сказать, что тут произошли большие недоразумения. Что я, представляя Колчака, вошел в так-наз. русскую заграничную делегацию. Ее состав общеизвестен: председатель — Львов, члены — Чайковский, Маклаков, Сазонов и я. Сразу получилось весьма странное смешение. С одной стороны, в Париже находился министр Колчака, министр иностранных дел Сазонов, а с другой — представитель Колчака — я. Не было даже возможности выяснить мои взаимоотношения с Сазоновым. С самого начала эта делегация была сконструирована в высшей степени нелепо. Аппарат был создан такой, что он ни при каких условиях хорошей работы давать не мог. Внутренние же противоречия в этой работе были огромные, потому что я и Чайковский, в особенности же, может быть, я, вели очень левую политику, а Сазонов оставался прежним царским министром и в беседах своих с иностранцами разговаривал так, как будто в соседней комнате сидит царь, и он царя представляет.

Мои два сношения с иностранцами,—о первом я рассказал,—перед Ярославлем оставили во мне горький осадок, особенно второе. Как я ни добивался, чтобы мы, русские, были допущены к обсуждению версальского договора, сколько этого ни добивались другие члены делегации, но из этого ровно ничего не произошло. Нас, русских, не пустили на порог, мы остались за дверью. Мы не знали, что они там решают, что думают, и нас ни на какие совещания, даже с правом совещательного голоса, не приглашали, несмотря на то, что трудно даже вам передать, сколько раз мы околотили пороги. В этой своей работе я имел случай познакомиться со всеми выдающимися европейскими правителями. Я у всех перебивал по вопросу о всевозможных ходатайствах о помощи.

„Чаша унижений“.

Еще раз скажу, что не могу найти слов, чтобы передать ту горечь, которая осталась у меня. Выходило так, что они всячески подстрекали к борьбе, но в сущности вовсе не хотели толком помочь. И когда шла речь об интервенции, когда они сами говорили, что нужна интервенция, то в конечном счете они ничего не делали, и если выражалась их помощь в чем-либо, то она выражалась совершенно определенно в помощи Деникину, в помощи Колчаку, в особенности Деникину, может быть, и до некоторой степени в помощи Юденичу. Да, Деникину помогли очень много; ему дали огромную сумму денег. Но опять-таки была выпита чаша унижения до дна. Потому что едва ли не за каждую пару сапог, едва ли не за каждый пулемет приходилось кланяться, вымаливать.

Вот общая характеристика этой дипломатической, с позволения сказать, деятельности. Дипломатическая она была постольку, поскольку приходилось просить у иностранцев. Этим вот мы и занимались. В частности, занимался и я. Сазонов очень скоро утратил всякий престиж у иностранцев. И я, как представитель Колчака, естественно, должен был взять на себя многое из того, что должен был делать Сазонов. Я ездил много раз в Лондон, в частности к Ллойд-Джорджу, Черчиллю, Биркенхеду — ко всем тем, которые стояли во главе английского правительства, с ходатайствами, с просьбами.

Скажу немножко про себя, чтобы вам была яснее моя позиция. Я околачиваю пороги, забывая про все унижения, молчу, кланяюсь и надеюсь, пусть заблуждаясь, что я служу своей родине, своему народу. Но вот приезжает генерал Драгомиров с юга и публично говорит: „Пусть Савинков к нам приедет, мы его расстреляем“. Это потому, что я — революционер, демократ. Вот в каких условиях приходилось работать.

Как велась пропаганда.

В обвинительном акте мне поставлено в вину, что я, якобы, заведомо неверно освещал положение в России иностранцам. Я утверждаю и настаиваю, что вы можете обви-

нять меня в том, что я неверно освещал, но что я сознательно неверно освещал, это—неправда. Вам трудно, граждане судьи, ясно представить себе, в какой малой мере нам, находившимся за границей, было известно то, что делается в России не только в 1919 году, но даже и сейчас. Приезжают беженцы и рассказывают ужасы. Я очень долгое время на основании официальной информации Колчака верил совершенно искренно, что Колчак подвигается вперед, и что крестьяне его приветствуют, что Колчак взял линию, во всяком случае, в интересах крестьян.

Вот вам еще лучший случай. Он покажется анекдотическим.

Маклаков поехал на Дон из Парижа, чтобы посмотреть, что там делается, узнать и сообщить. Он приехал в Новочеркасск, кажется, за две недели до полного разгрома Деникина, а вернувшись, доложил: „Гром победы, раздавайся, все обстоит благополучно, через месяц Деникин войдет в Москву“. Я не хочу сказать, что Маклаков сознательно вводил нас в заблуждение. Я только хочу сказать, в какой мере было бесконечно трудно понимать то, что делается в России. Каменная стена, за каменной стеной—враги, мы воюем, там происходят невозможные, невероятные зверства. Мы воюем и больше ничего не знаем. И вот на основании этого будьте любезны освещать положение.

Что собой представляет делегация? Я вошел первый раз в этот посольский дом, увидел бесчисленное множество накрахмаленных, напояженных чиновников. Мы говорили об остатках судов добровольного флота, мы говорили о консульской части, а там, в Вальпараисо, сидит какой-то русский консул. У меня тогда создалось впечатление, что вот учреждение, которое получает жалованье, и это учреждение тешит себя тем, что оно защищает национальные интересы России и оказывает помощь белому движению.

Раздоры среди генералов.

А пропаганда?.. Мы жевали и пережевывали и опять жевали на все темы: демократия, демократия, демократия. А какой же Колчак был демократ? Ощущение, которое осталось у меня: ничего не изменилось, тот же старый режим.

Разрешите рассказать очень характерную сцену. Был такой момент, для вас небезынтересный, когда Юденич подходил к Петрограду. К Юденичу делегация официального отношения не имела. Все эти люди не были объединены. Все они ссорились между собой. Каждый генерал с завистью смотрел на успехи другого, каждый желал свое правительство, своих министров. Юденич подходил к Петрограду. В это время Финляндия предложила, что если Колчак признает финляндскую независимость (ибо Колчак в этом вопросе был совершенно непримирим), то финны могут двинуть свои войска на помощь Юденичу. Приехал для этого в Париж генерал Маннергейм. Он докладывал об этом плане, просил и настаивал на том, чтобы Колчак признал Финляндию в тех границах, которые включают в нее и Печенгу— маленький порт на севере. И вот что произошло при обсуждении этого вопроса,—это не анекдот. Сазонов заявил: „Мы обойдемся без них, потому что Деникин через две недели будет в Москве“. Вот какая была уверенность, вот какое было понимание положения.

Переговоры с Парижем и Лондоном.

Для армий Колчака и Деникина удалось реально получить чрезвычайно много, но не в Париже, а в Лондоне. Вы знаете, как Деникин был снаряжен, и как у Деникина это снаряжение было использовано. Но, я думаю, добрая половина того, что он получил (другой вопрос, что он с этим сделал), была получена благодаря тому, что мы, в частности и я, околачивали пороги Англии.

Когда я беседовал с Черчилем, тогда военным министром Великобритании, у меня создалось впечатление, что все это уже оговорено и договорено с деникинским правительством, а мое дело было второстепенное, т.-е. надо было или еще получить, или ускорить получение: увеличить цифру штанов или сапог и т. д. Вот в какой области приходилось говорить мне.

Я разговаривал и с Ллойд-Джорджем, Эвенсом и со всеми другими. Я был в таком положении, что знал всех английских, французских, итальянских, японских и других мини-

стров,—всех тех, кто управлял в то время европейскими делами.

Вы спрашиваете: на каких условиях? Условий не было, но попытки ведения своей политики со стороны англичан были. Например, очень упорно, очень много говорили англичане со мной о том, что желательнее образовать независимый Юго-Восточный союз из Северного Кавказа и Закавказья, говорили о том, что этот союз должен быть только началом, что потом с ним должны объединиться Азербейджан и Грузия. Я в этом чувствовал запах нефти. Моя дипломатическая работа заключалась в том, что я на всем этом вертелся, потому что от этого зависели мои штаны и сапоги. Они рассказывали мне туры на колесах об образовании таких нефтяных государств.

Председатель.—Но кто же из английских министров, вами только-что названных, оказывал военную поддержку?

Савинков.—Черчилль,—он был военным министром. Насколько я помню, позиция Ллойд-Джорджа была такова, что он умывал руки, делая вид, что он не совсем в курсе дела того, что делает Черчилль, хотя он, конечно, был в курсе. Хотя, разумеется, Черчилль не делал ровно ничего без согласия Ллойд-Джорджа, но внешне это имело такой вид, как я указал. Даже тогда, когда я беседовал с Ллойд-Джорджем лично, он всегда занимал позицию немного двойственную. А Черчилль действительно очень энергично старался помочь. Что касается французов, то была только болтовня, но ничего не делалось.

Председатель.—Но какую-нибудь материальную помощь получили армии Деникина и Колчака за этот период времени?

Савинков.—Я думаю, что не от Англии, а от Франции. Во всяком случае, категорически сказать, что я знаю, что получили от Франции, я не могу. Я подозреваю, что, может быть, и получили. При моих сношениях с французами я этого совершенно не видел. Мои сношения с французами ограничивались только болтовней.

Председатель.—Какие-нибудь проекты выдвигались французским министром в разговорах с вами?

Савинков.—Ну, вот, например, я помню такой случай

был, что Тардьё мне обещал, что он пошлет французские корабли в Балтийское море или, по крайней мере, сделает все возможное, чтобы послать французские корабли в Балтийское море. Это было во время Юденича. Никаких кораблей не было послано.

Председатель.—А вы не считали, что платой за все эти пулеметы, штаны и сапоги, которые давали французы и англичане, главным образом, для Колчака и Деникина, было неучастие ваше в Версальской конференции?

Савинков.—Да, я в процессе этой работы очень многое пережил и очень во многом разочаровался. И для меня было совершенно ясно, что они, конечно, стремятся получить возможно больше выгоды.

Вы не даете себе отчета, в каком мы черном теле там были. Но какого мне труда стоило добиться персонального уважения ко мне, добиться того, чтобы я говорил, как равный с равными. Что я представлял в их глазах?—Колчака. Хорошо еще, когда еще была надежда на Колчака, а потом надежды было все меньше и меньше, и когда начался отход, то они, конечно, были господами.

Вмешательство иностранцев во внутренние дела.

Председатель.—Во время ваших неоднократных бесед с министрами, французами и англичанами, вам приходилось получать от них какие-нибудь указания и советы о тех или иных планах и действиях, военных и других, на территории бывшей Российской империи?

Савинков.—Да. Одно время очень много было разговоров и с Черчилем, и с Ллойд-Джорджем о внутренней политике Деникина. И Черчилль, и Ллойд-Джордж находили, что внутренняя политика Деникина совершенно сумасшедшая, что в частности крестьянская политика сумасшедшая. Говорили по поводу безобразий добровольческой армии в тылу, по поводу еврейского вопроса. Я делал, что мог, в этом направлении, чтобы указать Сазонову и Колчаку; о Деникине я не говорю, потому что там точка зрения на меня была такая: расстрелять, и больше ничего, так что

мой голос не мог повлиять ни на кого. Но Сазонову и Колчаку я указывал.

Должен вам сказать, что это было несомненное вмешательство в дела, но по существу вмешательство, которое мне казалось более или менее разумным, т.-е. мысли, которые я высказывал, элементарные, простые, что евреев громить нельзя, что крестьянство вешать нельзя. Вся эта работа, и в частности унижение и вмешательство в русские дела, была для меня настолько тяжелой, что я обратился к Колчаку с просьбой отозвать меня. Я ему послал очень резкую телеграмму.

Я ему написал, что здесь русское дело не защищается; по крайней мере, мы не можем его защитить, что надо сделать что-то другое. Я ему написал, что все эти моления, околичавания, прощения и т. д. унижают нас, я его просил отозвать меня и просил разрешения приехать в Сибирь. Но я получил ответ, что мне не разрешается приехать в Сибирь. Это было опять отголоском деникинских настроений.

Вмешивались ли иностранцы еще? Я вам говорил: в вопросы внутренней политики вмешивались, да и в вопросы национальной политики так называемых независимых восточных государств, как я сказал, немножко нефтяных. О военном деле со мной не говорили, потому что при Деникине и Колчаке был военный представитель, и Черчилль телеграфировал непосредственно.

Что касается вмешательства во внутренние дела, то вам, конечно, ясно, что уже почти накануне падения Деникина, именно благодаря англичанам, в частности Черчилю, Деникин согласился на образование правительства на новых началах, и туда ездил Чайковский, который должен был это правительство возглавить. Конечно, эта политика Чайковского была возможна только потому, что англичане на этом настаивали под угрозой прекращения посылки штыков. Я знаю, что во время Врангеля помогали тоже много французы. Но в этот период, о котором вы меня спрашиваете, я французской помощи совсем не видал. Знаю только об английской помощи. Да, она проходила в значительной степени через меня, кроме помощи Деникину.

„Вот моя армия“.

Председатель.—Во время ваших разговоров с Черчилем, Ллойд-Джорджем и французскими министрами приходилось вам узнавать какие-нибудь соображения чисто-военные?

Савинков.—Я вам ответил, что по военным вопросам со мной не говорили, меня не рассматривали, как военного спеца. Черчилль мне показал карту юга России, где были указаны флажками войска деникинские и ваши войска. Помню, как меня потрясло, когда я подошел с ним к этой карте, и он показал мне деникинские флажки и вдруг сказал: „Вот это моя армия“.

Председатель.—Черчилль?

Савинков.—Да, Черчилль. Я помню, как у меня ноги приросли к полу. Но о чисто-военных операциях со мной разговоров не было. Вероятно, если было вмешательство,—а оно, наверное, было, я в этом совершенно не сомневаюсь,—то оно шло телеграфным порядком непосредственно агенту при Деникине.

Председатель.—Вы что-нибудь ответили на эту фразу?

Савинков.—Я ничего не ответил. У меня, я вам говорил, приросли ноги к полу. Я хотел выйти, но тогда представил себе, что вот я сижу в Париже, а там, на далеком фронте, русские добровольцы ходят разутые, и вот, если я хлопну дверью и выйду со скандалом из этого кабинета, они будут ходить без сапог. Я стиснул зубы, а унижение свое положил в свой карман. Я с вами воевал всеми способами, всеми средствами, и я говорю об этом прямо и открыто. Но война с вами родила во мне такую ненависть к ним, о которой лучше не говорить. Я хочу сказать за себя. Вы должны это понять, что я, эмигрант при царе, когда приехал сюда в 1917 году, в начале революции (я жил во время войны не в России, а во Франции),—приехал весь пропитанный не русским, а французским отношением к войне; у меня была вера в этих союзников, у меня было доверие к ним. Вот это все совершенно расплылось, но на этом месте выросло совсем другое. Я научился бриться на своих щеках.

„Благородные цели“ союзников.

Председатель.—Из ваших объяснений для меня неясно, из каких соображений англичане и французы давали эти самые штаны, сапоги, патроны, пулеметы и т. д.?

Савинков.—Официальные соображения их были, конечно, весьма благородны. Все эти официальные соображения покоились на том, что „мы—верные союзники, что вот вы—изменники, что Франция, спасенная Россией, сейчас настолько благородна, что не забывает наших огромных услуг и приходит к нам на помощь. На помощь приходит,—свои люди, сочтемся“. Вот на каких началах. Вот это—официальная болтовня, которой никто не верил. А то, что под этим скрывалось, следующее: как минимум, вот нефть—чрезвычайно желательная вещь, в особенности нефть; а как максимум—ну, что же, русские подерутся между собою, тем лучше,—чем меньше русских останется, тем слабее будет Россия. Пускай красные дерутся с белыми возможно дольше,—страна будет возможно больше ослаблена, и когда страна будет окончательно ослаблена и обойтись без нас не будет в силах, тогда мы придем и распорядимся.

Поэтому на ваш вопрос я ответил, что в их интересах было, чтобы Россия была истощена возможно больше, и чтобы могли сделать из России свою колонию. Никаких благородных целей я там не вижу.

Председатель.—Какие у вас были разговоры с японской миссией, на какой территории, где вы с ними встречались?

Савинков.—Раньше, чем я отвечу на этот вопрос, разрешите добавить (я очень устал, поэтому из моей памяти это ускользнуло). Вы спрашивали: давали ли мне денег? Денег через мои руки не проходило, но на моих глазах был заключен так-называемый колчаковский заем. Не знаю, известно ли вам про него. Колчак вывез часть золотого запаса на английском миноносце в Шанхай. Собственно, это был не заем, а ломбардная операция, и эту часть золотого запаса англичане и американцы обещали реализовать, и я знаю, что англичане реализовали 130 миллионов франков. Эти 130 милл. франков поступили в распоряжение

отчасти Колчака, а отчасти Сазонова и делегации. Когда я уходил из делегации, то знал, что остатки этого фонда еще имеются. Они были распределены в Англии по банкам. Вот эта денежная операция прошла на моих глазах. Заем был заключен из семи с половиной процентов.

Теперь, что касается японцев, то с японцами я встречался в Париже. Видите, относительно японцев дело сложнее, чем относительно европейцев. Конечно, никаких добрых целей в отношении России я у них не подозревал. Японцы говорили со мной, главным образом, после падения Колчака. Японцы предлагали мне ехать на Дальний Восток, говорили мне, что они окажут мне всяческую помощь. Но я отказался от этого: я совершенно не доверял им и не верил в их помощь.

Председатель.—А персонально с кем из японцев вы вели переговоры?

Савинков.—Я сейчас стараюсь вспомнить эти японские фамилии. Там был Комури, бывший посол в Петрограде, там были еще другие, но очень может быть потому, что я устал, я эти японские фамилии не помню, но я их всех знал,—и тех, которые были на конференции, и тех, которые были в посольстве.

Председатель.—В виду сильного переутомления подсудимого объявляется перерыв до 10 часов утра.

Утреннее заседание 28 августа.

Председатель.—Может быть, вы вспомните несколько подробнее условия займа, полученного Колчаком?

Савинков.—Я помню, что относительно этого займа велись переговоры с американскими и английскими банкирами, и нужно полагать, что эти переговоры были известны и английскому, и американскому правительствам. Заем был заключен из семи с половиной процентов годовых. Процент, как видите, чрезвычайно высокий, в особенности, если принять во внимание, что перед нами скорее не заем, а ломбардная операция. Часть золотого запаса, который был у Колчака, была вывезена на английском военном судне в Шан-

хай, где была положена в обеспечение займа. Я не могу вам точно сказать, поступили ли все эти 130 миллионов. Все финансовые переговоры и деньги прошли мимо меня, но я знаю, что поступила, по крайней мере, значительная часть этих денег. Таким образом в распоряжении англичан находится часть русского золота, хранящегося в Шанхае.

Были ли заключены другие займы, мне неизвестно. Может быть, иностранцы давали деньги, просто поддерживая Колчака.

Председатель.—В этот период вам не приходилось сталкиваться с представителями правительства Северо-Американских Соединенных Штатов?

Савинков.—Да, конечно, приходилось. Они занимали позицию в высшей степени непримиримую по отношению к вам, но вместе с тем наиболее высокомерную по отношению к нам.

Председатель.—Не можете ли вы вспомнить что-нибудь нового о ваших отношениях с иностранцами?

Савинков.—Я останавлиюсь на периоде каннских переговоров и Генуэзской конференции. Перед каннскими переговорами я поехал в Лондон, где был принят Ллойд-Джорджем и беседовал с ним. Затем я беседовал с Черчилем, с военным министром Эвенсом и канцлером казначейства Биркенхедом. Ллойд-Джордж задал мне вопрос, что я думаю о признании Советской власти Великобританией. Я ответил, что вообще удивляюсь такому вопросу, но раз меня спрашивают, то скажу, что об этом думаю. Затем мною совместно с Ллойд-Джорджем и Черчилем было намечено, что вам Ллойд-Джордж предъявит три требования. Во-первых, признать свободу мелкой частной собственности, крестьянской. Во-вторых, признать свободу личности. В-третьих, свободу советского управления. Тут уже не шла речь об учредительном собрании, тут шла речь о свободно избранных советах, т.-е. фактически о допущении крестьян к власти.

Вот эти три пункта обсуждались во время нашей беседы. Ллойд-Джордж, кончая беседу, сказал мне, что он стоит именно на этой точке зрения, что он будет отстаивать ее, но, как вам известно, в Каннах и Генуе он эту

точку зрения не отстаивал. По каким соображениям, я не знаю. Перед моим отъездом из-за границы ко мне явилось одно лицо, которое говорило, якобы, от себя, но давало мне понять, что наш разговор станет известным миру. Это лицо спрашивало меня, почему я до сих пор не виделся с Эррио, и не желал ли я видеться с ним. Из этой беседы я вынес совершенно ясное впечатление, что мое свидание с Эррио могло состояться в любой момент. Я отказался его видеть, потому что уехал сюда.

Почти одновременно с этим другое лицо, приехавшее из Англии, вело со мной совершенно идентичную беседу по поводу Макдональда. И из этого разговора я вынес ясное впечатление, что если бы я поехал в Лондон, то был бы немедленно принят Макдональдом по русскому вопросу.

Из всего этого вы видите, что Макдональд и Эррио, зная, конечно (потому что обо мне повсеместно установилась эта репутация), что я—непримиримый ваш враг, зная об этом и ведя с вами переговоры, повидимому, желали беседовать и со мной, т.-е. тут была та же двойственная политика, которую я неоднократно наблюдал в своих отношениях с иностранцами.

Теперь несколько слов о чехах. Я раньше говорил, что мои сношения с чехами ограничились только тем, что в 1918 году я получил через Клецанда от имени Массарика 200.000 керенских руб. Но я слышал, и слышал не как сплетню, а как факт, что если чехи оказывают существенную поддержку эс-эрам, если чехи вообще тратят большие сравнительно деньги на русских, находящихся в Чехии, то это в значительной мере объясняется тем, что чешские войска, уходя из Сибири, увезли с собой очень много имущества и денег,—русского имущества и русских денег. Затем с помощью этих денег был учрежден в Праге легио-банк. Этот легио-банк, в сущности, русский банк, играет значительную роль в поддержке эс-эров.

Однако я должен прибавить, что чехи помогают не только эс-эрам, но и всевозможным другим русским учреждениям.

Председатель.—Вернемся несколько назад: куда вы направились после ликвидации армии Колчака и прекращения вашей миссии в качестве представителя Колчака?

Савинков.—После ликвидации Колчака я некоторое время был членом делегации, о которой я говорю. В это время в Париж приехал от Пилсудского Вензегольский, который сообщил мне, что Пилсудский хочет меня видеть. Это было в январе 1920 года. В Варшаве я был принят Пилсудским. Пилсудский сказал мне, что было бы желательно сформировать русскую часть на польской территории.

Граждане судьбы! Вам, конечно, и тогда было совершенно ясно, что Польша ведет войну против России, я же думал, что Польша ведет войну не против России, а против коммунистов. Не забудьте, что в тот период времени я совершенно отделял Россию от вас, русский народ—от вас. Я смотрел теми же глазами, которыми смотрели многие из русских революционеров на русско-японскую войну. Мне казалось, что поляки воюют не с русским народом, а с вами. Я сказал все это для того, чтобы объяснить, почему я принял предложение Пилсудского и беседовал с ним. Беседа носила политический характер.

Я уехал из Варшавы, вернулся в Париж. Пилсудский не высказался определенно, может ли он разрешить формирование русских частей. Он говорил об этом только как о желательном.

После этого весной снова приехал в Париж Вензегольский, снова пригласил меня в Варшаву, сообщив, что вопрос о формировании русских частей разрешен в положительном смысле. Я приехал в Варшаву и действительно очень скоро получил полное разрешение Пилсудского на формирование русских частей.

Тут я действовал уже самостоятельно, я уже был гораздо меньше связан с контр-революц. элементами. Я не был связан ни с Колчаком, ни с Деникиным, ни также с делегацией. Я мог действовать более или менее самостоятельно, говорю: более или менее—потому, что я, разумеется, сразу попал в тиски поляков.

Вот этот период, когда я действовал самостоятельно, оставил во мне еще более горький след, чем тот период, когда я был связан с другими.

Раньше у меня все-таки оставалось утешение, что моя деятельность приводит к отрицательным результатам бла-

годаря этим правым элементам. Теперь же не было и этого утешения, мне суждено было сдать экзамен в Польше.

Я приступил к формированию частей. Части эти были в составе польских войск и в подчинении польского генерального штаба. В ваших тылах действовал отряд Булак-Балаховича; этот отряд был сформирован до моего отъезда и довольно долгое время никакого отношения ко мне не имел.

Я занимался формированием русских частей в местечке Столужица. Денежная зависимость от поляков была полнейшая. На юге был Врангель. Его военные представители в отряде тайно препятствовали мне. В состав отряда входили разнородные, мало интересные мне элементы, в значительной мере бывшие в севро-западной армии Юденича. В таких условиях был сформирован отряд в 4.000 человек, основная масса которого была такова, что я сочувствовать ей ни в коем случае не мог. Вскоре начались столкновения между мной и генералом Глазенапом, который стал во главе отряда. Столкновения эти вызваны были, главным образом, тем, что Врангель по мере того, как численность отряда увеличилась и в общей сложности к моменту похода достигла 25—27 тыс. чел., все настойчивее требовал, чтобы отряд был эвакуирован в Крым.

Поляки, конечно, противились этому, что объясняется в значительной мере тем, что они боялись не только вас, но и Врангеля. Получился таким образом чрезвычайно сложный узел. Кроме того, и самое формирование не соответствовало моим целям. Я думал сформировать крестьянскую армию, а на моих глазах вырастала золотопогонная, под начальством старорежимных генералов. Я удалил Глазенапа, но это было очень трудно.

Роль французов также была очень значительна. Как вам уже известно, я сформировал свои части, не подчиняясь Врангелю, но отряд Глазенапа подчинился телеграфно помимо меня Врангелю. И вот я получил телеграмму из Парижа, совершенно категорическую, звучащую для меня как приказание. И телеграмма гласила, что я должен подчиниться Врангелю. Смысл телеграммы был такой, что если я не подчинюсь, то французское правительство сумеет настоять на этом. И я подчинился.

Как я уже сообщал, я удалил генерала Глазенапа. Но на его место был назначен генерал Бобошко, такой же золотопогонник, как Глазенап. Я удалил ген. Бобошко, и на его место стал генерал Перемыкин, тоже золотопогонник, как оба первые. Не было никакого выбора: или золотопогонные генералы, или просто бандиты. Несколько слов о бандитах. Я вызвал тогда Пилсудского, и Пилсудский поставил мне такой вопрос: „Почему вы не имеете дела с Балаховичем?“. Я ему сказал то, что я думал про Балаховича, т.е. что Балахович—бандит. Помню, он рассмеялся и сказал: „Да, бандит, но не только бандит, а человек, который сегодня русский, завтра поляк, послезавтра белорусс, а еще через день—негр“. Далее Пилсудский сказал: „Пусть Балахович—бандит, но так как нет выбора, то лучше, пожалуй, иметь дело с Балаховичем, чем с золотопогонными генералами“.

Я познакомился с Балаховичем и вынужден был его назначить.

После заключения перемирия Пилсудский призвал меня и сказал: „Дайте в 24 часа ответ, будете ли вы воевать?“. И тут произошло памятное для меня заседание, которое было каплей, переполнившей чашу. На этом заседании сидели генералы: Балахович—один, Балахович—другой, еще больший бандит, чем брат, Перемыкин, военный представитель Врангеля—Махров; не помню, кто еще там сидел, во всяком случае были все такие высокопоставленные лица. Я доложил им, что мне сказал Пилсудский, и сказал, что я сформировал части, задачу свою исполнил, а теперь им нужно решить, будут ли они драться, или нет? Они единогласно постановили—драться.

Председатель. Это было после заключения перемирия?

Савинков. Да, это было после заключения перемирия. Перед нами встал вопрос, что раз хотят воевать, то необходимо объединить отдельные армии, не имевшие прежде друг с другом связи и ненавидевшие друг друга. Но генералы заявили, что они не хотят подчиняться друг другу, что каждый из них—уже маленький Наполеон, что каждый из них будет действовать совершенно самостоятельно. Мне это показалось настолько диким и бессмысленным, что я решил,

что мне остается одно: разделить участь тех людей, которые до известной степени шли по моему приказу. Я решил пойти вместе с ними в поход добровольцем.

Тут я должен вам сказать, что это время поляки формировали сами без меня казачью бригаду некоего есаула Яковлева. К моменту выступления в поход эта казачья бригада была в полном снаряжении. Одновременно с этим поляки разрешили формирование украинских частей, численность которых в начале похода достигала 25—30 тыс.

В общей сложности получилась довольно большая армия для гражданской войны. Если бы она была единой, то представляла бы собой некоторую силу. Но эти 50—60 тыс. человек имели несколько командований: украинцы—одно, есаул Яковлев—другое, Перемыкин—третье, Балахович—четвертое. По настоянию Перемыкина, т. е., в сущности, по настоянию Врангеля (как это ни странно,—склонен думать, что за кулисами были иностранцы), я вынужден был заключить конвенцию с Петлюрой, согласно которой он допускал за свой левый фланг армию Перемыкина. Что же было дальше? Перемыкин стал на этот участок, слева от него расположился казачий есаул Яковлев, но раньше, чем пойти в бой, они передрались между собой. Вот с чего начался этот блестящий поход.

Я помню, мы шли вначале очень удачно. Ваши части сдавались. Все время бои, бои, бои, и для нас удачные.

Шел мелкий снег. Было холодно. В поле было выстроено человек 400—500 красноармейцев. Они стояли и дрожали от холода. Перед ними—верхом один из балаховских офицеров. Он отдал приказание „подать тачанку“, т. е. расстрелять этих людей. Я не поверил своим глазам, подъехал к начальнику отряда и сказал, что не понимаю даже, что здесь происходит. Он остановил это приказание. И помню другой случай: пять красноармейцев, одиночками сдающихся, идут мимо нас. Вижу—бежит красноармеец без шапки. И вдруг я слышу: „Эй, ты, без шапки, пойдись сюда“, и дальше: „Ты—без шапки, ты—коммунист“. Он ответил: „Нет, я мобилизованный“.—„Врешь“,—и опять слышу: „Две винтовки сюда“. Я спас его.

Поход окончился плачевно. Лично я ушел от вас с боль-

шим трудом. Из 26.000 солдат в Польшу вернулись 22—23 тысячи.

Еще одна небольшая подробность: мы взяли в плен вашу кавалерийскую часть. Этой части Балахович не тронул. Он предложил ей вместе с командованием пойти с нами. Они согласились. Был бой, и солдаты очень доблестно дрались. Но потом случилось, что их командир, красный командир, заболел тифом. На его место был назначен Балаховичем другой офицер, офицер Николаевского кавалерийского училища—„милостивый государь“. И вот этот „милостивый государь“, придя в этот красный полк, начал распоряжаться по золотопогонному,—в два дня этот полк перешел к вам.

Вот этот случай заставил меня сильно задуматься над многим.

Итак, границу перешли 20.000 солдат. И произошло то, что я втайне предвидел: поляки нас обманули. Поляки обещали нам, что они не интернируют, а подтверждают наших солдат, а это—разница большая. Но, конечно, когда дошло до дела, наши солдаты были просто интернированы в лагеря, и вот я оказался ответственным за 20.000 человек. Они лежали на моей совести. Приходилось бороться за улучшение их положения. А как трудно было бороться! Был среди балаховцев интендант Елин. Он обворовывал солдат. Я решил отдать его под суд. Когда он приехал в Мозырь, я потребовал у него денежный отчет. Он понял, что если не представит денежного отчета, то здесь же, в Мозыре, я его буду судить. Он пошел к Балаховичу. Балахович дал ему подводу, и он больше не вернулся. Я нашел его в Варшаве. И после этого заявил Пилсудскому, что немедленно покину Варшаву, если Елин не будет арестован. Елина посадили в цитадель, но оправдали.

А вот другой случай. Я хочу внести порядок в суд, назначаю новых военных судей, даю точные инструкции. И вот назначенный мною военным судьей полковник Добжинский, долг которого—бороться с преступлениями, занимается кражами. Я его хотел судить, но польский разезд освободил его.

Я рассказываю об этом случае для того, чтобы вы ясно поняли, в каких тисках я находился в Польше. Я зависел

не только от полковника Сикорского, но и от маленького польского поручика, начальника разъезда.

Зачем поляки разрешили нам идти в бой, какую цель они преследовали? Почему они все время оказывали на нас давление, тайное, неофициальное?.. Иди, иди, давление двоякое,—польское, с одной стороны, и французское—с другой. Какую цель они преследовали? Да ту же, какую преследуют все иностранцы: пусть русские дерутся между собой. Чем больше гражданской войны, тем для нас, иностранцев, лучше: Россия будет слабее, России труднее будет стать на ноги.

Так вот мы вернулись в Польшу. Нас заперли в концентрационный лагерь. Нищета и, конечно, унижения во всем, во всем. Какой-нибудь польский майор, начальник лагеря, который держит в своих руках не только этих простых людей, которые там сидят, но и меня, потому что у него всегда угроза, потому что он играет на том, что я отвечаю за них.

Председатель.—Для меня не ясно, какую цель вы преследовали, когда согласились, чтобы армию направили в поход?

Савинков.—Вам, может быть, покажется странным, но я никакой власти не имел. Я не решал вопроса, идти в бой, или нет. Если бы я сказал: нет, не надо идти в бой, то я не пошел бы лично, но они пошли бы. Поход все равно состоялся бы, поход в моих глазах уже бессмысленный. А в глазах иностранцев тоже бессмысленный? Нет, не бессмысленный. В глазах Перемыкина? Нет, не бессмысленный, потому что Браугель ему приказал, а он исполнял приказ начальства. А Балахович? Для него тоже не бессмысленный.

Был у меня с ним случай в Мозыре: приехали белорусские министры—чорт их знает, какие министры!—на подводах. Приехали и заявили, что они министры, что они представляют белорусский народ. Денег, конечно, попросили немедленно. Ну, хорошо, какое мне дело до них? Однако, оказалось, что было дело, и вот какое. Балахович на следующий день говорит мне: „Знаете, белорусский народ предлагает мне стать начальником белорусского государства“. Это в Мозыре. Белорусский народ—это „милостивые государи“, которые денег просили, да еще пьяными вдрызг напились. Министры! Должен сказать, что я предвидел, что

Балахович может выкинуть такую штуку. И помню, что, уходя в поход, сказал это Пилсудскому. Пилсудский ответил: „Скажите ему, что тогда я его выкину“. И вот, когда Балахович сказал мне, что белорусский народ в лице этих министров выбирает его, я ответил: „Хорошо, но завтра вас выгонит Пилсудский“. Он успокоился.

Как видите, для меня поход был бессмысленный, для других—не бессмысленный. И вот потому, что поход для меня был бессмысленный с личной моей точки зрения, я вышел из положения тем, что разделил участь солдат, т.е. пошел вместе с ними.

Председатель.—Кого вы считаете ответственным за весь поход—трех генералов, иностранцев или себя?

Савинков.—Во-первых, отвечаю я, потому что я сформировал эти части. А потом отвечают, конечно, все. И эти генералы отвечают, и союзники отвечают.

Председатель.—Вы вчера говорили о беседе с военным министром Черчилем и указывали, что он сказал про армию Деникина: „Вот моя армия“. Не убедились ли вы тогда, что попадаете в руки иностранцев?

Савинков.—Представьте себе человека, который глубоко убежден. Я должен был испить всю чашу до конца, до тех пор, пока совесть моя не скажет, что я не прав. И, конечно, когда Черчилль показал мне рукой на деникинские части, обозначенные флажками, и сказал: „Вот моя армия“, у меня холод прошел по сердцу. Да, я совершил грубейшую ошибку, но она вытекает из основной. Основная ошибка, главная—это то, что в октябре пошел против вас.

Председатель.—Скажите, пожалуйста, формально, когда вы занимались организацией так называемой народной армии на территории Польши, вы занимали какой-либо пост или должность?

Савинков.—Я был председателем русского политического комитета, в состав которого входили Философов, Буланов, Ульяницкий, Дикгоф-Деренталь, Симановский и мой брат. Ответственность за этот комитет лежит на мне, так как я был председателем его, в сущности, с неограниченными полномочиями. Что касается погромов, то на моих глазах их совершено не было, может быть, именно потому,

что я там был. Случай с солдатами Георгиевского полка, о котором я говорил, тоже был вне этого отряда. Я еще раз подчеркиваю, что именно в отчаянии, не имея никакой власти, чувствуя, что я попал в полубандитское общество, что я, Борис Савинков, вынужден под давлением французов признать Врангеля и под давлением поляков идти с Балаховичем, я в отчаянии шел в одном маленьком отряде простым солдатом. Этот отряд безобразий на моих глазах не делал. Потом уже, в Мозыре, я слышал обвинения, что когда мы вошли в Мозырь, то был еврейский погром. Я утверждаю, что этого погрома не было. Знаю только, что солдаты Острожского полка, несшие патрульную службу, начали грабить, и были случаи, когда офицеры этот грабеж прекращали. Что Балахович сделал очень много погромов, это я знаю, я говорю только о том отряде, в котором я был. В Мозыре, насколько я знаю, мы ничего не захватили.

Этот балаховский поход, мое личное в нем участие были последним для меня внутренним духовным аргументом против белого движения. Очень медленно, из множества впечатлений у меня слагалось глубоко отрицательное отношение к белому движению. Началось с Дона, кончилось Мозырем. После октябрьского переворота я думал так: „Вот захватчики власти, народ не с ними. Там развал, там бандитизм, там убийства, беспорядки, а вот здесь, с этой стороны, на стороне белых, будет порядок, дисциплина, идейность, не будет убийств“. И это оказалось все глубоко неверным. Все это оказалось противоположным действительности. Я все больше и больше с ужасом приходил к убеждению, что они думают не о родине, не о народе, а о своих классовых интересах, интересах имущих классов. Более того, глубочайшая причина этого разочарования в том, что я понял, что никакое белое движение без иностранцев не возможно.

К этому моменту у меня совершился окончательный перелом. Много времени я потратил, много сил ушло на это, но зато он был окончательный,—говорю вам не из книги, а из жизни. Я все прошел, все увидел в этом белом движении, сам принял в нем непосредственное участие, и возненавидел. Каждый день приносил уверенность — в чем?

страшно сказать!—в своей ошибке, в своем заблуждении и, конечно, в своей вине перед народом.

И здесь я сказал себе: тут я разбит, совершенно, до конца побежден, но из этого еще не следует, что народ с ними, а ведь, окончательный судья всех наших дел—русский народ и никто иной, и ему только я подчинюсь. Я сказал себе, что это дело гиблое, несчастное, ужасное, а вот есть зеленое движение, крестьянское движение. Если этому движению придать некоторую организованность, то, может быть, результат будет другой. И я попытался пройти по линии зеленого движения. В этих целях было создано информационное бюро. Я стоял во главе его, и я за него отвечаю. Поэтому то, что я сейчас буду говорить, не поймите так, что я хочу сложить с себя ответственность. В этом информационном бюро, как и во многих других делах, я многих деталей не знал, многие из них я узнал здесь впервые на допросе. Цель моя была такова, чтобы попытаться придать более или менее организованную форму зеленому движению, попытаться вызвать большое, массовое крестьянское восстание, посылать людей в Россию именно с этими задачами. Я не мог себе представить, что из этого произойдет. Как мог я допустить, что эти люди в значительной мере просто сделаются полубандитами, а иногда и бандитами? Я этого предвидеть не мог. Многое делалось не так, как я хотел, а как раз наоборот.

Возьмите, например, вопрос о так называемом шпионаже. Скажут, что я — польский шпион, но шпионом я никогда не был, а было вот что: были опять те же невероятные тиски. Вот зеленое движение. Я остаюсь в Варшаве; должен сказать, что я был вынужден остаться в Варшаве, потому что 20.000 человек сидит за проволокой, и я один единственный, который может и должен заботиться о них. Что же произошло? А произошло то, что генеральный штаб схватил меня за горло: если вы хотите работать, то вы должны работать совместно с нами. Я пытался вырваться из этих тисков, но ничего сделать не мог. Проходит некоторое время, и я отдаю себе отчет в том, что те, которые отправляются в Россию для зеленого движения, входят, помимо этого, в соглашение с поляками, и эти люди доходят до

границы и возвращаются, или переходят границу и начинают грабить, шпионить, и только ничтожный процент не делал ни того, ни другого. Да, формально отвечаю я, но я не мог физически войти в это дело во всех деталях и я не мог, конечно, остановить его.

Да, мы предполагали широкое крестьянское восстание на западе, даже план разработали, съезд у нас был. Ах, этот съезд! Опять иностранцы, опять давление. Програму разработали, мало было иллюзий, но были. И я думаю, что программа эта все-таки, до известной степени, отражает настроения крестьян и их желания! Ведь, я был за каменной стеной, я не знал, что делается в России, не видел России, не чувствовал ее. Никакого восстания не вышло, какие-то бандиты пограбили, какие-то шпионы пошпионили, и только несколько человек попытались искренно и честно что-то сделать. Вот история с информационным бюро.

Председатель.—За период до съезда Союза Защиты Родины и Свободы информационное бюро занималось собиранием сведений военно-разведывательного характера на территории Советской России?

Савинков.—Да, я думаю, что да. Я вам сказал, что мы были совершенно в тисках.

Председатель.—Значит, выходит так, что поляки, взяв на себе содержание 20.000 интернированных солдат, требовали от информационного бюро доставки сведений военно-разведывательного характера.

Савинков.—Это вы немножко обостряете.

Председатель.—А как же иначе?

Савинков.—Если вы настаиваете, то конечно.

Председатель.—Я не настаиваю, а только спрашиваю.

Савинков.—Я говорю совершенно точно. Да, была база, на этой базе были иностранные войска.

За эту базу я отвечаю. Я хочу только установить, что за базу, за комитет, за армию я отвечаю, а если вы хотите сказать, что я поощрял или сам этим занимался, или был за это, или я сам лично способствовал этому, то—нет. Ужас был.

Председатель.—В каких отношениях находилось информационное бюро со II информационным отделом польского генерального штаба?

Савинков.—Были в связи. В значительной мере приходилось сведениями делиться. Да, информационное бюро было в связи с поляками, в связи с французами. Было ли оно в связи с французами непосредственно, я не помню, но это не важно. Да, оно было в связи. И французы, и поляки все время платили.

Председатель.—Не только за содержание интернированных, а и за военную разведку?

Савинков.— Я же не отрицаю этого.

Председатель.—Ваши агенты все сведения, получаемые в России, составляли в трех копиях: одну для информационного бюро, вторую—офицеру II отдела польского генерального штаба, третью—французской миссии?

Савинков.—Я должен сказать, что то, что вы говорите, не является доказательством моего в этом участия.

Председатель.—Имел ли место систематический, постоянный обмен документов между информационным бюро, польским генеральным штабом и французской военной миссией?

Савинков.—Он имел место, но вопрос только в том, какие документы передавались и когда передавались. Была база, были такие взаимоотношения, мы были у них в руках.

Опять Союз.

Председатель.—Кроме работы разведывательного характера, информационное бюро занималось также посылкой людей для агитации?

Савинков.—Да, для ведения массовой работы среди крестьянства. В западные губернии мы посылали потому отчасти, что они были ближе, а отчасти и потому, что мы имели там больше связи и получали чаще сведения. К мысли о восстановлении старого названия „Союза Защиты Родины и Свободы“ мы пришли потому, что в концентрационных лагерях старорежимные офицеры и отчасти генералы, которых там было мало, очень давили, теснили тех людей, которые с ними не были согласны, т. е. людей нашего тогдашнего демократического направления. Чтобы иметь определенную организацию, мы стали восстанавливать С. З. Р.

и С. А потом уже там, естественно, отбирались люди, и к ним переходил целый ряд функций лагерной жизни. Так в лагерях возрождался прежний Союз, но уже на основе другой программы. Здесь уже не было никаких элементов компромисса с кем бы то ни было. Начало существования Союза нужно считать со съезда, который был в июне месяце. На съезд приезжали с мандатами, которых проверить мы не могли, из центра—из Варшавы—присутствовал я, из представителей иностранных государств были и поляки, и итальянцы, и французы, и американцы. Не помню, были ли англичане, наверно, были; все присутствовали, все очень интересовались. От поляков был Сологуб, который в то время был офицером службы связи между министерством иностранных дел и военным министерством. От итальянцев был Стабини, он был военным представителем; от французов был майор Пакелье; были офицеры из военных миссий—американской и английской; от Украины был Тютюнник. На съезде была принята программа, подписанная Всероссийским Комитетом.

Представители иностранных государств просто сидели и записывали. Это не делалось так, что иностранцы вмешивались формально в наши дела. Они сидели, записывали, потом докладывали своему правительству и в беседах со мной, конечно, всячески поощряли. Прямого давления не было, но было неувловимое давление, что вот-де надо бороться с красными.

В конце концов, в моей борьбе с вами я был смертельно ранен душевно этим последним балаховским походом. Я помню, как я зашел в белорусскую деревню, где-то во мху, в лесу. Ко мне подошли крестьяне. Я в первый раз за столько лет был на родной земле. Я, помню, задал, такой вопрос: „Врангеля вы знаете?“. Имейте в виду, что я-то во Врангеля верил, во Врангеля вся эмигранцкая верила, иностранцы верили. Я помню, стоял там седой старик, посмотрел и говорит: „Как же, Врангеля знаю“.—„Что же вы думаете о нем?“ Он махнул рукой: „Пан“.—И тогда для меня совершенно и безусловно стало ясно, что Врангеля нет. Тогда я задал ему другой вопрос: „А Керенского помните?“. Он тоже махнул рукой и сказал: „Пустозвон“. И не

то меня ранило, что я бился головой об стенку, что я шел походом, что я посылал русскую пулю и надо мной свистели тоже русские пули,—меня глубочайше, до конца ранили вот эти беседы с крестьянами. И я уже в судорогах, собственно говоря, пошел в это зеленое движение, которое выродилось в бог знает что, а после зеленого движения— в подпольную работу, которая тоже никаких результатов не дала.

Террор и бандитизм.

Председатель.—Террористические акты вы признавали, приводили в исполнение?

Савинков.—Нет, не приводил в исполнение. Попытки слабые были; был случай, когда Свежевский сказал, что он хочет убить Ленина. Я не верил этому Свежевскому. Я—старый террорист; я знаю, что такое террор. Он сказал: „Я еду“. Я ответил: „Поезжай“. Понятно, ничего из этого не вышло: это была попытка с негодными средствами. Разве можно сделать террор при таком разложении?

Председатель.—Вы не отрицаете того, что вам было известно, что ряд банд или отрядов были направлены на территорию России под командой Павловского, Павлова, Васильева и др. для разного рода бесчинств?

Савинков.—Да.

Председатель.—Этим бандам давали инструкции только в Союзе, или также и офицеры польского генерального штаба?

Савинков.—Насколько мне известно, нет, не давали. Но я догадываюсь о том, что многие из них ехали в Россию, получали несколько рублей, и для того, чтобы получить больше, поступали в контр-разведку. Вы, ведь, знаете так же, как и я, то, что офицерство Польши сплошь и рядом состоит в иностранных контр-разведках. Соглашения же, что каждый агент, едущий в Россию, должен явиться в польский штаб, насколько мне известно, не было. Документы получались в информационном бюро, для проезда же на польскую территорию, конечно, нужно было польское свидетельство. Никогда я не видел ни денег, ни имущества, которые эти люди получали. Сколько раз я потом в газетах

читал: „Процесс савинковцев“, „Банды Савинкова“ и спрашивал себя: „Откуда же это?“. Это движение выродилось в полуграбительство, в полушпионаж. Конечно, ответственность лежит на мне, потому что я это дело начал, но вместе с тем совесть моя чиста, потому что не этого я хотел. Я не мог их контролировать, у меня не было власти. Что касается высылки в октябре 1921 г., то я ей был рад, потому что с меня как бремя спало. Я был привинчен к Варшаве, где 20.000 человек сидели без сапог, а я не мог их бросить. Может быть, другой на моем месте и уехал бы и сказал, что я не хочу возиться с польским штабом, с этой дрянью. А я не уехал. Потом вы добились того, что меня выслали. Я сел в поезд, и сердце мое радовалось, что я уезжаю из этой проклятой страны, что вы меня выкинули вон. (Смех).

Председатель.—После вашей высылки в октябре 1921 г. из Варшавы вы продолжали заниматься политической работой?

Савинков.—Первое смертельное ранение—это мозырский поход. Затем возня с зеленым движением. Тут сразу было видно, что все ни к чему, один вред. Что же мне оставалось делать? Ведь, не так просто человеку прийти к тому, что несколько лет своей жизни, тяжким трудом, со слезами и кровью, он работал не только зря, но во вред. Не так это просто, не в один день это делается. И я пытался, судорожно пытался уверить себя и утешить себя, что русский народ не хочет их, и что я прав. И когда меня выслали, я уже судорожно, по инерции, продолжал попытки работать. Были у меня колебания, были уже большие колебания. Не забудьте, что в этот именно период, как вам известно, я виделся с одним из ваших людей за границей. Помню, какая буря поднялась, как я это могу видеться с большевиками. Поехал, виделся, говорил, но была еще иллюзия, я стал продолжать работать, хотя и мало работал. Был я в Париже. Из Парижа, знаете, никакой революции или контр-революции в России не организуешь,—слишком это далеко. Так что в 1922 г. я, по правде говоря, не могу сказать, что я энергично работал против вас. В чем выразилась моя работа? Во-первых, я бросился к фашистам. Видел Муссолини, никакой помощи он мне не дал. Я уже

сказал, что я стою на террористической точке зрения, и я думал: „Ну, то не удалось,—может быть, здесь удастся“. Относительно этого в обвинительном акте нет, но я все рассказываю: пытался организовать террористический акт в Берлине, когда там были Чичерин и Раковский. Думал, что-нибудь выйдет. Нет, ничего нельзя было сделать. На террор люди идут только тогда, когда они знают точно, что народ с ними, и именно потому, что когда стоишь лицом к лицу с виселицей и когда знаешь, что служишь своему народу, то идешь. Террор требует огромного напряжения душевных сил, а вот этого теперь нет. Вы не найдете теперь людей нашего направления, которых не точил бы в сердце этот червяк. Вот причина, почему никакие террористические акты не могли иметь места.

Выступил Конради, но Конради—монархист. Среди этих монархистов, может быть, и найдутся какие-нибудь фанатики, я не знаю, а у нас этого вдохновения борьбы против вас уже не могло быть. Вот что я делал весь 1922 год. Очень слабо, очень мало, уже с большими душевными колебаниями, уже почти с отсутствием веры в то, что можно и нужно против вас бороться. В 1923 г. это настроение усилилось. Вероятно, вы читали книжку, которую я тогда написал, книжку, которая проникнута глубоким разочарованием в борьбе с вами, и в 1923 г. я был на волос от того, чтобы написать заявление о том, что я всякую борьбу с вами прекращаю. У меня все вышло, вы меня уже победили не тем, что взяли вот и арестовали теперь, а победили другим. Я стал задумываться: на чьей же стороне в самом деле правда, и на чьей же стороне в самом деле народ? Я совершенно отошел от иностранцев и от русских, я был совершенно одинок, не входил ни в какие эмигрантские комиссии, комитеты, учреждения, относился глубоко-пренебрежительно к верхам и с глубоким сожалением к низам. Я не вмешивался в их жизнь, я думал свою думу. Думал о том, что говорю вам сейчас: „Сколько же крови и слез! И из-за чего? И для чего? И почему? И где моя вина? И в чем моя вина?“. Осудите меня, как хотите,—ведь, большего суда, чем я сам над собой сделал, вы мне не дадите.

Отношение социалистов.

Председатель.—У меня еще один вопрос остался, который я забыл вчера. Каково было отношение к вам, Врангелю и Деникину со стороны Рабочей партии вообще и со стороны Макдональда в частности, и вообще со стороны английских рабочих?

Савинков. — Умеренные социалисты Рабочей партии все время в одну игру играют. Они все время как-будто и сочувствуют борьбе против вас, и как-будто и не сочувствуют.

Макдональда не знаю и не видел, так что точно не могу сказать. Знаю, что французские социалисты умеренные, Рендель, скажем, с оговорками признавали борьбу с вами, ну, как ППС, т.-е. ни в тех, ни в сех. ППС держались этой политики: не то вредили, не то помогали, иногда помогут, иногда повредят. Знаю, что у них шли некоторые переговоры с эс-эрами, чтобы предоставить эс-эрам возможность работать на польской территории. Эс-эры как-то говорили, что мы работаем на польской территории.

Председатель.—Продолжайте ваши объяснения о 1923 г.

Савинков.—Я понимаю огромное мировое значение вашей революции; я ее понимаю, как мировое событие. Новый мир против старого мира. Можно стать грудью и защищать этот старый мир, или можно идти с вами. Я говорю—старый мир, понимая под этим старый мир не только генералов, но и себя, и эс-эров, и всех, кто не с вами, потому что так или иначе все, кто не с вами, связаны с этим старым миром в той или иной форме. Вот вы несете новый мир. И если я с вами не борюсь, то что я должен делать? Вот такая мысль у меня была. Если я пришел к тому, что вы меня победили, не физически победили, не убили в бою, не расстреляли, а что вы меня душевно победили, то что я должен делать?

Тогда у меня родилась мысль, которая стала меня все больше и больше тревожить, мысль о том, что вот я здесь сижу в эмиграции, могу жить спокойно, тихой жизнью, как-будто никогда не бился с вами; я не могу просто

Выйти в отставку, как поступают чиновники, кончившие свой труд. Я себе сказал: нет; как бы я ни заблуждался, как бы ни был тяжек мой путь, я уже вам сказал и еще раз говорю, я был всю жизнь из тех, которые сами идут вперед и делают то, что они зовут других делать. За чужой спиной я никогда не прятался, ответственность брал на себя целиком. И я стал думать о том, что я должен во что бы то ни стало поехать сюда, в Россию, посмотреть своими глазами и услышать своими ушами. Я хотел вообще увидеть, что делается в России, и что делают коммунисты. А может быть, все то, что я читаю в зарубежных газетах, есть ложь? Я к этой мысли пришел (ваших газет там нет), потому что если вся борьба была ни к чему, так это—не случайное явление, здесь есть какие-то глубокие, сложнейшие причины, и не может быть, чтобы люди, против которых бороться нельзя, против которых никто не может бороться, чтобы эти люди ничего не сделали для русского народа. И не может быть, чтобы Россия представляла собой красное яблоко, внутри белое, с красной коркой. Не может этого быть.

Здесь много вопросов встало передо мною, тяжелых вопросов,—вопрос о всей моей жизни, о всей моей войне с вами. И я себе сказал: да, я поеду в Россию, пусть будет, что будет, пусть расстреляют, но я поеду в Россию, я увижу своими глазами, я сам решу, сам узнаю, что мне надо сделать для того, чтобы служить моему народу, ибо—что говорить—вы знаете сами, что никаких классовых интересов я не защищал.

Долго длился период колебания, мучительного колебания, перепутья. Знаю, твердо знаю, что все то, что я делал, не в пользу вышло, а во вред. Что же мне делать, куда мне идти? Вот именно спокойной жизнью жить... Нет, я должен служить своему народу. Как всю жизнь служил, так и умру, а как служить—не знаю. И я решил поехать. Когда я приехал сюда, то для меня стало отчетливо ясно, что, конечно, народ с вами.

Вот как я ехал, вот что я делал в 1922, 1923, 1924 годах. Ничего я от вас не скрываю, и ни к чему это мне. Каждый пункт обвинительного акта таков, что достаточно одного

обвинительного пункта. Мне прятаться и смягчать вину нечего.

Теперь хочу сделать дополнение. Об иностранцах я говорил очень много, говорил в разное время по-разному, и я теперь хотел бы резюмировать то, что я думаю об иностранцах. Видите ли, сейчас и довольно давно уже,—конечно, не в 1917 и 1918 годах, когда я был наивным,—я думаю, что все иностранцы, каковы бы они ни были в этом отношении, равны,—что Пуанкаре и Мильеран равны Эррио, что Черчилль и Ллойд-Джордж равны Макдональду, а Муссолини—Пилсудскому. Они во все время нашей революции всеми силами и средствами содействовали и содействуют борьбе с вами, морально или материально, но—содействуют. А если они содействуют борьбе с вами, то они содействуют не только потому, что вот придут коммунисты и возьмут у них из кармана. Конечно, они боятся и этого, но это не главное, а главное—это их мысль о России, что вот была великая, огромная страна, а теперь она разорена, ослаблена; так вот с их точки зрения, как я уже говорил вам, они это ослабление очень приветствуют, и этим объясняется в огромной степени их политика по отношению всех тех, которые борются с вами.

Я это здесь утверждаю, и я очень буду счастлив, если когда-нибудь вам удастся предъявить им счет. Пускай за все платят.

Объявляется перерыв до вечера.

Вечернее заседание 28 августа.

Заключительное слово обвиняемого.

— Граждане судьи, я знаю *ваш приговор заранее. Я жизнью не дорожу и смерти не боюсь. Вы видели, что на следствии я не старался ни в какой степени уменьшить свою ответственность или возложить ее на кого бы то ни было другого. Нет. Я глубоко сознавал и глубоко сознаю огромную меру моей невольной вины перед русским народом, перед крестьянами и рабочими. Я сказал: „невольной

вины“, потому что вольной вины за мной нет. Не было дня, не было часа, не было минуты, не было таких обстоятельств, при которых я искал бы личной выгоды, добивался личных целей, защищал бы интересы имущих классов. Нет, такого дня и такой минуты в жизни моей не было. Всегда и при всех обстоятельствах руководился я одним, пусть заблуждался, но руководился одним: моей тоже огромной любовью к родному народу.

Да, я сказал: я знаю ваш приговор и смерти не боюсь, и именно потому, что я знаю ваш приговор и смерти не боюсь, я имею свободу говорить, я имею право и обязанность открыто и твердо, ясно и до конца сказать все, что я думаю, и так, чтобы слышали все, кто имеет уши слышать. Как произошло, что я, Борис Савинков, друг и товарищ Ивана Каляева и Егора Сазонова, сподвижник их, человек, который участвовал во множестве и множестве покушений при царе, в убийстве вел. князя Сергея и в убийстве Плеве,—как случилось так, что я сижу здесь на скамье подсудимых, и вы, представители русского народа, именем его, именем рабочих и крестьян, судите меня,—за что? За мою вину перед крестьянами и рабочими.

Я помню летнее утро. Петроград. Измайловский проспект. Пыльные камни. На мостовой распростертый Сазонов, раненый, со стружкой крови. И я стоял над ним. Рядом — разбитая карета Плеве, и пристав, с дрожащею челюстью, подходит ко мне, а у меня в руках револьвер. И помню я Москву и Кремль. Была зима, шел снег. Я целую в губы Каляева, а через две минуты раздастся взрыв, и вел. князь Сергей убит. Я помню опять: Москва, весеннее солнце, площадь, и снова взрыв — ранен Дубасов. И помню я далекий Глазго. Русский корабль „Рюрик“, матрос Авдеев, — он наверное с вами сейчас, — и я с ним обдумываю, где он спрячет меня в трюме, и будет царский смотр на „Рюрике“, и будет взрыв. Взрыва не было, потому что был Азеф. Помню я Севастопольскую крепость, и железную решетку, как сейчас. И опять у моих дверей часовой, и смертная казнь, как сегодня, — все это помню. Как я был счастлив, когда я сидел тогда в тюрьме! Какою гордостью билось мое сердце! Я знал, что весь русский народ, все рабочие и крестьяне со мною,

и что по всей России нет ни одного человека, который бы не вспомнил меня, когда я умру. И я радостно и гордо стоял перед своими судьями. Они не повесили меня. Я убежал из тюрьмы. Теперь я так не сижу. Теперь мною владеет огромное и темное чувство. Я спрашиваю себя: поймут ли мою жизнь русские рабочие, поймут ли мою жизнь русские крестьяне, поймут ли они, что вина моя только невольная, что заблудился я? С этим чувством тяжело умирать. Как случилось, граждане судьи, что я пошел против вас, красных, против рабоче-крестьянской власти? Как могло это случиться?

Вот послушайте мою жизнь, может быть, многое тогда станет вам более понятным. Из какой я семьи? Из революционной. Отец — чиновник, которого выгнали при царе за революционные убеждения. Таких чиновников было мало. Старший брат погиб в Сибири, в ссылке, при царе. А я с 18-ти лет уже сидел в тюрьме и юным, совсем юным ушел на первый призыв в террор. Всю свою молодость провел в боевой организации. Что это значит? Это значит, что я жил под стеклянным колпаком. Это значит, что я никого не видал, кроме своих, строжайшая конспирация, абсолютные законы. Я не знал массы, я не знал народа, я не знал крестьян, рабочих. Я любил их. Я готов был жизнь свою отдать и отдавал. Но интересы их, истинные их желания, естественно, мог ли я знать?

Я жил под стеклянным колпаком без имени, без семьи, без дома, каждую минуту под угрозой. Так я жил долго, до 1911 года. А с 1911 года — эмиграция. Но что такое эмиграция? Ведь, эмиграция — тот же самый стеклянный колпак. Как я видел, и что я видел? Россию я видел? Русский народ видел? Нет, я чужих людей видел, чужой народ, чуждый мне. И сохранялась и росла, и, если можно, еще больше крепла моя любовь к родному народу. Война застала меня в эмиграции. С первым же пароходом, как только пришли первые вести о революции, я приехал в Россию, ничего о ней не зная. Боевая организация и эмигрантская жизнь — вот весь мой опыт.

И когда случился ваш переворот, я пошел против вас. Вот роковая ошибка, вот роковое заблуждение! Один ли я

был в этом положении? И почему случилась эта ошибка? Скажу вам, был случай, может быть, заурядный случай, но этот случай сразу оттолкнул меня от вас. Да, я поборол потом в себе его, я никогда не мстил за него, никогда в моей борьбе с вами он не играл роли, но вы поймете меня, когда я скажу, что он оттолкнул меня от вас, что он сразу вырыл пропасть. Случай этот был такой. У меня была сестра, старшая сестра; она замужем была за офицером. Это был тот единственный офицер петроградского гарнизона, который 9 января 1905 г. отказался стрелять в рабочих. Помните, когда рабочие шли к Зимнему дворцу? Так вот это был единственный офицер, который отказался исполнить приказ. Это был муж моей сестры. Вы его расстреляли в первый же день, потом вы расстреляли и ее... Я говорю: никогда во время борьбы моей с вами я не помнил об этом и никогда не руководился мстью за то личное и тяжкое, что пережил я тогда, но в первые дни это вырыло пропасть. Психологически было трудно подойти, преступить через эти трупы. И я пошел против вас.

Вот четыре причины, четыре главные причины. О, конечно, не ваша коммунистическая программа меня смущала. Никогда я не защищал имущих, никогда я ничего сам не имел. Нет, меня смущало другое, меня восстанавливало против вас другое. Врагом вашим я стал за другое. Вот первое—учредительное собрание. Теперь наивно о нем говорить, но то был 1917 г., ведь, я всю свою жизнь до 1917 года отдал—на что? На мечту об учредительном собрании. Ведь, этим я жил, ведь, в этом был смысл моей жизни! Да ничтожество этого учредительного собрания выяснилось очень быстро, и очень быстро я понял, что вы были правы, и этот первый пункт отпал. Но был второй, второй пункт—это брест-литовский мир. Я вам сказал, как я приехал в Россию. Я жил во Франции во время войны, я весь был проникнут не русской, а французской психологией войны. Для меня прекращение войны было невозможно, непереносимой была самая мысль об этом. Да, я скоро понял, не сегодня, но теперь, когда я сижу здесь, что и тут вы были правы, и что всякое мудрое правительство должно было заключить мир, но тогда, когда я шел против вас, я этого не понимал. Был еще третий пункт, огромный для меня. Я делил здесь

всеобщее заблуждение, заблуждение такое: большевики возьмут власть на короткое время, а после них придут монархисты. Большевики расчистят дорогу монархистам, и снова будет то же, против чего я боролся всю жизнь, снова будет то ненавистное, что упало в феврале. Этот третий пункт очень скоро тоже отпал, не в день, не в два, не в месяц, но — отпал. Конечно, ваша огромная заслуга в том, что вы совершенно уничтожили монархизм и совершенно не допустили возврата к старому. Но я-то это понял потом, а когда пошел против вас, этого не сознавал. Остается четвертый пункт, самый главный, самый основной. Вот над этим четвертым пунктом я все время и бился, вот этот четвертый пункт мне не давал покоя, вот этот четвертый пункт красной нитью прошел через всю мою борьбу с вами. Этот четвертый пункт был такой: красные — захватчики власти, народ — крестьяне и рабочие — их не хотят. И поскольку я думал, что народ — крестьяне и рабочие — против вас, постольку моя обязанность была бороться с вами.

Теперь, граждане судьи, я вам расскажу, как отпал и этот четвертый пункт. Я вам давал свои показания, я не скрывал от вас ничего. Ну, что же? Сначала: Дон, генералы, тайное „боже, царя храни“, сплетни, интриги, помещики, буржуа, — вот начало белого движения, то начало, о котором я говорил, тот штык, которым офицер замахнулся на генерала Алексеева. Вот сначала Дон и первое глубокое и острое разочарование, не осознанное еще, а затем дальше Ярославль, бесплодная и кровавая попытка, и французы. Дальше Казань, казанская керенщина, малодушие и растерянность и пустозвонные слова... Дальше Колчак, все то, что делалось у него, и умолчание об этом. Я в Париже представляю его. И опять чиновничество, и опять зависть и сплетни, сплетни и молчание и равнодушие к народу. Потом — Варшава, поход Перемыкина и Балаховича, все то, что я рассказывал, все то, что не давало мне покоя в мои бессонные ночи. И изо дня в день накапливалась эта горькая острота сознания, что да, здесь я ошибся. А над всем этим иностранцы, иностранцы и иностранцы и опять иностранцы; над всем этим сознание того, что я, русский, любящий свою родину, — в руках иностранцев, людей, которые ненавидят ее.

Вот, медленно, шаг за шагом, приходил я к мысли, той страшной, ужасной для меня мысли: а что, если я ошибся в этом четвертом пункте? А что, если действительно народ—рабочий и крестьянин—с ними?.. Ведь, не может же быть, чтобы все попытки кончались неудачей только потому, что у нас программа несовершенна, или тактическую ошибку сделали, или тот не исполнил приказания, а этот перепутал. Не может же быть, чтобы поэтому... Ведь, и у красных, в особенности в начале, был развал; однако они нас побеждали а не мы их. Должна же быть более глубокая, более решающая причина... Где же она? в чем же она? Я вам говорю: я искал ее, я бился над нею, я подходил к ней и... я не смел найти ее. Я сказал на следствии: я был смертельно ранен душевно в этом походе балаховском с винтовкой за плечами, был смертельно ранен душевно настолько, что дальше и зеленое движение,—то зеленое движение, которое выродилось в полубандитизм, в полушпионаж,—и дальнейшая работа, слабые попытки подпольной работы,—это уже были судороги, это уже была инерция. Это вообще была невозможность для меня, для человека, который родился революционером, который не остановится на полдороге, который не может, как чиновник, выйти в отставку, который должен дойти до конца, который только тогда скажет, что „да, я ошибся“, когда он будет по совести и глубочайше в этом убежден, но не раньше. И весь этот тяжкий и кровавый опыт приводил меня неизбежно к тому, что я должен был поставить себе этот вопрос,—рано или поздно, этот вопрос должен был стать передо мною,—а что, если рабочие и крестьяне с ними? Что же тогда, кто же я тогда, когда я иду действительно против своего народа. Эта мысль была для меня непереносна. Я сказал на следствии, что к лету 1923 г. для меня в сущности все стало ясно. Я уже почти отошел от всякой работы, я уже сидел в углу и только думал и думал над своей жизнью, думал над моей борьбой с вами, и для меня было ясно, что надо сесть за стол и написать, что по таким-то и таким-то причинам я прекращаю всякую борьбу против красных. А написать это—это значит очень много, ибо, как я уже говорил, мир раскололся на две части: вы несете новую жизнь, и против вас стоит старый. Нельзя, немислимо пассивно смо-

треть на то, что происходит. Можно быть или за вас, или против вас, но—не посередине. Отказаться от борьбы с вами, написать то заявление, о котором я говорил, свободно в 1923 году в Париже—это значило на следующий день притти к вам и сказать: повинную голову меч не сечет. Я говорю о тех моих мыслях, которые были не здесь, когда я под стражей и когда я жду приговора. Если бы они родились здесь, когда я под стражей и жду приговора, им не было бы цены. Цена их в том, что я пришел к ним свободно, долгим, мучительным, не из книг, а из жизни, путем..

И я начал тяготиться одной мыслью,—о ней я уже говорил,—я сказал себе: чего бы это ни стоило, чем бы я ни рисковал, я должен вернуться в Россию. Я не мог оставаться там и спокойно сидеть в Париже. Я мог бы участвовать в разных заседаниях и комитетах, я мог бы на словах решать вопрос о русской жизни, о русской революции. Этого я делать не хотел и сказал себе: будь, что будет, но поеду сюда, к себе на родину, я увижу мой родной народ, я увижу своими глазами, я услышу своими ушами, что делается. И я тогда решу... Я не знал, что я решу, но я не мог решать в Париже. И вот сейчас я вам говорю и я имею право и обязанность это сказать. Как я вам уже говорил,—я пришел к этому не сейчас и не вчера, а больше года тому назад. Вы же меня судите как хотите и делайте со мною что хотите. Но я вам говорю: после тяжелой и долгой кровавой борьбы с вами,—борьбы, в которой я сделал, может быть, больше, чем многие и многие другие,—я вам говорю: я прихожу сюда и заявляю без принуждения, свободно, не потому, что стоят с винтовками за спиной: я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой. И каждому русскому, каждому человеку, который любит родину свою, я, прошедший всю эту кровавую и тяжелую борьбу с вами, я, отрицавший вас, как никто,—я говорю ему: если ты русский, если ты любишь родину, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей и крестьянской властью и признай ее без оговорок.

Вот то, что я вам говорю. И я имею право это сказать, ибо рассказал вам, каким путем я к этому пришел. Что я могу еще прибавить? Мне нечего прибавить к тому, что я

сказал. Я могу сказать еще только одно. Вы будете выносить ваш приговор. Я не ищу никакого снисхождения, но я прошу вас помнить,—и пусть революционная совесть ваша напомнит вам об этом,—что перед вами стоит честный человек, который никогда лично для себя ничего не искал и ничего не хотел, который не раз и не два и не десять раз лез головой в петлю за русский рабочий народ и отдал свою молодость на это. Пусть ваша революционная совесть напомнит вам, что для того, чтобы я здесь, Борис Савинков, сказал вам то, что я говорю, что я признаю безоговорочно Советскую власть, для этого нужно было мне, Борису Савинкову, пережить неизмеримо больше того, на что вы можете меня осудить.

После краткого перерыва на вопрос председателя, не желает ли Савинков чем-нибудь дополнить свои объяснения, Савинков ответил:

— Нет, я ничего не имею больше сказать, ничего не имею больше прибавить. Я уже сказал, что я знаю ваш приговор и не думаю о нем. Я думаю о другом. Я боюсь только одного,—потому что, как я сказал, с этим тяжело жить, с этим еще тяжелее умирать,—я боюсь только того, что найдутся в России крестьяне или рабочие, которые не поймут меня, которые не поймут моей жизни и которые подумают, что я был врагом народа. Вот это—неправда. Я заблуждался. Я сделал роковую ошибку в начале. Почему? Я уже объяснил. Я в дальнейшем боролся против вас, исходя из этой ошибки. Что делать, судьба дала мне неукротимую энергию и сердце революционера. Вот я и шел до тех пор, пока не убедился в своей ошибке. Это было не сейчас, не здесь, а больше года назад в Париже. Вот я только об этом и думаю, только этого и боюсь, ибо не был я врагом народа. И вся моя мечта, вся моя жизнь была в том, чтобы до последнего моего вдоха послужить ему.

Председатель.—Объявляю судебное следствие законченным. Последним словом желаете воспользоваться?

Савинков.—Нет, благодарю вас.

Председатель.—Суд удаляется на ссвещание для вынесения приговора.

Приговор.

Именем Союза Советских Социалистических Республик Верховный Суд СССР по Военной Коллегии в составе председательствующего Ульриха В. В., членов Камерона П. А. и Кушнирюка Г. Г., при секретаре Маршаке, в открытом судебном заседании 27, 28 и 29 августа 1924 года, в г. Москве, заслушав и рассмотрев дело по обвинению Савинкова Бориса Викторовича, 45 лет, сына чиновника, с незаконченным высшим образованием, при Советской власти не судившегося, бывшего члена боевой организации партии эс-эров, а впоследствии руководителя и организатора контр-революционных, шпионских и бандитских организаций,— в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58 ч. I, 59, 64, 66 ч. I, 70 и 76 ч. I уголовного кодекса РСФСР,—нашел судебным следствием установленным,

что Борис Савинков:

1. С момента февральского переворота до Октябрьской революции, принадлежа к партии с.-р. и, разделяя программу монархиста генерала Корнилова, будучи комиссаром при командующем Юго-Западным фронтом, военным министром в кабинете Керенского, членом совета союза казачьих войск, активно и упорно противодействовал переходу земли, фабрик и всей полноты власти в руки рабочих и крестьян, призывая подавлять их борьбу самыми жестокими мерами и приказывая расстреливать солдат, не желавших вести войну за интересы империалистической буржуазии.

2. После перехода власти в руки трудящихся, пытался в Петрограде поднять казачьи полки для свержения рабоче-крестьянской власти и, после неудач, бежал в ставку Керенского, где, совместно с генералом Красновым, активно боролся против восставших рабочих и революционных ма-

тросов, тем самым защищая интересы помещичье-капиталистической контр-революции.

3. В конце 1917 и в начале 1918 г.г. принял активное участие в донской контр-революции, став членом Донского гражданского совета, совместно с генералами монархистами, Алексеевым, Калединым и Корниловым, которых убеждал в необходимости вести вооруженную борьбу против власти советов, помогал формированию так называемой добровольческой армии, которая до конца 1920 года, при поддержке англо-французских капиталистов, разоряла Украину, Донскую область, Северный и Южный Кавказ, помогая правительствам Антанты увозить хлеб, нефть и прочее сырье.

4. В начале 1918 года, явившись в Москву, создал контр-революционную организацию „Союз Защиты Родины и Свободы“, куда привлек, главным образом, участников тайной монархической организации, гвардейских и гренадерских офицеров и своими главными помощниками сделал монархистов генерала Рычкова и полковника Церхурова, после чего обратился к ген. Алексееву—главе южной монархической контр-революции с донесением об образовании „С. З. Р. и С.“ и просьбой дать руководящие указания. Организация, созданная Савинковым, имела своей целью свержение Советской власти путем вооруженных восстаний, террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства, пользуясь материальной поддержкой и получая руководящие указания от французского посла Нуланса и чехо-словацкого политического деятеля Массарика.

5. Весной 1918 года, получив от Массарика при посредничестве некоего Клецаццо 200.000 рублей на ведение террористической работы, организовал слежку за Лениным и другими членами советского правительства, в целях совершения террористических актов, каковые, однако, совершить ему, Савинкову, не удалось по причинам, от него не зависящим.

6. Получив разновременно весной 1918 года от французского посла Нуланса около двух с половиной миллионов рублей, в том числе одновременно два миллиона специально для организации ряда вооруженных выступлений на верхней Волге, по категорическому предложению того же Нуланса, в целях поддержки готовящегося, по

словам последнего, англо-французского десанта в Белом море, после неоднократных переговоров с французским атташе ген. Лавери и французским консулом Гренаром, организовал, опираясь на офицерские отряды „С. Э. Р. и С.“, при поддержке меньшевиков и местного купечества, в начале июля 1918 года вооруженные выступления в Ярославле, Муроме, Рыбинске, и пытался поднять восстание в Костроме, оттянув тем самым значительные части Красной армии, оборонявшей Казань и Самару, от чехо-словаков и эс-эров.

7. После ликвидации мятежей на верхней Волге, он, Савинков, бежал в Казань, в то время занятую чехо-словаками, и принял участие в отряде Каппеля, оперировавшем в тылу Красных войск.

8. В конце 1918 года Савинков принял предложение Колчака быть его представителем в Париже и в течение 1919 года, посещая неоднократно Ллойд-Джорджа, Черчиля и других министров Англии, получал для армий Колчака и Деникина большие партии обмундирования и снаряжения, а также, по поручению Колчака, для поддержки к.-р. движения, находясь во главе бюро печати „Унион“, распространял заведомо ложную информацию о Советской России и вел печатную агитацию о продолжении дальнейшей вооруженной борьбы капиталистических государств с рабоче-крестьянским государством.

9. Во время русско-польской войны 1920 г. Савинков, состоя председателем белогвардейского русского политического комитета в Варшаве, по предложению Пилсудского, за счет Польши и при полном содействии французской военной миссии в Варшаве, организовал так называемую „русскую народную армию“ под командой генералов Перемыкина и братьев Булак-Балаховичей, а осенью такого же года, после заключения русско-польского перемирия, с ведома Пилсудского, лично принял участие в походе Булак-Балаховича на Мозырь.

10. В начале 1921 года, через так называемое информационное бюро РПК, во главе которого стоял его брат Виктор Савинков, Борис Савинков организовал военно-разведывательную работу на территории Советской России, передавая часть получаемых сведений второму разведывательному от-

делу польского генерального штаба и французской военной миссии в Варшаве, получая за это денежные вознаграждения.

11. С июня 1921 года по начало 1923 года Савинков, став во главе восстановленного им „Народного Союза Защиты Родины и Свободы“, в целях поднятия вооруженных восстаний на территории Советской России, неоднократно посылал в западные пограничные губернии вооруженные отряды под командой офицеров Павловского, Васильева, Павлова и других, которые производили налеты на исполкомы, кооперативы, склады, спускали под откос поезда, убивали советских работников, а также собирали сведения военного характера для передачи польской и французской разведке в Варшаве. Кроме того, отдельным лицам, как, например, полк. Свежевскому, давались задания террористического характера, каковые, однако, выполнены не были.

12. В 1923 году, когда, после разгрома большинства организаций „Н. С. З. Р. и С.“, денежная поддержка, получаемая Савинковым от Польши и Франции, сильно сократилась, он пытался получить средства от Муссолини, и

13. В августе 1924 г., желая лично проверить состояние анти-советских и контр-революционных организаций на территории Союза ССР, перешел по фальшивому документу на имя Степанова В. И. русско-польскую границу, но вскоре был арестован.

Таким образом устанавливается виновность Савинкова:

1) В организации в контр-революционных целях вооруженных восстаний на советской территории в период 1918—1922 г.г., т.-е. в преступлении, предусмотренном ст. 58 ч. I уголовного кодекса РСФСР.

2) В сношении с представителями Польши, Франции и Англии с целью организации согласованных вооруженных выступлений на территории Советской федерации в 1918, 1919, 1920 г.г., т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. 59 уголовного кодекса.

3) В организации в контр-революционных целях в 1918 и 1921 г.г. террористических актов против членов рабоче-крестьянского правительства, каковые акты, однако, совершены не были, т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 14 и 64 уголовного кодекса.

4) В руководстве военным шпионажем в пользу Польши

и Франции в течение 1921 по 1923 год, т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. 66 ч. I уголовного кодекса.

5) В ведении пропаганды в письменной и устной форме, направленной к поддержке выступлений иностранных капиталистических государств, в целях свержения рабоче-крестьянского правительства в 1919 г., т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. 70 уголовного кодекса, и

6) В организации банд для нападений на советские учреждения, кооперативы, поезда и т. д. в 1921 и 1922 годах, т.-е. в преступлениях, предусмотренных ст. 76 ч. I уголовного кодекса.

На основании изложенного Верховный Суд приговорил: Савинкова, Бориса Викторовича, 45 лет, по ст. 58 ч. I уголовного кодекса, к высшей мере наказания, по ст. 59 и рук. ст. 58 ч. I—к тому же наказанию, по ст. 64 и рук. 58 ст. ч. I—к тому же наказанию, по ст. 68 ч. I—к тому же наказанию, по ст. 76 ч. I—к тому же наказанию и по ст. 70—к лишению свободы на 5 лет, а по совокупности—расстрелять с конфискацией всего имущества.

Принимая, однако, во внимание, что Савинков признал на суде всю свою политическую деятельность с момента октябрьского переворота ошибкой и заблуждением, приведшим его к ряду преступных и изменнических действий против трудовых масс СССР, принимая далее во внимание проявленное Савинковым полное отречение и от целей, и от методов контр-революционного и антисоветского движения, его разоблачения интервенционистов и вдохновителей террористических актов против деятелей Советской власти и признание им полного краха всех попыток свержения Советской власти, принимая далее во внимание заявление Савинкова о его готовности загладить свои преступления перед трудящимися массами искренней и честной работой на службе трудовым массам СССР, Верховный Суд постановил ходатайствовать перед президиумом Центрального Исполнительного Комитета СССР о смягчении настоящего приговора.

Председатель *В. Ульянов*.

Члены *Камерон, Кушнирюк*.

Москва, 1924 года,
29 августа, 1 ч. 15 мин.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР.

Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР рассмотрев ходатайство Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР от 29 августа, утром, о смягчении меры наказания в отношении и осужденному к высшей мере наказания гражданину Б. В. Савинкову и признавая, что после полного отказа Савинкова, констатированного судом, от какой бы то ни было борьбы с Советской властью и после его заявления о готовности честно служить трудовому народу под руководством установленной Октябрьской революцией власти—применение высшей меры наказания не вызывается интересами охранения революционного правопорядка, и полагая, что мотивы мести не могут руководить правосознанием пролетарских масс,—п о с т а н о в л я е т:

Удовлетворить ходатайство Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР и заменить осужденному Б. В. Савинкову высшую меру наказания лишением свободы сроком на десять (10) лет.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР
А. ЕНУКИЗДЕ.

Москва, Кремль,
29 августа 1924 г.

30 августа 1918 г.— 30 августа 1924 г. ¹⁾.

Бывают годовщины, все более и более теряющие свое живое содержание, чем дальше отходишь от факта, лежащего в основе их. Бывают годовщины, когда значение этих фактов тускнеет, мельчает, и сохраняется только форма.

День 30 августа, день покушения на Владимира Ильича Ленина, относится к другого рода дням. Нет уже в живых Ленина. Нет Ленина, чьей жизни мы в этот день радовались, что выжила его могучая натура, что не убил его отравленный ядом свинец эс-эровского браунинга Каплан. Под кремлевской стеной коммунаров Ленин каждый день безмолвно встречает и провожает тысячи проходящих мимо него с глубокой любовью людей. И хотя Ленина нет, и он не может вновь и вновь бросить пламенные мысли свои миру обездоленных, миру труда, но во всем мире имя Ленина стало символом освобождения, призывом к борьбе за коммунизм, к коллективному труду. Все с той же силой, как и прежде, звучат гневные, молниеносные удары его призывов к борьбе, прочитанные трепетом и бурей пролетарской революции, предчувствием, предвидением новых времен, новой эпохи, нового строя жизни.

И сегодня, оглядываясь назад, мы видим, как день 30 августа озарен новыми лучами, упавшими на него от того, что перед нами снова раскрылась в последние дни незабываемая картина этих первых недель, месяцев, годов пролетарской революции. В только что законченном процессе из естного террориста и участника всех белогвардейских замыслов против пролетарской революции, Бориса Савин-

¹⁾ „Правда“ от 30 августа 1924 г.

кова, покушение на Ленина 30 августа получило новое, более полное освещение. Более чем когда бы то ни было раньше стало ясно, что покушение на убийство В. И. Ленина 30 августа 1918 года было только одним из звеньев общей цепи, которую пытались задуть молодую Советскую Коммуну, — в муках и крови рожденную РСФСР, — иностранные хищники-капиталисты, в союзе с эс-эрами — правыми и левыми, и меньшевиками, белогвардейскими золотопогонниками-генералами, дворянами-помещиками и капиталистами.

В искренности показания этого рода Бориса Савинкова у нас нет оснований сомневаться. А он самым определенным образом доказал, что между покушением на Ленина 30 августа 1918 г., ярославским, рыбинским, муромским восстаниями, десантами на Белом море, чехо-словацким выступлением, похищением русского золотого фонда из Казани чехами и эс-эрами и восстанием левых эс-эров в Москве (и Муравьева под Симбирском) была тесная связь, что все эти факты направлялись одной волей, одной указкой — англо-французским капиталом.

В самом деле Савинков определенно утверждает, что левые эс-эры получили деньги от французского полковника Гренара. Лево-эсеровское восстание в Москве приурочено было к восстанию на верхней Волге — по указанию господина Нуланса. И левые эс-эры, и Муравьев, попытавшийся увести войска с Восточного фронта, и Савинков, и меньшевик Григорьев из Национального Центра, — все они творили волю господина Нуланса, волю французской биржи. Что из того, что Борис Савинков наконец повздорит теперь, что он не защищал никогда интересов имущих классов: все, кто были против нас, были объективно на стороне капиталистов, на стороне буржуазии. День 30 августа 1918 г. был попыткой завершить эту помощь убийством вождя мировой революции, убийством того, кто вдохновлял на борьбу, кто был самым дальнзорким вождем пролетарской борьбы, чья светлая мысль освещала, осмысливала каждый шаг борьбы, облег-

чала путь, отыскивая слабые места противника классового врага.

Что же стало от тех сил, что шесть лет тому назад объединились в ударе бешеной, отравленной ядом ненависти против В. И. Ленина? Они разбиты, они разоблачены. Вся моральная, духовная нищета их, все политическое их убожество перед нами встали во весь рост в эти дни процесса Бориса Савинкова. Генералы, prostituteующие родину, готовые ее продать и продающие. Полубандиты и бандиты Балаховичи, которых Пилсудские предпочитают этим генералам. Господа Массарика из II Интернационала, посылающие деньги на террористическую борьбу. Правые и левые эс-эры, социал-демократы, меньшевики, к которым их прежний сподвижник питает законное презрение, потому что они — жалкие пустозвоны, никчемные и бездарные нахлебники у буржуазной Европы и Америки, прикармливаемые на всякий случай, проедающие остатки украденного в Казани русского золотого фонда.

Да, трагедия „белая“, трагедия „зеленая“, говоря словами Б. Савинкова. Разочарование „белое“, разочарование „зеленое“. И вот один из самых непримиримых врагов Советской власти, все эти годы боровшийся с нею всеми средствами, стоит перед всем миром и говорит:

„Я признаю безоговорочно Советскую власть и никакой другой. И каждый русский, каждый человек, который любит родину свою, — я говорю ему, — я, прошедший всю эту кровавую и тяжкую борьбу с вами, — я, отрицавший вас, как никто, я говорю ему: если ты русский, если ты любишь родину, если ты любишь свой народ, то преклонись перед рабочей с крестьянской властью и признай ее безоговорочно“.

Услышат ли они?

Сегодня, в день 30 августа, рабочие и крестьяне нашего великого Советского Союза пусть услышат и этот голос. Мы не мстим, хотя никакое другое правительство в мире не оставило бы в живых Бориса Савинкова.

Пусть рабочие и крестьяне оглянутся назад, на страшный путь, пройденный нами. Пусть вспомнят о кровавой тропе, которая тянется от бывшего завода Михельсона, где

стреляли в Ленина, к Кремлю, к могиле Ленина. Пусть не забудут они, какие силы стояли тогда и стоят и теперь еще против нас. Пусть с новой уверенностью идут рабочие и крестьяне по пути, завещанному нам Лениным, организуясь, сплачиваясь под его знаменем, преодолевая величайшие трудности, все побеждая. Ибо с каждым днем дело наше, дело Ленина, дело победы труда над капиталом, дело коммунизма крепнет и растет во всем мире.

Ем. Ярославский.

Из залы суда ¹⁾.

В течение двух дней Борис Савинков искал слов, которые могли бы на суде трудящихся смягчить ужас совершенных им преступлений. В течение двух дней с утра до позднего вечера велась эта яркая по форме, отточенная, временами художественная, мучительная речь. Савинков — не только человек, кичившийся закаленностью своей воли, четкостью и прямолинейностью своих решений. Савинков, кроме всего остального, — писатель Ропшия, может быть, один из наиболее одаренных писателей русской буржуазии периода ее упадка. И вот этот прекрасный стилист, стальной человек, прославленный и своим бесстрашием, и своим словом, пытался в какой-нибудь, хотя бы самой слабенкой, форме найти мотив, дающий ему право, после всего содеянного, смотреть в лицо жизни. Он искал слова, за которое мог бы уцепиться, хотя бы как утопающий за соломинку.

И — не нашел его.

Печатаемая стенограмма показаний Савинкова интересна прежде всего с этой точки зрения: у мелко-буржуазной интеллигентской мысли, еще недавно бряцавшей отточенное фразой, еще недавно щеголявшей павлиньим хвостом красноречия, нет больше слов. Она жалка в своем ничтожестве.

* * *

Как это ни странно, но в ходе судебного процесса у Савинкова, в сущности говоря, не было противника. И не только потому, что дело его слушалось без обвинителя, что

¹⁾ „Правда“ от 30 августа 1924 г.

суд не вызвал ни одного свидетеля обвинения. Еще важнее, что сам Савинков не вел уликовой борьбы, почти не отрицал фактов. В этом отношении последний процесс представляет собой полную противоположность процесса центрального комитета социалистов-революционеров, который отнялся летом 1922 г. почти два месяца у Верховного Суда. Оба эти процесса—эс-эровский и савинковский—по содержанию представляют собой одно и то же явление распада белогвардейщины на левом ее фланге. Но, будучи сходными по содержанию, оба процесса резко отличаются друг от друга по форме—потому, что центральный комитет партии социалистов-революционеров в 1922 году еще стремился „сохранить лицо“ и пытался добиться этого путем фактической лжи, а Савинкову в 1924 году уже не пришлось думать о лице,—он вынужден был с первого момента ареста капитулировать перед фактами. Факты,—вот кто незримо присутствовал в зале суда, занимая место за столом обвинения. „Непримиримая натура“, наводившая еще недавно трепет на Керенского, ввергавшая в бешеную, бессильную злобу черновскую компанию, восхищавшая еще вчера своим демонизмом представительниц дамской половины эмиграции—Кускову и Гиппиус,—эта самая натура беспомощно и бессильно склонила свою голову перед фактом. Это признание фактов освободило Савинкова от унижительной роли Гоца и Тимофеева, от их беспомощной лжи, бездарного притворства, жалкой увертливости. В области фактов Савинков, насколько это возможно в положении человека, совершенно потерявшего себя, раздвоившегося, почти не узнающего своих поступков, оставался почти правдивым. У него хватило простого вкуса—не прятаться на суде в эс-эровские кусты. Он наметил себе гораздо более узкую, легче разрешимую задачу: придумать какое-нибудь объяснение своим поступкам.

И вот эту узкую задачу Борис Савинков при всех своих общепризнанных и раздутых талантах, не в состоянии был ни разрешить, ни поставить. И только после 2-дневного своего единоборства с фактами сам Савинков в заключительном слове почувствовал всю глубину своего морального поражения.

* * *

„Как могло это случиться, что я, Борис Савинков, друг Ивана Каляева, друг Егора Сазонова, пошел против рабочих и крестьян?“

На этот вопрос, вырвавшийся у Савинкова в заключительном слове, он с напряженной мучительностью старался найти ответ в течение всего процесса. Временами, когда этот человек, искушенный большой прожитой жизнью, пытался детскими оговорками заполнить часть этого вопроса, казалось, что он заботится даже не о том, чтобы обмануть других, а о том, чтобы, по крайней мере, обмануть и успокоить самого себя. Но и это не удавалось.

Как случилось, что Савинков с первых дней Октябрьского переворота шел рука-об-руку с монархическим офицерством, с черной сотней, что он продавал остатки своей притягательной силы бывшего террориста с публичного торга в любой консульской передней, то французам, то чехам, то англичанам, то полякам, то, наконец, бандитам совершенно неприкрашенного вида? Как могло случиться, что он стал поставщиком пупечного мяса для любого заказчика? Действительный ответ прост, и Савинков знает о существовании этого простого ответа. Знает, и потому так тщательно обходит его. Но обходы не помогают. Предоставленный самому себе, свободе своей художественной фантазии, без всякого нажима со стороны прокурора, Савинков под нажимом неумолимых фактов загоняется несколько раз на острие этого ответа и, боясь правды, отскакивает от него. Так, уже в начале своих показаний он без всякого „наводящего“ вопроса наталкивается на эту убийственную для него истину. „Прошу верить,—говорит он,— что никаких интересов имущих классов я не защищал“.

И в последнем своем слове он в тех же словах, как вор, который чувствует, что на нем горит шапка, снова клянется, что „не интересы имущих классов руководили им“. Недаром и не случайно он наталкивается на эти убийствен-

ные для него слова, потому что в них—простой, ясный, понятный без всяких вычурных фраз и „психологических глубин“, ответ на всю савинковщину, ключ ко всей его деятельности, разгадка всего его демонизма. Слуга буржуазии, исполнитель воли империалистов, приказчик европейской контр-революции, сторожевой пес собственности,—вот ответ на вопрос: „как случилось?“—ответ, понятный не только любому рабочему, но и крестьянину, на темноте которого савинковщина строила свою „любовь к родине“ и свою спекулянтскую игру на мужике.

Но соратник белого генералитета, агент парижской биржи, наемник английского империализма, шпион польского штаба, поставщик бандитской шпаны—Борис Савинков не хочет этой правды. Может ли представитель мелко-буржуазной контр-революции, какова бы ни была его личная смелость дерзнуть сознаться в этой правде? Может ли член кружка Мерезжковского отказать себе в последнем удовольствии покуражиться, поломаться, вести дьявольскую игру в прятки с самим собой? И вот начинается эта игра. Основной мотив таков: все виноваты в преступлении Савинкова, все, кроме него самого. Правда, это он делает пакости, совершает преступления, толкает на злодеяния тысячи и десятки тысяч. Но все это, видите ли, только внешние факты, грубая действительность, которым утонченная мысль интеллигент-эстета не придает серьезного значения. С точки зрения этой утонченности важны совсем не эти объективные поступки, решающие судьбу десятков и сотен тысяч, а важны чувства и настроения самого Савинкова, его переживания, его волнения и его „вера и безверие“, его „разочарования и шатания“. И об этих мистически-важных вещах говорил Савинков в течение двух дней. Суд не мешал ему,—и это хорошо. Потому что более неумолимой, неопровержимой и убийственной обвинительной речи против соглашательского словоблудства, интеллигентского ханжества, чем объяснения Савинкова, трудно себе представить.

И в этом—вторая характерная черта того человеческого документа, которая войдет в историю под названием „дело Савинкова“.

* * *

Отказавшись от прямого и честного ответа и пустившись на окольный путь психологических изысканий, Савинков находит целый ряд виновников своего падения. Из них часть—это просто плод литературной фантазии беллетриста; другая часть—это куски действительной кровавогрязной деятельности белогвардейщины. Мы приведем некоторые образцы оправдательных объяснений подсудимого. Читатель найдет и целый ряд подобных им в речах Савинкова.

* * *

„Роковой своей ошибкой“ (ниже мы увидим, что Савинков чрезвычайно деликатно обращается со своей особой и, говоря о ней, употребляет самые нежные, изысканные выражения), роковым своим „грехом“ он признает свое отрицательное отношение к большевизму в октябре 1917 г.

Савинков изображает дело так, будто именно тогда, в октябре, он потерял свое революционное целомудрие и будто все остальные его грехи определены этим падением. Чем же вызван этот роковой, решающий момент? Оказывается, тем, что, с одной стороны, большевики проявили неосторожную жестокость, а с другой—он, Савинков, проявил, правда, излишнюю, но благородную чувствительность. В октябре, видите ли, большевики расстреляли мужа сестры Савинкова, „единственного“ офицера, который в 1905 г. отказался стрелять в солдат. Какое трогательное внимание к своим чувствам и какое пренебрежительное отношение к фактам! Занятый своей особой, Савинков забывает, что и слушатель, и читатель кое-что знает о нем, Савинкове, и до расстрела добродетельного офицера, о роли Савинкова в течение всего лета 1917 года, в июньские, июльские и корниловские дни. Зачем же Савинкову понадобилось начать эру своего грехопадения с Октябрьского переворота и связать ее с большевистской жестокостью? Только затем, чтобы, во-первых, найти вымышленного виновника, на которого можно было бы взвалить часть ответственности за разбойную дея-

тельность Савинкова. А во-вторых—затем, чтобы, воспользовавшись формулой: кто сказал „а“, тот должен сказать „б“, заставить забыть суд, что при оценке деятельности Савинкова речь идет даже не о букве „б“, а о последней букве белогвардейского алфавита, так как дальше его, до сих пор еще никто не пошел.

В числе букв контр-революционного алфавита Савинкова имеется, как известно, совместная работа с белым генералитетом, со всеми золотопогонниками, начиная с Корнилова и кончая Врангелем. Кто же повинен в этой „ошибке“? Оказывается, и на этот раз не Савинков. Повинна обстановка боевой организации, при царизме оторвавшая Савинкова от жизни, повинна эмигрантщина, державшая его в младенческом политическом развитии, несмотря на то, что он претендовал на роль вожака и лидера; повинны, наконец, белые генералы, соблаздившие Савинкова своими уступками.

И Савинков повествует о своем пребывании на Дону, в конце 1917 года. И в этой повести ухитряется отыскать для себя роль скорбного, разочарованного и опечаленного наблюдателя. В ставке Алексева все его угнетает и печалит: мерзость запустения, интриги, сплетни, „о родине никто не думает“. Атаман Богаевский открыто говорит ему: „Время демократии прошло, мы рассчитываем на буржуазию и казаков“. Какой вывод должен сделать из этих слов Савинков, для которого, по его словам, „демократия, учредительное собрание—вопрос всей жизни“? Как должен отнестись к этому открытому провозглашению борьбы во имя буржуазии тот, кто никогда „не руководствовался интересами имущих классов“? Какой институткой ни изображает себя Савинков, все же слова Богаевского,—я не говорю уже о делах, о которых Савинков предпочитает умалчивать,—не могли не быть ему понятны. И что же? Нет, не понял! Некогда было Савинкову заняться такой мелочью, как оценка происходящего. „Я уезжал с Дона с глубоко стесненным сердцем, я уже тогда на минуту был отравлен мыслью о бесплодности наших попыток. Я жалею теперь, что не имел тогда времени подумать и сделать все выводы“. Вот в какие красивые одежды рядится Савинков! Он так любил родину, так был

занят неустанным трудом во имя спасения трудового народа, что ему даже некогда было подумать, как, с кем и какими средствами спасти его. С такой самоотверженностью спасал, что даже не заметил, что губит...

Любимым словесным коньком Савинкова является его любовь к крестьянству. Это она, видите ли, заставила его заблуждаться, жертвовать всем и всеми. Во имя мужика он, Савинков, готов был шествовать по колено в мужицкой крови. Но как же примирить эту беспредельную преданность интересам народовластия с деятельностью, которая от начала до конца проводилась по заданиям помещиков, генералов и банкиров? В легкой, поистине хлестаковской, фантазии Савинкова это примирение достигается очень простыми, немудреными средствами. Классическим в этом отношении является диалог, происшедший между председателем суда и подсудимым.

Председатель: В программе Союза Защиты Родины и Свободы говорится не об учредительном собрании, а о создании твердой власти?

Савинков: Да!

Председатель: Вы стояли за диктатуру?

Савинков: Да!

Председатель: За диктатуру кого?

Савинков: Это оставалось невыясненным.

И здесь в самую нужную минуту у Савинкова не хватило только одного: времени. Все было ясно в программе. С достаточной подробностью был разработан план восстания в Ярославле, Рыбинске, Костроме, Муроме. Чрезвычайно добросовестно велась слежка за тов. Лениным, тов. Троцким и готовились террористические акты. Добросовестно поддерживалась связь с французской военной миссией, с эс-эровской боевой организацией, с „персонально входившими“ в Национальный Центр меньшевиками. Всю эту большую организационную и политическую работу проделывает Савинков. Савинков—здесь, Савинков—там. Даже для писания статей в „Русских Ведомостях“ находится время у неутомимого Савинкова. А вот свободной минутки, одной свободной минутки, чтобы ответить на простой вопрос, чья готовится диктатура—мужика или помещика, у него не нашлось!

* * *

Мы надеемся вернуться еще к другой категории виновников, которые играли по отношению к Савинкову видную роль.

Таковы типы вымышленных виновников, которых поставил вместо себя на суде Савинков. Но есть, как мы говорили выше, другая категория лиц и групп, которые действительно являлись соучастниками всех преступлений Савинкова и освещены им на процессе с небывалой до сих пор ясностью. Это—те иностранные руки, которые „держали в тисках“ эс-эровского героя и направляли его по своему желанию, бросая с одного фронта на другой, из подполья в дипломатическую работу, из Мозыря в Лондон и т. д. Не год и не два Савинков исполнял приказы своих иностранных содержателей. Но только недавно, совсем недавно, он заметил, что находится в неволе. История этой неволи дает не мало поучительного материала для характеристики системы работы буржуазных правительств.

Этот материал, обильно представленный в показаниях Савинкова, придает всему процессу особо важное значение. Он заслуживает особого рассмотрения.

* * *

Но, может быть, самым характерным для Савинкова является чрезвычайно бережное отношение к своей собственной персоне. Савинков много говорил о своем героизме, о том, что он не боится смерти. Может-быть! Но несомненно одно: на суде он не решился, не осмелился сказать себе о самом себе то, что есть.

В двухдневной речи Савинкова вы не найдете ни разу слова „преступление“. Самое большее, что Савинков позволял себе, это говорить о своих „ошибках“ и о своих „заблуждениях“, при чем он не допускал и мысли, что эти ошибки сознательные. „Я подчеркиваю,—говорил он:—моя невольная вина перед русским народом; вольной вины за мной нет“. Где же был разум интеллигента Савинкова, не успевшего подумать, чья диктатура? Где была воля этого

механизированного человека, послывавшего с холодной расчётливостью ослепленных казаков и растерянных крестьян на смерть и убийство? Неужели этот разум и воля были не у Савинкова, а у тех, кого он гнал впереди себя? У тех, кого он изобразил, как быдло, в последней, уже покаянной своей книжке „Конь вороной“? Неужели думал, решал, организовывал и осуществлял не Савинков, а изображённый им солдатик Федя, который, получив приказ начальства, повел взятого в плен коммуниста Назаренко на казнь?

„Назаренко глубоко вздохнул. Он был без шапки, в короткой, белой расстегнутой на шее рубашке. Егоров толкнул его в бок.

„— Лоб-то, лоб перекрести, сукин сын!

„Я видел, как быстро - быстро задвигались пальцы и зашевелились синие губы. Я скорее почувствовал, чем услышал:

„— Господин... господин полковник...

„Но Егоров угрюмо сказал:

„— Даже помереть не умеешь, на что крестишься? Крестись на восток.

„Федя накинул веревку. Подогнулись худые колени и голова опустилась вниз. Федя спрыгнул, дернул за ноги“...

(„Конь вороной“, стр. 15).

Но пророчества Савинкова не сбылись: маленькая ошибка в расчёте. Коммунист Назаренко, не сумевший „перекреститься на восток“, не погиб. Вевка господина полковника не выдержала, веревка сорвалась. Сорвался и Федя, дернувший за ноги повешенного. Сорвался, распластался перед всеми трудящимися. И тогда стало всем ясно, что не Федя сидел на обнажённом суку виселицы, что не Федя накинул веревку, что не он за ноги дернул. Дернул, оборвался и распластался „господин... господин полковник“.

И собирательное имя этого господина полковника войдет в историю, как имя:

Бориса Савинкова!

III.

То, что было ¹⁾.

В продолжение двух дней с глубочайшим вниманием слушал зал заседаний Военной Коллегии Верховного Трибунала исповедь Бориса Савинкова, одного из вождей старой боевой дружины социалистов-революционеров и одного из главных деятелей русской контр-революции. Нельзя было его слушать без глубокого волнения. Не потому, чтобы все верили рассказу, насколько он касался внутренних переживаний Савинкова. Психология есть палка о двух концах, как говорил на суде Дмитрия Карамазова его защитник. Но пленяли в рассказе Савинкова факты; пленяла внутренняя общественная правда рассказа пленного, обанкротившегося, разочаровавшегося контр-революционера.

Мы не беремся судить о том, насколько искренен рассказ Савинкова о его любви к трудовому русскому народу. Старые романы Савинкова, являющиеся выражением его переживаний после революции 1905 года, позволяли в нем видеть не столько народного деятеля, которого сердце бьется для страдающих масс, сколько спортсмена от революции. Террорист, руководитель целого ряда грандиозных покушений, который после революции пишет романы, дающие картину разьедающего его сомнения в том, имел ли он право убивать врагов трудового народа, царских слуг, террорист, который, исповедав публично эти сомнения, остается в террористической партии и печатает свои романы в ее журнале. Это — картина интеллигентского разложения, чуждого народному движению. Борьба за освобождение народа — серьезнейшее дело. Борьба на жизнь и смерть, и не место в ее рядах

¹⁾ „Правда“ от 30 августа 1924 г.

людям, полным сомнений! И трудно верится рассказу о том, как человек, борющийся за освобождение трудовых масс, видит глазами и слышит ушами, что делают люди, к которым он связался, и, несмотря на то, идет с ними через весь кровавый путь контр-революции, дабы к концу 1923 года в новом романе, а позже перед судом русских рабочих и крестьян заявить: „Я ошибался“. Каледин и Богаевский говорят ему в упор: „Мы будем опираться не на крестьянство, а на казаков и буржуазию“. На кого опираются Колчак и Деникин—для него не представляло никакой тайны. Чьх власть хотели водворить в России Врангель, Глазенап, Балахович—он видел собственными глазами. Не имеет общественный деятель права на такие ошибки, и никакое личное мужество и никакие страдания не искупают такой вины перед народом. Но, как мы сказали, не в этом суть дела. Главный интерес исповеди Савинкова—протоколы его дознания—войдут в историю, как первоклассный документ роли русской контр-революции, как орудия, как игрушки мирового империализма.

В июле 1918 г. французский посол Нуланс и французский военный представитель Лавери приказывают Савинкову поднять восстание в Ярославле и Рыбинске, обещая одновременно союзный десант в Архангельске для создания Восточного фронта против Германии. Они снабжают его деньгами, надо признать, только двумя с половиной миллионами рублей—дешево покупается русская кровь.—Савинков поднимает восстание в Ярославле. Никакого десанта в означенное время не последовало. Тысячи жертв, сожженный город. Зачем понадобилось господину Нулансу восстание? Ведь он знал точно, предполагается ли десант или нет... Савинков отвечает на это, что, видно, по каким-то соображениям надо было Нулансу во Франции поощрять восстаниями в России. Деньги от Нуланса получают и эс-эры. Французская военная миссия инспирирует покушение на Мирбаха. Господин Нуланс был человек не фракционный. Он нанимал все фракции русской контр-революции для своего дела. Потерпев поражение, Савинков эвакуируется в царство чехо-словаков и эс-эров. С поручением эс-эровской директории, которая боится его, отправляется в Париж. Не

доехал еще—эс-эры скинуты Колчаком; он признает Колчака. Колчак признает его и назначает его своим представителем у союзников. В Версале заседает конференция союзников; решают судьбы всего мира. Красную Россию решили победить железом и огнем. Идут из Парижа, из Лондона снаряды и обмундирование для Деникина, но когда Савинков и Сазонов пытаются проникнуть на версальскую конференцию от имени белой России, их не принимают, их не слушают. Зачем? Когда Савинков посещает английского министра войны Черчила, тот, указывая на флажки, обозначающие на карте фронт Деникина, говорит ему: „Моя армия“. Вот вся разгадка. Белая Россия была их армией, армией мирового империализма, армией, ими снаряженной, армией, созданной на их деньги. И как не спрашивали негров, проливавших кровь на Западном фронте, что они думают об устройстве африканских дел, так не спрашивали и представителей белой России. Они им приказывали не только насчет военных действий. Они им приказывали, как устроить будущую Россию. „Создайте юго-восточное государство,—говорил Черчилль Савинкову,—из Закавказья и Азербейджана, выкройте особое государство, после дадим, прибавим независимую Грузию“. Почему? В Азербейджане есть нефть, из Баку идет нефтепровод в Батум. Русские негры должны это отдать под непосредственное владение союзников. И точно так же, как большие державы, относились к ним представители малых, новых держав, только что создающихся. Да еще и не создавшихся. Гуманный Массарик посылает в 1918 г. Савинкову 200.000 руб. непременно на террористическую борьбу. Господин Пилсудский, разрешив Савинкову формировать русскую белогвардейскую армию на польской территории, делает его за свои деньги обыкновенным шпионом. Не захватили Москвы при помощи савинковских солдат, так пусть хотя будет польза для второго отделения генерального штаба на шпионстве. Эррио собирается в премьер-министры. Подавай сюда Савинкова. Брал деньги от французов,—надо поговорить и узнать, не пригодится ли позже для дела. Признание и интервенция—это будет зависеть от обстоятельств. Макдональд тоже по-

сылает человека неофициально, частным путем. Всякая веревка может пригодиться для дела.

Залитая кровью русских рабочих и крестьян, запачканная, загрязненная иностранным золотом, встала русская контр-революция в лице Савинкова перед судом русских рабочих и крестьян. Везде иностранцы, иностранцы, иностранцы—повторял Савинков. Мы были их игрушкой. Как картежный игрок, потерявший все, с мутной головой смотрящий на восходящее солнце, встал этот человек, десятки раз рисковавший головой в своей жизни, встал, вызывая к себе отвращение и жалость. Отвращение и жалость даже у тех, которые поверили в полную искренность его раскаяния. Суд Верховного Трибунала имел перед собою смердящий труп русской контр-революции.

К. Радек.

Зеленое разочарование ¹⁾.

В заключительном своем слове Борис Савинков на суде заявил, что больше всего он боится остаться непонятым: „Я уже сказал, что я знаю ваш приговор и не думаю о нем. Я думаю о другом, я боюсь другого, я боюсь только одного, потому что, как я сказал, с этим тяжело жить, с этим еще тяжелее умирать. Я боюсь только того, что найдутся в России крестьяне и рабочие, которые не поймут меня, которые не поймут моей жизни и которые подумают, что я был врагом народа“.

И в другом месте он говорил: „Никогда я не защищал имущих“. Савинков не раз настаивал на том, что он думал только о крестьянских интересах, что будто бы с самого начала своего участия в борьбе против большевиков Савинков думал только об одном: о торжестве учредительного собрания, которое было бы, по его мнению, торжеством крестьянской демократии, и будто бы он только для этого стремился уничтожить власть советов. Мы должны позаботиться о том, чтобы рабочие и крестьяне правильно поняли жизнь и дело Савинкова, чтобы у них не оставалось ни малейших заблуждений относительно того, за что, за кого боролся Савинков.

Мы не говорим здесь о дореволюционном периоде деятельности Бориса Савинкова. Стоит прочесть книги, которые он написал в период упадка первой революции, такие книги, как „Конь бледный“, где вся революционная террористическая деятельность объясняется вовсе не интересами народа, не интересами крестьянства, а исключительно благородными чувствами, которые сам же Савинков-Ропшин выражает так:

¹⁾ „Правда“ от 2 сентября 1924 г.

Если вопль в твоей рубашке
Крикает тебе, что ты блоха,
Выйди на улицу
И убей.

Люди, которых Савинков тогда посылал на смерть, думают по другому, идут из других побуждений. Савинков-Ропшин же говорит: „Я так хочу и так делаю“, „на что мне чужое мнение“. А теперь, когда позади столько искалеченных жизней, столько преступлений, такая чудовищная сеть измены народным интересам, Савинков приходит на суд рабоче-крестьянской власти и говорит: я—крестьянский демократ и больше всего боюсь того, чтобы кто-нибудь обо мне не подумал иначе.

Но вот перед нами империалистическая война, кровавая бойня, затеянная капиталистами. Савинков объясняет, что он в это время был за границей, во Франции, и был проникнут французской точкой зрения. Какой французской,—тех ли французских рабочих и крестьян, которые братались с немецкими солдатами в окопах, или генерала Фоша, господина Пуанкаре и других французских господ, которые расстреливали этих солдат? Савинков целиком был на стороне имущих классов, которые заинтересованы в этой войне.

В России вспыхивает февральская революция. Савинков помогает временному правительству в укреплении воинственных настроений, Савинков уговаривает на фронтах солдат наступать до победного конца, Савинков—за беспощадное подавление петроградских рабочих, которые не хотят мириться с наступлением и самой войною, Савинков считает Корнилова самым подходящим человеком для того, чтобы продолжать дело той „демократии“, которой служит и он, Савинков.

Савинков уверяет нас, что всегда был крестьянским демократом. После свержения временного правительства, после создания власти советов он едет на Дон помогать генералам: Алексееву, Каледину, Деникину. Он мог бы уже тогда понять, что он защищает дело вовсе не крестьянское, а дело буржуазии. „Я сразу же по приезде,—рассказывает он,—беседовал с покойным Митрофаном Богаевским, я пы-

тался доказать ему, я об этом очень много и упорно говорил и это было целью моей поездки на Дон. Говорил с Калединым, Красновым, Алексеевым и всеми членами Донского гражданского совета, что совершенно невозможно бороться против вас, не опираясь на крестьянство, что настоящая Россия, в огромной степени,—это крестьянство, и что надо бороться с вами, защищая интересы крестьянства, для крестьянства и во имя крестьянства, иначе борьба должна окончиться неудачей. Богаевский мне на это ответил и меня это поразило: „Нет, время демократии прошло, мы рассчитываем на буржуазию и казаков“.

Так вот, рабочие и крестьяне неизбежно поставят вопрос: наверное, крестьянский демократ Савинков, как только услышал это от Богаевского, отказался участвовать вместе с генералами в этой борьбе против Советской власти! Нет, не отказался, участвовал, приехал в Москву и стал помогать им, стал собирать людей для организации восстания. Каких же людей стал он собирать—преданных крестьянскому делу, из рабочей и крестьянской среды? Ничего подобного, опять та же офицерщина белогвардейская, полковник Перхуров, генерал Рычков, отъявленные монархисты, отъявленные старорежимники. Да, конечно, они были за учредительное собрание. Но Савинков знал, что Перхуров через учредительное собрание хочет добиться восстановления власти помещиков. Когда был разгромлен и залит кровью Ярославль, может быть в это время Савинков подумал о том, что он ведет войну против русского народа? Нет, он поехал в Казань помогать чехам, ибо так хотели французы. Французским капиталистам нужно было восстание в Ярославле,—крестьянский демократ Савинков им помогает. Понадобились его руки в Казани,—и он в Казани. На Дону „тайное: боже, царя храни“, а в Казани разве другое?

После Казани—Колчак. Уж не он ли был крестьянским демократом? Не Колчак ли, кровью заливший крестьянские поля Сибири? А Савинков в Париже—доверенный Колчака! Подумаешь, какой крестьянский демократ!

Потом польский генеральный штаб, помощь полякам и помощь Врангелю, и опять и опять соратники Савинкова—

генерал Перемыкин и Булак-Балахович. Уже в это время Савинков мечтает о чисто-зеленом движении, т.-е. о том, чтобы поднять чисто-крестьянские восстания. Об этих сподвижниках своих в этом деле сам Савинков повествует: „Я удалил генерала Глазенапа, но на его место был назначен генерал Бобошко, такой же золотопогонник, как Глазенап. Я удалил генерала Бобошко, и на его место стал генерал Перемыкин—тоже золотопогонник, как и оба первые. Не было никакого выбора: или—золотопогонные генералы, или—просто бандиты. Я вызвал тогда Пилсудского, и Пилсудский поставил мне такой вопрос: почему вы не имеете дела с Балаховичем? Я ему сказал то, что я думал про Балаховича, т.-е. что Балахович—бандит. Помню, он рассмеялся и сказал: „Да, бандит, но не только бандит, а человек, который сегодня—русский, завтра—поляк, после завтра—белорусс, а еще через день—негр“.

Всякий крестьянин и рабочий подумает: наверное после этого Савинков плюнул на Пилсудского, на всех этих бандитов и полубандитов и отказался от такого подлого дела! Нет, Савинков признается в другом: „Я познакомился, — говорит он, — с Балаховичем и вынужден был его назначить“. А чем был поход Балаховича—с грабежами, с поркою крестьян, с погромами, с зверствами, неслыханными пытками, вплоть до сжигания на кострах, об этом лучше знают сами крестьяне. Напрасно Савинков сейчас говорит: „Как мог я допустить, что эти люди в значительной мере просто сделаются полубандитами, а иногда и бандитами, я этого предвидеть не мог, многое делалось не так, как я хотел, а как раз наоборот“. Вот именно так, делалось как раз наоборот,—и именно так, как хотел этого англо-французский капитал.

И крестьяне, и рабочие поймут теперь яснее, что и белое и зеленое движения—только разные способы вернуть к власти генералов, помещиков. Лучшее всего это доказал сам „крестьянский демократ“ Борис Савинков. Сейчас Борис Савинков дело изображает так, как будто бы он пошел в этот балаховский поход со стесненным сердцем. А зачем же шел?—может спросить всякий рабочий-крестьянин. „Я помню,—вспоминает он,—как я вошел в белорусскую деревню, где-то

во мху, в лесу. Ко мне подошли крестьяне; я помню задал такой вопрос: „Врангеля вы знаете?“. Имейте в виду, что я в того Врангеля верил, во Врангеля вся эмиграция верила (т-е. живущие за границей помещики и генералы), иностранцы верили (вот видите, даже иностранцы верили. *Е. Я.*). Я помню, стоял там седой старик, посмотрел и говорит: „Как же, Врангеля знаю“.—„Что же вы думаете о нем?“ Он махнул рукой: „Пав“. И тогда для меня совершенно и безусловно стало ясно, что Врангеля нет“.

Ушел ли после этого Савинков от белогвардейщины? Нет, не ушел. Нет, он после этого пишет открытое письмо генералу Врангелю, в котором превозносит его. „Мы, русские патриоты, без различия партии,—пишет он,—монархисты, республиканцы и социалисты (как видите, все у них спутались. *Е. Я.*) видим в вас носителя русского национального флага, мы желаем вам и вашей доблестной армии полного успеха в святом деле освобождения родины от большевиков“.

* * *

Все это в прошлом. Сейчас перед нами проходят все эти дела Савинкова, дела многих савинковых, которые прикрывали свою борьбу то пышными словами родины и свободы, то учредительным собранием, то защитой крестьянских интересов, то, в самое последнее время, Советской властью без большевиков. Рабочие, крестьяне должны знать, что всякое зеленое движение, т-е. всякая попытка направить крестьян против рабочих, разделить крестьян и рабочих, есть не что иное, как попытка предать и рабочих и крестьян в руки помещиков.

В вышедшем недавно журнале „Жизнь“ бывший социалист-революционер Иван Вольнов рассказывает, что он пережил под Самарой:

„Снилось ли мне,—спрашивает он,—16 лет назад, за тюремной решеткой, что я увижу русскую мастеровщину и русских мужиков, свободно, под музыку расхаживающих по большому губернскому городу, с красными знаменами в руках, и во всю глотку горлающих сердитые песни, которые мы, бывало, передавали друг другу на 'ухо,—снилось ли?“

Идут чумазые, потные, распоясанные, прозревшие кричат неистово: „Это есть наш последний, решительный бой“. Со всеми, на всех—смерть или победа!

„Снилось ли, что они будут идти по зубу вооруженными, что у них будут пушки, гранаты, аэропланы, танки, железные дороги, радио, телефоны и броневики, деньги, дредноуты, подводные лодки,—снилось ли?

„Не снилось. Иначе ужас прошлого не казался бы таким тяжелым.

„И снилось ли, могло ли сниться, что в эти великие, страшные дни я, жизнь и душу отдавший народу, пойду вместе с попами, царскими офицерами, помещиками, казаками, палачами первой русской революции, вместе с деревенскими лавочниками, урядниками, и пойду усмирять освободившихся из ярма братьев своих, этих чумазых, этот „обнаглевший негосударственный сброд“—снилось ли?

„Не снилось. Не могло сниться. Не должно сниться. Это—безумие или кошмар, или подлость. Не снилось.

„Попам—буржуям—черная доля.

„А мне—пуля в спину, как казнят итальянцы самых подлых, самых презренных изменников отечества“.

Этот вопрос задает и Савинков: „Как произошло,—спрашивает он,—то, что я, Борис Савинков, друг и товарищ Ивана Каляева и Егора Сазопова, сподвижник их, человек, который участвовал во множестве и множестве покушений при царе,—как случилось, что я сижу здесь, на скамье подсудимых, и вы, представители русского народа, именем его, именем рабочих и крестьян судите меня? За что?—За мою вину перед крестьянами и рабочими“.

Мы можем ответить Борису Савинкову. Это случилось потому и оттого, что никогда Борис Савинков не понимал, в чем заключаются интересы рабочих и крестьян. Что всегда Борис Савинков боролся за установление буржуазно-демократического порядка. Самая эксплуататорская республика, вроде французской, казалась ему до самого последнего дня идеалом. Уже будучи арестованным, он писал, что у него остались только идейные разногласия: диктатура пролетариата или свобода. Это у нас—диктатура пролетариата, а в других странах, видите ли,—свобода. То, что

случилось, случилось оттого, что Савинков защищал интересы имущих классов, и напрасно он сейчас старается представить дело так, что основа его движения была—крестьянская демократия. Крестьяне и рабочие на опыте савинковского дела поймут, куда заводят такие крестьянские демократы, как Борис Савинков. Если бы крестьяне и рабочие хотя бы на время доверились таким крестьянским демократам, они бы очень скоро почувствовали тиски, на которые жалуется теперь Борис Савинков,—тиски иностранного капитала.

Борис Савинков боялся, что рабочие и крестьяне его не поймут. Мы считаем себя обязанными сделать все, что в силах, чтобы рабочие и крестьяне все до единого поняли, кака́я цена его разговорам о свободе, о защите крестьянских интересов, о крестьянской демократии.

Вот почему мы думаем, что было бы лучше, если бы Борис Савинков, вспоминая о своих делах недавно минувших дней, оставил в покое Ивана Каляева и Егора Сазонова и постарался бы понять, что его „зеленое разочарование“ оттого, что он с самого начала защищал негодное дело, вредное интересам рабочих и крестьян.

Ем. Ярославский.

Ключ к белогвардейскому шифру ¹⁾.

Борис Савинков не один сидел на скамье подсудимых. За ним потянулись все разнообразные, многоцветные участники буржуазной контр-революции. И так как Савинков прошел через все пути этой контр-революции, начиная со столбовой дороги дипломатии и кончая перелесками и тропинками бандитизма, то галерея типов, всплывших в его процессе, отличается неслыханным богатством. Но Савинков не просто пил из всех стаканов контр-революции. Благодаря исключительным организаторским способностям и технической подготовке, а также, — чего отрицать нельзя, — и личной неустранимости, он либо возглавлял, либо поддерживал непосредственную связь с теми, кто шел во главе всех выступлений против Октябрьской революции с первого дня ее победы. Вот почему Савинков, заговоривший о том, что ему известно, представляет собой самую тяжкую улику для целого ряда партий и правительств. Вот почему все бывшие друзья, соратники и конкуренты Савинкова многое дали бы за то, чтобы уничтожить его раньше, чем он успел, рассказывая о себе, перелистать все страницы черной книги международного шпионажа, соглашательского предательства, ханжеского коварства наших открытых противников и тайных врагов. Вот почему, наконец, сообщение о деле Савинкова вызвало в эмигрантском лагере прежде всего дикую растерянность.

Варшавская газета „За свободу“, — одно из гнезд савинковщины, — призывает не верить в правдивость сообщений „Роста“ о ходе процесса и торжественно заявляет, что она продолжает выходить „при ближайшем участии Савинкова“.

Через день, через два, когда пройдет состояние первого

¹⁾ „Правда“ от 31 августа 1924 г.

обалдения, эта газета польской контр-разведки столь же торжественно попытается отречься от имени того, кто вбил осиновый кол в могилу эмигранткины. Но напрасны и жалки будут эти попытки. Дело Савинкова „припечатало“ раз навсегда не только те организации и группы, которые поддерживали с ним связь в открытой форме, но и те правительства и партии, которые с дальновидной расчетливостью опытных мошенников заранее были озабочены тем, чтобы стереть и уничтожить все следы своих злодеяний.

Эта предусмотрительность международных мошенников, наиболее искушенных руководителей буржуазного мира, красной нитью проходит через все сношения с Савинковым. Неперпенливый французский посол Нуланс, щедрый президент чехо-словацкой республики Массарик, меньшевики и эс-эры „персонально сидевшие“ в Национальном Центре, Ллойд-Джордж, принимавший Савинкова в своей семье накануне Генуи, японский посол Комура, передававший Савинкову предложение перенести свою деятельность на Дальний Восток, французское правительство, приказавшее Савинкову подчинить свои войска Врангелю, Пилсудский, бросивший после заключения перемирия объединенную банду Перемыкина, Балаховича и Петлюры на советскую территорию, европейские контр-разведки, субсидировавшие террористические планы савинковцев, наконец, осторожные Макдональд и Эррио, встреча с которыми была предложена Савинкову уже в самые последние дни через „частных лиц“,—все эти дальновидные политики позаботилась основательно о том, чтобы не оставить уличающих документов. Но на всякую старуху бывает проруха. Заговорщики, провокаторы и интриганы проморгали, что, кроме документов, посредников, передатчиков и т. д., существует еще самый опасный для них документ—в лице самого Савинкова. Даже не проморгали, а просто не могли даже подумать, что этот злейший и непримиримейший враг Советской власти может когда-нибудь стать документом, перед которым самая утонченная дипломатическая изворотливость бессильна.

Убийственность показаний Савинкова для международной контр-революции заключается даже не в том, что он сообщил какие-либо факты о заговорах, подкупах, провокации и ин-

тригах, которые не были разоблачены раньше. Многие, если не все, из этих фактов в отдельности уже доказаны и настолько, что не вызывают сомнений. Кто не знал, что агенты союзных миссий финансировали террористическую борьбу контр-революционных партий, что белогвардейские выступления в Рыбинске, Ярославле и Муроме, выступление чехословаков и т. д. и т. д. были предписаны парижской биржей, что Париж и Лондон, покупая эс-эровских болтунов, стремились загримировать под общественность генеральскую контр-революцию, что ханжи и святоши добивались в своих переговорах с нами признания „прав личности“ с целью создать условия, благоприятные для контр-революции и т. д. и т. п.? Но Савинков, который прошел огонь, воду и медные трубы, прошел своей контр-революционной работой через всю разветвленную систему подкопных ходов, рассказывая о своей жизни, в то же время не мог не показать всю эту систему борьбы капиталистов с первым в мире союзом трудящихся, не мог не показать все пружины и механизмы этой системы, ее методы и приемы.

Процесс Савинкова с осязательной убедительностью показал непосредственную, жизненную связь между Балаховичем и Ллойд-Джорджем, между Петлюрой и Макдональдом. Он дал основной ключ к расшифровке международной белогвардейской работы.

Этот ключ должен стать известным трудящимся всех стран. Он поможет всем, даже тем, кто до сих пор не вырвался из власти соглашательского обмана, читать великую книгу нашей революционной борьбы с целым миром отъявленных хищников.

П. Ш.

Уроки процесса Савинкова ¹⁾.

Мое присутствие на процессе Бориса Савинкова и его рассказы о борьбе с Советской властью, начиная с 1917 г., — это самое яркое переживание моей жизни. История борьбы Савинкова за этот период имеет огромное поучительное значение для рабочих капиталистических стран. Но особенно поучительно будет для английских рабочих читать о совместных интригах эс-эров с Ллойд-Джорджем, Черчилем и лордом Биркенхедом. Эта интересная страница истории поможет уяснить причину той загаженной ненависти, которую Ллойд-Джордж проявил в парламенте, когда он узнал о подписании англо-советского генерального договора. История о переговорах Савинкова с Ллойд-Джорджем и Черчилем будет холодным душем для тех лидеров английской Рабочей партии, которые на конференции в Эдинбурге в 1922 году пели гимны эс-эрам и их „преданности интересам рабочего класса“. Интересно, что они подумают, когда будут читать рассказ Савинкова о том, как Ллойд-Джордж и Черчилль снабжали аммуницией Деникина. Быть может, они оценят рассказ Савинкова о том, что в кабинете Черчиля висела карта, на которой флажками обозначено было расположение Красной армии, с одной стороны, и контрреволюционных сил, с другой; может быть, им понравится то, что Черчилль отзывался с восторгом об армии Деникина, называя ее „своей армией“. Креми, Броунли и Джек Джонс, наверное, с интересом узнают, что в то время, как эс-эры совещались с лидерами Рабочей партии в Лондоне насчет воззвания к рабочему классу в пользу благородных эс-эров и их друзей, эти же самые люди имели интересные беседы с Черчилем, Ллойд-Джорджем и Биркенхедом.

¹⁾ „Правда“ от 30 августа 1924 г.

Другим холодным душем для лидеров Рабочей партии будет интересный рассказ о том, как Савинков получал деньги от президента Массарика для кампании террора, который был непосредственно направлен против Ленина и Троцкого, от того самого Массарика, который при посещении Англии был провозглашен нашими „рабочими вождями“, как благородный президент и великий философ Европы. Для них, вероятно, будет сюрпризом, что заем Массарику, о чем они столь заботились, должен был частью пойти на организацию террора против Советской России, против российской революции и для убийства Ленина и Троцкого.

Сегодня шестая годовщина покушения на Ленина, и судьба, поистине, избрала исключительный момент для раскаяния Савинкова. Ничто не дает такое представление о тех силах, с которыми пришлось бороться российскому пролетариату, как отчет этого процесса. Этот процесс будет последним гвоздем в гробу эс-эровщины всяких формаций. Ведь вся эта история длинной цепи предательств должна зажечь гнев и ненависть в сердцах рабочих всех стран. Не нужно лучшей похвалы для творческой силы российской революции, для решительности и целеустремленности российского пролетариата, для мудрости и талантливого руководства Российской Коммунистической Партии и самоотверженности ее руководителей, как исповедь Савинкова. Нужна ли лучшая похвала, когда такой, как Борис Савинков, после всей его карьеры, заявляет, что он, наконец, понял, что все трудовое население Советской России,—рабочие, крестьяне и красноармейцы,—стоят за коммунистической партией.

Для нас процесс Савинкова имеет свои уроки. Он еще раз указывает на решительную необходимость неустанной борьбы против эс-эров и меньшевников различных оттенков. Борьба с этими презренными типами не легка, они втираются с своей слащавой лицемерной фразеологией, и в моменты слабости, в моменты ослабления бдительности революционного авангарда, они наносят удар кинжалом в спину революции. Они не останавливаются ни перед какими интригами, ни перед какими предательствами, они не брезгают день-

гами, откуда бы они ни исходили, лишь бы они могли пойти на дело борьбы с революцией и уничтожения ее вождей.

Процесс учит нас, что ни на одну минуту наше внимание не должно быть отвлечено от борьбы с этими предателями. Мы должны неустанно с все возрастающей энергией разоблачать все их интриги и помыслы. И вспоминая, что шесть лет назад, в результате гнусных заговоров этих предателей, пуля пронзила грудь тов. Ленина, мы должны удесятерить нашу энергию, чтоб добиться торжества революции во всем мире, которая спасет пролетариат не только от буржуазии, но и от этих предателей. Процесс Савинкова еще раз подтверждает, как необходима для торжества революции решимость российского пролетариата не ослаблять диктатуру, пока не будет сокрушен мировой капитализм. Успехи, достигнутые российскими рабочими из года в год, укрепление революции, несмотря на интриги, подрывную работу и убийства со стороны эс-эров и их компании, вскрывают всю неисчерпаемую силу революции, революционный закал российских трудящихся масс, умелость и прозорливость руководства Российской Коммунистической Партии.

Сегодня, в день 6-й годовщины покушения на тов. Ленина, в день процесса Савинкова, мы преклоняемся перед памятью великого вождя и бросаем вызов всем социал-предателям:

Да здравствует мировая революция!

Член ЦК английской компартии *А. Мак-Манус*.

Политическое значение показаний Савинкова ¹⁾.

Показания Савинкова имеют, несомненно, большую политическую цену.

Конечно, для нас, для коммунистов, в его показаниях не содержится ничего нового. Они лишь лишний раз подтверждают то, что мы говорили. Объективная контр-революционная роль всех, кто выступал и выступает против рабоче-крестьянской власти Советской России, какими бы флагами и фразами эти выступления ни прикрывались, — меньшевистскими, эс-эровскими или лево-эс-эровскими. Полная зависимость контр-революционных сил от правительств капиталистических держав, которые руководили ими, содержали их и требовали за деньги определенных услуг, начиная от контр-революционных вооруженных выступлений и кончая шпионажем в пользу французского, английского, польского, чехо-словацкого и других военных штабов. И в этой своей деятельности они, по словам Савинкова, были все однородны: все блохи, все черненькие и все прыгали и прыгают на задних лапках перед заправилami мирового империализма!

Повторяю, все это мы знали, об этом говорили и на это раскрывали глаза рабочих и крестьянских масс. Правда, лишнее подтверждение, лишняя проверка правильности нашей позиции всегда полезна. И в этом отношении полезную роль играют и показания Савинкова, но нового для нас они ничего не дают.

Ничего нового не дают они и для господ Ллойд-Джоржей, Черчиллей, Пилсудских, Эррио, Макдональдов, Гомперсов и К°. Ведь, Савинков лишь рассказал про их дела, рассказал про ихние махинации, рассказал про то, что было им прекрасно известно: как они давали деньги,

¹⁾ „Правда“ от 2 сентября 1924 г.

чтобы убить Ленина и Троцкого (Массарик); как они организовывали контр-революционные силы для восстаний: в Ярославле, Муроме, Рыбинске, на юге, на востоке, на западе и севере Советской России; как они подкупали и подкупают эмигрантов для организации шпионажа; как они и сейчас их содержат и используют в целях нанесения максимального вреда СССР. Но разве в этом есть что-либо нового для этих господ? Конечно, нет. Им-то все это так же хорошо известно, как и Савинкову. Так что и для них показания Савинкова нового ничего не дали.

Но для кого новы и ценны показания Савинкова, это для тех, кого дурачат и обманывают эти господа.

Для той части рабочих, которые идут еще за Вторым Интернационалом, которых дурачат господа Каутские, Гильфердинги, Массарики, Гомперсы, Макдональды и К^о, — эти заграничные эс-эры и меньшевики, — показания Савинкова вскрывают закулисную контр-революционную деятельность их, направленную против борьбы рабочего класса и на поддержку разбойничьей политики империалистических держав.

Для той части крестьянских масс, которых водят за нос эти господа, которых используют как пушечное мясо люди, говорящие громкие фразы о демократии, — Керенские, Черновы, Даны и Савинковы всех стран. Для этой части крестьян будут полезны и ценны показания Савинкова.

Наконец, для той части интеллигенции, которая не умеет разглядеть объективную действительность, которая за фразами не умеет учитывать практику, которая оторвана от рабочих и крестьянских масс, и благодаря этому объективно, независимо от субъективных моментов, начинает на деле играть контр-революционную роль, роль самых униженных помощников капиталистов, — для нее поучительны будут показания Савинкова.

Вот с этой стороны процесс Савинкова, показания Савинкова крайне ценны в политическом отношении. И когда Савинков теперь заявляет, что он понимает, что в настоящей борьбе новый мир, который представляет коммунизм, идет против старого мира, то под этим старым миром он понимает „не только генералов, но и себя, и эс-эров, и всех,

кто не с вами“, потому что так или иначе „все, кто не с вами, связаны со старым миром в той или иной форме“. И когда Савинков заявляет, что „французы мне посоветовали выбрать такой план: захватить Ярославль, Рыбинск и Кострому, но я колебался... Но мне была прислана телеграмма Нулансом из Вологды через Гренара. В этой телеграмме категорически подтверждалось, что десант высадится между 5 и 10 или 3 и 8 июля, точно не помню, и категорически выражалась просьба начать восстание на верхней Волге именно в эти дни. Вот эта телеграмма заставила меня выступить в Ярославле или Рыбинске... Поэтому французы, зная, что левые эс-эры будут выступать в Москве, наши силы перебросили сознательно на верхнюю Волгу, стараясь приурочить время нашего выступления к восстанию левых эс-эров“. Раскрывая, каким образом французское правительство руководило эс-эровскими организациями в гражданской войне в 1918 году, Савинков одними этими фактами проливает необычайно яркий свет на всю тактику мелко-буржуазных партий, подчиняющихся указке капиталистических правителей. А таких фактов в дни своего процесса Савинков привел множество. И в этом отношении он дал убийственную характеристику как вождям, так и мелко-буржуазным организациям.

Процесс Бориса Савинкова показателен еще и с другой стороны. Время работает на нас. Факты жизни перемололи такую натуру, как Борис Савинков. Ведь, он, несомненно, являлся одним из крупнейших среди наших врагов, и он разбит, он выступил теперь сам свидетелем против тех сил, которые ведут борьбу с коммунистами, которые борются против диктатуры пролетариата, он выступил свидетелем и дал фактические данные против контр-революции мирового империализма и его помощников тайных и явных.

Бориса Савинкова суд рабочих и крестьян мог помиловать, но контр-революцию мы будем уничтожать до основания.

В. Милютин.

Савинков и его друзья ¹⁾.

Когда Военная Коллегия Верховного Суда в продолжение двух дней, эпизод за эпизодом, год за годом, разбирала те преступления, которые совершил перед Советской властью Борис Савинков лично, или которые совершались под его непосредственным руководством, мне невольно вспоминались другие лица, другие деятели... Помню процесс генерала Перхурова. Летом 1922 г., в четвертую годовщину Ярославского восстания, привезли в Ярославль Перхурова, бывшего в 1918 году начальником штаба так называемого „Союза Защиты Родины и Свободы“ и ближайшим помощником Бориса Савинкова. Привезли для того, чтобы судить его публично, на месте совершения им своих преступлений. Когда Перхурова вели по городу, мимо разрушенных во время восстания домов, собралась большая толпа, узнавшая виновника разрушения почти одной трети города, и стала бросать в него камнями, издавая при этом возгласы: „Нечего с ним церемониться, убить его, как собаку, под забором“ и т. д. И только присутствие духа коменданта, который крикнул толпе: „Граждане, успокойтесь! Всему будет свое время“,—спасло тогда генерала Перхурова от самосуда.

Дело его слушалось в самом большом помещении города при громадном стечении народа. На суде Перхуров, не отрицая своей вины, указывал, что он действовал по прямому распоряжению Бориса Савинкова, что план восстания был выработан совместно с ним и, следовательно, ответственность за разрушение и пролитую кровь в Ярославле должны нести оба. Когда Перхуров был приговорен к расстрелу и приговор был приведен в исполнение, то можно определенно сказать, что известие это было встречено с глубокой радостью

¹⁾ „Правда“ от 3 сентября 1924 г.

не только рабочими города Ярославля, но всеми обывателями и даже „бывшими людьми“, которые тоже не мало потеряли от авантюры Перхурова и Савинкова.

В 1923 году перед военной коллегией предстал явный монархист, белогвардейский подполковник Свежевский. Он был тоже членом „Союза Защиты Родины и Свободы“, тоже „идейный“ сторонник Бориса Савинкова. Он еще в 1921 г. явился лично в Варшаву к Борису Савинкову и сделал предложение отправиться в Москву и убить Ленина. Борис Савинков совместно с казачьим полковником Глизирыбовым (впоследствии расстрелян) разработали план совершения террористического акта над Лениным, и, снабдив Свежевского деньгами и подложными документами, послали его в Москву. И не вина Бориса Савинкова, что Свежевскому не удалось совершить того, чего он хотел.. На суде Свежевский вы-явил себя, как человек, не только совершенно далекий от каких бы то ни было социалистических или демократических партий и группировок, но и показал себя убежденным сторонником монархии. И он был тоже членом то о же „Союза Защиты Родины и Свободы“!

В июне 1924 г. нам пришлось в Ленинграде разбирать дело „43 савинковцев“. Тут перед нами прошли и „идейные“ поручики, вроде Свежевского, и монархисты из гвардейских полков, и явные уголовные бандиты и убийцы, профессионалы-конокрады, и всюду и везде польские шпионы. Хочется вспомнить несколько характерных эпизодов из этого дела. В местечке Пуховичи, в Западном крае, было арестовано бандой полковника Павлова, „тоже савинковца“, 11 евреев заложников. За освобождение их потребовали „контрибуцию“ „Контрибуция“ была собрана, а —11 заложников были залоты участником банды поручиком Войнюнским (впоследствии пойманным и понесшим достойное наказание).

На вопрос суда, для чего же закололи заложников, если за них была внесена контрибуция, один из участников этого похода, несколько не смущаясь, ответил: „Так они, ведь, были жиды“. В том же районе тот же отряд поймал одного старика-пастуха, которого заподозрили в том, что он может донести в местный отдел ГПУ о появлении банд. Его привели в расположение смоляного завода, посадили в котел

со смолой и, разведя костер, сожгли живьем. Этот эпизод был подтвержден на суде признанием участников этого похода. В 1922 г., во время действий отряда полковника С. Э. Павловского в Псковской губернии и смежной Новгородской, был пойман один коммунист по фамилии Сиплин, и только за то, что он коммунист и у него был найден партийный билет, у него, еще живого, вырвали на груди звезду, а затем закололи штыками. Участники этого убийства признались в нем на суде. В том же районе отрядом того же полковника Павловского был задержан еще один коммунист, и так как он не хотел сознаться в том, что он, якобы, состоит секретным сотрудником ГПУ, то его привязали ногами к подводе, а лошадь погнали вскачь, и волокли привязанного, голова которого ударялась по мостовой до тех пор, пока он не умер. В тот же период времени тот же полковник Павловский послал двух своих людей убить одного крестьянина, которого подозревали в том, что он коммунист. Оба посланные, придя в избу к крестьянину, попросили накормить их обедом, угостить их самогоном, а после этого вывели хозяина на двор и там повесили. Во время налета между Витебском и Полоцком на поезд, при чем паровоз и два вагона были спущены под откос, пятнадцать пассажиров, у которых обнаружили членские билеты РКП, были отведены в сторону и застрелены, а у остальных пассажиров отобрали одежду, сапоги и все вещи. Все это производилось под непосредственным руководством того же полковника Павловского, который был одним из ближайших помощников Бориса Савинкова. На мой вопрос подсудимым, занимались ли они еще чем-нибудь во время своих походов, они ответили: „Да, занимались агитацией против власти насильников-большевиков и даже распространяли прокламации от народного „Союза Защиты Родины и Свободы“. Интересная деталь: в Варшаве они получили 18 пудов прокламаций, а распространили только 3 пуда, а остальные 15 пошли на растопку, цыгарки и т. д., и т. п.. „Так как,—заявил один из подсудимых,—прокламации и агитация—это ерунда, ибо в Варшаве и Вильне нам давали более важные задания—разгромить не менее двух исполкомов волостных и не менее двух кооперативов, а также узнать точно расположение местных воинских

частей, и только за это платят хорошо—как в „Союзе Защиты Родины и Свободы“, так и в польской разведке“. Все эти эпизоды взяты мною случайно, на память, а ведь подобных процессов во всем Союзе ССР было не два и не три, а несколько десятков, и почти во всех процессах фигурировали подобные же „деятели“, и фиксировались в приговорах трибуналов подобные же налеты, зверства и убийства—все под флагом народного „Союза Защиты Родины и Свободы“. И во всех этих процессах все нити вели к руководителю Союза—Борису Савинкову, иногда прямо, а иногда через органы II отдела польского генерального штаба.

И невольно, когда мы судили Бориса Савинкова, все эти люди, все эти эпизоды нами вспоминались. Тем более может показаться странным, особенно для тех, кто не читал подробную стенограмму и не присутствовал на процессе, почему же его, Бориса Савинкова, помиловали; почему ему заменили расстрел десятью годами?

Но дело в том, что Савинков, несомненно, начиная с 1923 года, стал постепенно отходить в сторону от активного руководства контр-революционной деятельностью, от руководства вооруженной активной борьбой с Советской властью. Для суда было несомненно ясно, что Борис Савинков, все предприятия которого, направленные против Советской власти, постоянно и систематически, в продолжение шести лет разбивались и кончались неудачей, благодаря деятельности органов ВЧК и ГПУ, а главное, благодаря полному несочувствию и даже враждебному отношению тех слоев населения, на которые пытался опираться Борис Савинков,—для суда было ясно, как из данных судебного следствия, так и из ряда статей самого Савинкова, что он еще 2 года тому назад окончательно разочаровался в возможности свержения Советской власти путем иностранного вмешательства или даже путем вторжения на советскую территорию белых армий, хотя бы под русским командованием. Савинков делает ставку на „зеленых“... на стихийные восстания и т. д. После провала в 1922 г. и в начале 1923 г. большинства местных организаций „Союза Защиты Родины и Свободы“ и вследствие полной неудачи, постигшей все попытки поднять крестьянское население наших западных пограничных гу-

берний на вооруженную борьбу против Советской власти, Савинков несомненно убедился в бесполезности подобных методов борьбы. Он делает еще попытку обратиться к старому средству—к террору против отдельных руководителей рабоче-крестьянского правительства, но и эта попытка потерпела полный крах из-за нежелания его друзей жертвовать своей „драгоценной“ жизнью. И когда Савинков заявил на суде, что он разочаровался в этой борьбе, в этом пункте своих объяснений он был несомненно искренен. Косвенное доказательство этому можно найти в последнем его романе „Конь вороной“, написанном в 1923 году в Париже. Весь этот роман проникнут крайним пессимизмом и полным неверием в успех борьбы. Поскольку Савинков признал полную бесполезность и никчемность борьбы, он, естественно, должен был прийти к выводу о необходимости признания Советской власти. Конечно, вопрос остается открытым—решил ли это сделать Савинков год назад, как он сам заявил на суде, находясь еще в Париже, или решил это только теперь, после своего ареста. Безусловно, в этом вопросе искренность Савинкова находится под очень большими сомнениями. Но нам важен факт: Борис Савинков, один из самых непримиримых и активнейших наших врагов, открыто заявил, что вся его борьба была ошибкой и заблуждением, от дальнейшей борьбы он отказывается, признает, что Советская власть является истинной выразительницей нужд и интересов рабочих и крестьян России, и не только признал сам, но и призывал всех неверующих последовать его примеру. Одним этим заявлением он сразу выбил себя из лагеря контр-революции, навсегда и безусловно потерял всякий авторитет в глазах своих недавних друзей и сторонников. Поскольку организации, им возглавляемые, держались главным образом благодаря авторитету Бориса Савинкова, благодаря его умению, пользуясь его знакомствами в правительственных сферах западно-европейских государств, находить средства для дальнейшей деятельности, постольку его невольный уход от борьбы знаменует собою, можно думать, прекращение дальнейшей деятельности тех контр-революционных организаций, с которыми было связано его имя. Поэтому нет опасности в том, что все организации,

которые так или иначе связывали свою судьбу с именем Бориса Савинкова, смогут проявить в ближайшем будущем хотя бы некоторую активность. Но этого мало. Самое главное в том, что Савинков, который, в продолжение шести лет руководя борьбой с нами, по самому характеру своей деятельности был тесно связан с главнейшими деятелями международной политики, знал очень многое из того, что нам было неизвестно, и теперь на суде, искренно или неискренно—это другой вопрос, разоблачал перед всем миром своих недавних покровителей, не щадя никого. Французский посол Нуланс, требовавший поднять восстание в ряде городов верхней Волги и за это уплативший ему, Савинкову, деньги, чехо-словацкий общественный деятель Массарик, давший ему деньги специально для организации террора против вождей РКП, английский военный министр Черчилль, снабжавший деньгами, обмундированием, вооружением армии Деникина и Колчака и потому имевший полное право сказать про эти армии: „Это моя армия“, начальник польского государства Пилсудский, давший согласие в конце 1920 г. после заключения русско-польского перемирия на поход Булак-Балаховича на город Мозырь и дальше, систематическая продажа военно-секретных сведений польскому генеральному штабу и французской военной миссии в Варшаве, странная операция с бывшим российским золотым запасом, совершенная англичанами в Шанхае, и т. д. и т. д.,—все это было достаточно ясно обрисовано на суде Борисом Савинковым и зафиксировано протоколом судебного заседания. После всего этого, после полного отказа от борьбы, после открытого признания Советской власти, после разгрома всех местных ячеек савинковской организации, после разоблачений, сделанных на суде, Савинков нам более не опасен, и можно считать, что весь тот исторический период, который был связан с его именем, отошел в область истории.

В. Ульрих.

Всемирно-исторический судебный процесс ¹⁾).

Если придерживаться письменного показания Бориса Савинкова, данного им 21 августа, и его заключительного слова на суде, перед нами типичная трагедия мелко-буржуазного интеллигента, пережившего „разочарование белое“ и „разочарование зеленое“, ставившего своей целью борьбу за мелко-буржуазные политические идеалы, оказавшегося исторически между двух стульев, искавшего, как он выражается, „базы“ против непонятной ему пролетарской диктатуры, в которой он усматривал невыносимый для него деспотизм, и оставшегося в результате у разбитого корыта. Эта трагическая и несколько жалкая история, однако, совсем не подтверждается, если мы обратимся к фактам, к совокупности показаний Бориса Савинкова, к той исторической действительности, которая нам достаточно известна и помимо Савинкова, к той действительно грандиозной, беспримерной, исторической трагедии, через которую прошла зародившаяся в муках рабоче-крестьянская республика. Савинков, видите ли, так горячо любил русский народ, что всем жертвовал ради счастья этого народа. Но, ведь, изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год перед ним проходили самые ужасающие картины белогвардейских зверств дикого разгула помещичьей реакции, под защитой белогвардейских штыков, ужасающих зверств, создаваемых им же, Савинковым, бандитских шаяк, самых откровенных хищнических аппетитов империалистических правительств и правящих кругов европейских столиц. Савинков, видите ли, был против большевиков потому, что большевики расчищали дорогу монархистам, и для того, чтобы не расчищать дороги монархистам, он со всей своей энергией служил делу мо-

¹⁾ „Правда“ от 31 августа 1924 г.

нархистов, создавал из них организации и входил в их организации. Савинков, видите ли, несогласен с большевиками потому, что у большевиков Интернационал, а у него родина. И ради этого он из года в год все свои силы отдавал делу, которое он сам характеризует: иностранцы и опять иностранцы. По его словам, иностранцы еще больше, чем о борьбе против мировой опасности коммунизма, заботились об ослаблении России, ее расчленении и закабалении.

Действительный Савинков, человек огненной энергии, литературная маска Савинкова, отравленный сомнениями и вечно разочаровывающийся интеллигент в действительности не совпадают. Гораздо больше приближался к образу сидящего между двух стульев, разочаровывающегося мелко-буржуазного героя Керенский. Но с первого же момента Савинков был не с Керенским, а с Корниловым. Этот факт характерен, и он, можно сказать, определяет все последующее. Савинков—реалист, Савинков—практик, он находился там, где были реальные силы, там, где были источники средств, и если там были монархисты, он шел с монархистами, а так как реальная сила в конечном счете была в руках иностранцев, в руках Антанты, в руках мирового империализма, Савинков в конечном счете оказался самым ценным орудием последнего. И напрасно Савинков пытается строить свою родословную от революционных героев семидесятых годов и от ярких героических фигур первого периода существования эс-эров. Он не от Желябова, он даже не от Гершуни, он—от Льва Тихомирова.

Как только происходит раскол между Корниловым и Керенским, Савинков на стороне Корнилова,—тем самым он на стороне антантовского империализма. Слугой последнего он тогда стал и стал бесповоротно, и когда антантовский империализм сделался мировым империализмом, он остался самым энергичным из слуг мирового империализма; он был всегда там, где это нужно было в интересах борьбы мирового империализма против Советской власти, он как будто переходил иногда из организации в организацию, но он всегда был именно там, где это требовалось больше всего в интересах борьбы империализма против Октябрьской революции.

Когда Савинков впервые выступил против пролетарской революции в России, Антанта представляла весьма сплоченное единое целое. Еще до февральской революции царское правительство занимало подчиненное положение по отношению к антантовскому коллективу государств, в котором главную роль играла Англия. Дело доходило до того, что как в Англии, так и на русском Севере паспортное дело находилось в руках английских офицеров, так как морские сношения были целиком в руках Англии, и тем самым она являлась объединяющей силой многоголовой Антанты. На временное правительство в Англии смотрели как на неудачных лакеев, не умеющих выполнять своих обязанностей и требующих окрика, чтобы быть наставленными на путь истины. За весь период мировой войны английский капитал привык смотреть на Россию как на свою колониальную страну, отторгнутую им от Германии и представляющую широкое поле для эксплуатации, ради чего руководящие английские банки уже создавали консорциумы и посреднические конторы, чтобы сейчас же по окончании войны дать возможность английскому капиталу хлынуть в Россию и использовать ее естественные богатства. Савинков начал, таким образом, свою борьбу против рабочей революции как бы на территории Антанты, в такой обстановке, где антантовский капитал считал себя законным хозяином. С первого момента своей борьбы против пролетарского строя Савинков оказался, таким образом, прикованным к антантовской колеснице.

После Октябрьской революции и заключения Брестского договора Антанта считала себя обманутым хозяином, она продолжала быть на своей бывшей территории, сделавшейся советской территорией, инициатором и руководителем борьбы против нового строя. Неуклюжий юнкерский германский империализм, не обладавший беспримерной усовершенствованной организацией буржуазно-капиталистического господства, доведенной до последнего слова развития в особенности в Англии, грузно и неумело барахтался среди окружавших его противоречий. На Украине германский империализм не сумел создать ничего, кроме элементарной первобытной военной оккупации, и, до поры-до времени попридерживая свои войска на брестской пограничной линии, он успел

создать в Киеве монархическое правительство, как готовое орудие для будущей всероссийской монархической реставрации, и монархическую армию графа Келлера. В это время в Москве Мирбах поддерживал контакт с крайними монархическими элементами. Его переговоры с кадетами были неудачны, ибо вопреки Милюкову большинство кадетской партии ориентировалось на имевшегося уже налицо хозяина—Антанту. Сначала покончить с врагом на Западе, а потом восстановить Романовых на российском престоле—такова была программа не приспособленного к современным условиям юнкерского германского империализма. Ничего кроме новой Украины юнкерский германский империализм для России не мог придумать.

Для того беспримерно сложного и совершенного апарата буржуазного господства, который имелся у Антанты, настоящим кладом, вполне приспособленным орудием был Савинков, этот реалист с разочарованной романтикой на устах, этот палач с демократической и революционной идеологией для галерки. И его история за весь последующий период была историей схватки не на жизнь, а на смерть между антантовским империализмом и вслед за тем мировым империализмом и пролетарской революцией.

В послебрестский период поворотным пунктом от разрозненных заговоров к так называемой большой интервенции был бунт чехо-словаков. Это было нечто вполне родственное Борису Савинкову, такое же соединение служения контр-революции с демократической маскировкой. Заговоры, террористические покушения, восстания и за всем этим, как твердая база, чехо-словацкая армия,—вот содержание деятельности Савинкова за этот период. И его показания раскрывают нам с небывалой до сих пор полнотой действительную картину взаимоотношений между силами контр-революции и их империалистическими руководителями и двигателями. Он впрочем стоял ближе к французской, чем к английской контр-революционной машине. От махинации Локкарта он стоял далеко, но тем ценнее его признания об энергичной финансовой и иной поддержке российских контр-революционных организаций со стороны Франции. И рядом с французским финансовым капиталом и его агентом Нулансом вы-

ступает мелко-буржуазный моралист, идеалист, филантроп Массарик, давший 200.000 на устройство покушения на Ленина. Пусть привлекают Массарика теперь к ответу широкие массы чехо-словацкого народа.

После краха Германской империи антантовский империализм делается мировым империализмом и ставит себе целью удушение пролетарской революции. Показания Савинкова с необыкновенной яркостью открывают нам широчайшую картину этого грандиозного мирового боя между всемогущими мировыми победителями, вооруженными всеми чудесами военной техники и всеми ресурсами своей промышленности и своего национального богатства, и, с другой стороны, разоренной и измученной рабоче-крестьянской советской страной, ценою беспримерного героизма вышедшей победительницей из борьбы, казавшейся безнадежной капиталистическим умникам. Эта гигантская борьба развернулась и в Европе, и в Азии, и в действиях международных карательных отрядов на Дальнем Востоке, и в басмаческих восстаниях в Фергане, и в контр-революционных действиях бухарского эмира, и в создании мнимо-панисламистских правительств для подавления сопротивления дагестанских красных партизан, и вообще на всех тех театрах войны, где шла борьба не на жизнь, а на смерть между двумя противоположными историческими началами. Борис Савинков в это время находится в самом центре. Он главный организатор империалистических сил. Он представитель Колчака в Париже, и он в гораздо большей степени, чем чисто декоративный аппарат царских послов, служит действительной связью между верхушкой мировой контр-революции и ее агентами на местах. Он занимается и „нефтяными“ государствами Кавказа, созданными для борьбы против большевизма, и обсуждением с японцами дальнейших способов борьбы против большевизма после падения Колчака, и безнадежными попытками побудить белых генералов к менее сумасшедшей политике в районах их оккупации. Савинков наивничает, когда Черчилль, указывая на денкикинские флажки на карте, говорит: „это моя армия“; у Савинкова, якобы, „приросли ноги к полу“. Можно позволить себе не поверить ему. Ведь он же видел, что мировой империализм в этой борьбе был

все, а белые генералы и их банды существовали постольку, поскольку этого хотел империализм. Савинков рассказывает нам, что когда он попал на русскую территорию и старик-крестьянин сказал про Врангеля „пан“, а про Керенского „пустозвон“, это было как будто бы для Савинкова откровением. Совершенно ясно, что это только наивничанье. Будучи в самом центре мировой агрессии империализма против рабоче-крестьянской республики, он ли не видел, что это была борьба пана против рабочих и крестьян, и что межеумочный демократ, как Керенский, мог быть лишь пустозвоном.

Мировой империализм оказался бессильным раздавить своего исторического антипода, и в следующий период база контр-революции, и поэтому база Савинкова, значительно суживается. Клемансо после неудачи большой интервенции выдвинул новую программу: „Борьба против большевизма при помощи лимитрофов и в первую очередь Польши, Румынии и Чехо-Словакии“. Последняя отказалась, и главное бремя борьбы пало на Польшу. Начинается период борьбы пуанкаризма против Советской республики, при чем главной опорой является Варшава и в Варшаве—Пилсудский. И снова перед нами Савинков, как наиболее сильное орудие новой контр-революционной комбинации. Он уже мельче плавает. Организация бандитских шаек и устройство погромов и самых отвратительных зверских актов против безобидных крестьян, попадающих в руки савинковских банд, широкая организация разведки в пользу Франции и еще более широкая организация аппарата лжи и клеветы против Советской республики с целью поддержки в империалистических столицах стремления к продолжению борьбы— вот значительно суженная деятельность Савинкова за этот новый период. Контр-революция идет под гору. В самом мировом империализме усиливаются внутренние процессы разложения. Все больше дает себя чувствовать мировой кризис. Наступает период переговоров и больших конференций с Советским правительством, и снова Савинков хлопочет, выходит из себя, скачет из столицы в столицу, чтобы навредить Советской власти, чтобы помешать соглашениям, чтобы продлить, хотя бы в ослабленной форме, борьбу империализма против пролетарской революции.

Но все это ни к чему, история безжалостно шествует вперед, шаг за шагом ослабленный капиталистический мир приближается к соглашению на началах равенства с Советским государством. Это не совсем совпадение, это глубоко-знаменательный исторический факт: момент подписания окончательного англо-советского договора был моментом капитуляции Савинкова и его отречение от всей своей предыдущей жизни. В самом капиталистическом мире процесс внутреннего ослабления зашел так далеко, что в руководящей капиталистической державе, в Англии, буржуазии пришлось укрыться за рабочее правительство. Кончился период грандиознейшей всемирно-исторической вооруженной борьбы между империализмом и Октябрьской революцией. Вслед за интервенцией наступил конец и блокаде. Начинается время более сложных, менее элементарных и непосредственных методов борьбы между двумя противоположными началами. Савинков империализму больше не нужен. Море его выбросило на песок по окончании бури. Империализм выжал из него все, что мог. Перед нами выжатый лимон.

Процесс над Савинковым является, таким образом, глубоко-знаменательным историческим событием, точно так же, как подписание англо-советского договора, он показывает, что мировые отношения вступили в новую полосу развития. Те же исторические антиподы продолжают друг-другу противостоять, но методы их борьбы уже не те. К тем же задачам приходится стремиться в новой обстановке.

Михаил Шаронов.

Артист авантюры ¹⁾).

Я давно знаю Савинкова. Мы были с ним вместе в ссылке, потом я довольно часто встречал его во время эмиграции. Мне приходилось близко сталкиваться с людьми, хорошо его знавшими; в добавление к этому я довольно внимательно следил за его литературной деятельностью и всей той своеобразной и разнообразной эпопеей, какую представляет собою его общественная жизнь. Последнее крупнейшее событие в этой его жизни и связанные с ним разоблачения и саморазоблачения, разъяснения и саморазъяснения не меняют, а только подтверждают мнение, которое я составил себе о нем.

Хотя Савинков человек незаурядный, но, конечно, суждения о нем как об индивидуальности не имели бы почти ровно никакого общественного значения. Савинков важен нам, как яркий тип мелко-буржуазной революции, той революции, которая до такой степени шатка в своих принципах, что совершенно нечувствительно переходит в самую яркую или, лучше сказать, в самую черную контр-революцию.

Борис Савинков—это артист авантюры, человек в высшей степени театральный. Я не знаю, всегда ли он играет роль перед самим собою, но перед другими он всегда играет роль. Мелко-буржуазная интеллигенция порождает такую самовлюбленность и самозаинтересованность. Она плодит людей, вечно носящихся со своею личностью, как с писаной торбой. На одном ее полюсе концентрируются нытики, Гамлеты всевозможных уездов, копающиеся в себе, любящие себя заushать, плакаться и жаловаться другу и щекотать чувствительность барышень своим разочарованием. Ведь, этот траур к лицу, это щеголяние своей несвоевременностью идет через

¹⁾ „Правда“ от 5 сентября 1924 г.

всю историю русской интеллигенции и подмечено было, как ее яркая черта, еще в пушкинско-лермонтовской литературе. Но если эта порода печальных нарциссов долго не выродилась и, может быть, еще и по сию пору не вывелась среди интеллигенции, то обстоятельства все же сильно изменились с появлением революционного течения в интеллигенции. Революция, которая дала до этих пор лишенным подлинной цели рыцарям интеллигенции путеводную звезду, крепкое *credo*, крупное дело, многих оздоровила, тем более, что интеллигенция в то же время стала пополняться больше сок мещанства, чем последышами дворянства. Появился чрезвычайно интересный тип делового интеллигента базаровского уклада. Такого рода интеллигенция могла тесно примкнуть к пролетариату и легко найти с ним общий язык. Но в сфере деловой, энергично трезвой революционности не мог почувствовать себя своим человеком типичный интеллигент с острым укладом индивидуальности и всегда заслоняющий перед собою мир самим собою. И вся практика интеллигенции, вся сущность ее как мелко-буржуазного слоя, работающего высококвалифицированной личностью, толкала именно к этому эгоцентризму или, предлагая выразиться по-русски, „ячеству“.

Савинков типичнейший „як“. Для него призыв к революции означал особо эффектную сферу для проявления собственной оригинальности и для своеобразного чисто-личнического империализма.

Савинков влюбился в роль „слуги народа“, служение которому, однако, сводилось к утолению более или менее картинными подвигами ненасытного честолюбия и стремлению постоянно привлекать к себе всеобщее внимание. Как истерическая женщина не может спокойно посидеть минуту в обществе, потому что ей нужно заставить его вращаться вокруг себя, так точно и Савинкову нужно было постоянно шуметь и блистать.

Однако это не просто идеологический фант. Это не шарлатан авантюры, а ее артист. У Савинкова всегда было достаточно вкуса, он умел войти в свою роль. Повторяю, перед другими несомненно, но, может быть, и перед самим собою ежедневно и ежечасно разыгрывал он роль героя,

загадочной фигуры со множеством затаенных страстей и планов в своей сердцевине, с несокрушимой волей, направленной к раз навсегда поставленной цели, с темными, терпкими противоречиями между захватывающим благородством своих идеалов и беспощадным аморализмом в выборе средств.

Воображаю, сколько раз Савинков должен был повторять, как он повторял и на суде, что для революционера все средства позволены, что борьбу нужно вести всеми средствами.

Подумайте, сколько романтики! Подумайте, как все это эффектно! Вся эта езда на коне бледном! И вокруг Савинкова создались и узкие, и широкие круги поклонников. Может быть, и находились отдельные проницательные люди, которые понимали, что это актер, что это некий трагический гаер, у которого нет внутри никакой серьезной идеи, никакого серьезного чувства. Но и такие проницательные люди, если они были близко к тем организациям, где фигурировал Савинков, должны были охотно мириться с его героическим щегольством, потому что, ведь, он был в то же время хорошим работником. В его роль входила и холодная отвага, и циничная расчетливость, и непрерывная трудоспособность, чеканные фразы оборонительного и наступательного характера, и многое другое, что было, конечно, полезно партии и что приводило иногда к крупным политическим результатам, если вообще считать крупным то, чего можно достигнуть на самом авантюристском пути из всех революционных путей — на пути террора.

Но и таких проницательных людей было мало. Российская интеллигентская публика и то небольшое количество рабочих и крестьян, которое могло входить в соприкосновение личное или понаслышке с героем эс-эртства Савинковым, не отличались ни психологической чуткостью, ни большим вкусом, и Савинков со всеми своими мелодраматическими аллюрами действовал неотразимо и многих приводил к убеждению в том, что он есть настоящий великий человек, даже чуть ли не сверхчеловек.

Я хочу особенно коснуться одной своеобразной черты психологии Савинкова и вместе с тем социальной психоло-

гии подобных ему лиц и групп,—черты, о которой я уже упоминал.

Савинков любит быть сентиментальным. Он любит играть на сентиментальных струнах и, как всякий сентименталист, пользуется для этого моральными темами. Он любит говорить о честности высокой, о бескорыстном служении народу, и поистине, когда говорит, „сам плачет“ и слушатели „все рыдают“!

Я помню одну маленькую эффектную сцену. Было это в вологодской ссылке. Социал-демократы и эс-эры собрались в каком-то обществе, слушали какой-то доклад и горячо дебатировали какой-то из больших вопросов экономических или социологических, которые в то время так сильно волновали революционные круги. Вдруг посреди дискуссии открывается дверь и является Савинков. Лицо его бледно, глаза сощурены, движения нарочито размерены и небрежны. Не говоря никому никакого предварительного слова, он выходит на середину и разражается речью из отрывистых фраз, что пора перестать болтать, пора перестать теоретизировать, и что дело выше слов. Казалось бы, за эту пустую выходку человека нужно было бы по-товарищески ругнуть, если не просто выставить за дверь, но, к моему великому удивлению, все были в восхищении и не только эс-эры, но и наши социал-демократы. „Ах, этот Савинков! вот человек дела! какой свежей струей пахнуло от его слов“ и т. д.

А, ведь, люди на самом деле занимались самым настоящим делом, ибо никак нельзя было пренебрежительно относиться к тому коллективному самообразованию в тюрьмах и ссылках, которому всякий из нас так много обязан. А сама фраза Савинкова о деле была лишена всякого смысла, ибо никакого реального непосредственного дела он собравшемуся там обществу предложить, конечно, не мог. Во все сроки своей „революционной работы“ Савинков любил поразить вот такими, откуда-то сверху брошенными эффектными фразами, а простачки с благоговением ловили такие фразы и говорили „о!“

Этим я вовсе не хочу сказать, что на самом деле Савинков был только фразеологом,—ничуть! он действительно че-

ловека дела, но тут-то начинается самое интересное в нем. В то время, как фраза его, что сказалось и в его романах, вся полна пафоса морализма, пропитана самой розовой сентиментальностью и органичными тремоло, разного рода трогательностью и высокопарностью, за всем этим следует маленькая переходная предпосылка: ради столь высокой морали, ради таких великих целей можно в борьбе идти на все.

Правда, для вящей эффектности всего своего „социального служения“ Савинков сдобривает этот свой аморализм намеками на внутренние бури, которые якобы происходят в нем вследствие создающегося таким образом противоречия. Савинков ничего так не любит, как именно внутренние бури, как повесть о терзавших его в разное время сомнениях и т. д. Все это должно создавать вокруг его „героической“ фигуры ореол сложности и титанической скорби. Но, на самом деле, как самые высокие моральные фразы, так и все эти будто бы терзающие душу Савинкова сомнения суть только совершенно внешний туалет. Себя он находит вполне только в практике, в той практике, на пороге которой написано: революционеру все позволено.

Может быть, мы, коммунисты, не согласны с этим лозунгом? Если немножечко его исправить и сказать: революционеру позволено все, что действительно ведет к торжеству социализма, то мы ни на одну секунду от этого не откажемся. Наш Ильич тоже был человек с колоссальными внутренними моральными устоями, настоящий святой по непоколебимой преданности своей трудовому эксплуатируемому человечеству, и в то же время наш Ильич был тактик, который знал, что борьба может требовать и жестокости и лукавства. Для достижения важной боевой цели Ильич не отступал ни перед тем, ни перед другим.

Но можно ли представить себе хоть на минуту, не то чтоб об Ильиче, а даже о рядовом коммунисте, что он может каким-то образом оказаться в союзе с белогвардейскими генералами из любви к родине и предавать ее польскому и французскому штабам и из любви к трудовому народу помогать помещикам сесть ему на шею?

Этого, конечно, ни об одном даже заурядном коммунисте никто не может и подумать. В том-то и дело, что савинков-

ский идеал не был результатом какой-то социологической теории, не был определенной научно-обоснованной программой, а только эффектными расплывчатыми фразами: „Народ, родина“ и т. д. Эти расплывчатые фразы с прибавлением принципа: революционеру все позволено—позволяли действительно и буквально все. Они не давали никаких рельс, они не делались никакими рамками, и артист авантюры Савинков стоял перед своей практикой, как перед безбрежным океаном. Он мог ехать в какую-угодно сторону, входить в какие-угодно сочетания. Достаточно было иметь пару софизмов в голове и гибкий язык,—а все это у Савинкова было,—чтобы оправдать какую-угодно комбинацию и всякую подлость представить как подвиг.

А дальше руководящим стимулом Савинкова становится азарт. Я, пожалуй, склонен поверить Савинкову, когда он говорит, что никогда в жизни не преследовал личных целей. Если под личными целями понимать личное обогащение или совершенно вульгарный карьеризм, то Савинков, конечно, достаточно крут, чтобы пренебрегать такими побрякушками. Но строить свою историческую личность, как образ какого-то титана, но упиваться ароматами похвал себе как вождю или как деятелю истории, но с холодным азартом привычного игрока стараться во что бы то ни стало выиграть начатую партию—вот это то, что можно назвать личными целями Савинкова.

И здесь надо искать причин того, что при данной, конечно, довольно сложной социальной обстановке Савинков оказался неспособным даже приблизительно найти верные революционные пути. Мелко-буржуазный демократ по происхождению и воспитанию, он тем самым, конечно, был уже отделен от основного потока марксизма. И, раз отделенный от него, он, разумеется, не мог не поверить в эфемерность большевистской революции. Между тем, эфемерная революция эта нанесла целому миру всевозможных элементов тяжелый удар. И Савинков кичливо берет на себя быть Георгием Победоносцем, который сразит этого дракона.

Какая ширь на самом деле! На кого только нельзя опереться: золоченые генералы протягивают ему руку, зубры-помещики кричат ему „Виват!“, вся разношерстная интел-

лигенция: индивидуалисты эстеты, мистики, а за ними эс-эры, от н.-с. до „левых“, наконец, плехановцы и сами меньшевики с разными, конечно, чувствами, разными опасениями, разной степенью увлеченности обращают на него глаза, как на самой судьбой посланного освободителя от большевистского кошмара. И Савинков восторженно и упоенно отдается этой новой борьбе.

Какое раздолье для интриг! А Савинков безумно любит интригу. Его увлекает не только широкая стратегия, ему нравится всякая игра в камарилью. Он шпионит. За ним шпионят. Ему лгут. Он лжет. Под него ведут мину. А он ведет еще глубже. Его хотят употребить как карту в своей игре. А он чуть не на весь мир смотрит, как на веер карт в своей собственной игрецкой руке.

После иных неудач бывали моменты, когда все отступали от Савинкова. Ведь, в самом деле, кто он такой? Для революционера—он слишком неразборчив. Сколько-нибудь уважающий себя революционер, хотя бы даже эс-эр, не может идти за ним сквозь всю его грязь. Но он и не реакционер: ведь, он царубийца почти! Никто не верит, и все рады повернуться к нему спиной. Но в этих случаях Савинков придумывает новый трюк. Из глубины своего авантюристского мозга он извлекает новый план. Он с костяным стуком выбрасывает на зеленое поле свою новую карту, и вся эта банда, не верующая в себя, близкая к отчаянию, хватается за него, как за спасительную соломинку, как за возможного вождя... И вновь его принимают министры, ездят к нему на поклон генералы, и вновь в карман суют ему миллионы, и вновь он на хребте новой мутной волны контрреволюции...

Савинков—самый большой из таких людей и наиболее яркий в самой своей мутности. А другие ростом меньше и не так решительны, но в рядах мелко-буржуазной революции их сколько угодно. И все ерзанье эс-эров и меньшевиков между рабочим классом и буржуазией, с креном на буржуазию, и все струвистские переходы от марксизма к монархизму, и булгаковские конвульсивные прыжки из социал-демократов в попы, и даже чудовищное, все человеческое потрясшее двуличие Азефа,—есть в конце концов раз-

личные полюсы и оттенки этой громадной мелкобуржуазной „всячины“, и право, савинковщина, наглая, смелая в своем пурпуровом одеянии, решительная до образа звериного, играющая всеми красками, как хамелеон, но по-своему энергичная и даже талантливая,—далеко не худшая разновидность всей этой „нечистой силы“, которую с большим правом можно назвать „нечистой слабостью“.

Как хорошо, что Савинков остался жить.

Подумайте только, если этот человек, обладающий, несомненно, талантливым пером, в типичи невольного уединения, когда ему придется свою неумную энергию направить невольно по кабинетному руслу, займется писанием мемуаров о своей жизни, соприкасавшейся с таким невероятным количеством лиц и учреждений, порой весьма крупных и влиятельных; подумайте только, если он со свойственной ему ядовитостью обольет все это соусом ненависти и презрения, накопившихся в нем за время его странствования,—какой памфлет, вольный и невольный, возникнет таким образом перед глазами всего мира!

Если Савинков сколько-нибудь искренен, когда говорит, что самое тяжелое для него—это осуждение рабочими и крестьянами, которых он предал, то у него действительно есть блестящая возможность загладить свою вину—это со всей искренностью и яркостью рассказать все, как было, во всех подробностях.

И это будет хороший урок для людей чужого лагеря. Они охотно шли на то, чтобы использовать Савинкова, они хотели опереться на эту острую трость,—трость не только согнулась, но проткнула им ладонь.

А. Луначарский.

I.

Почему я признал Советскую власть ¹⁾ ²⁾.

Почему я признал Советскую власть?.. Одни объясняют мое признание „неискренностью“, другие—„авантюризмом“, третьи—желанием спасти свою жизнь... Эти соображения были мне чужды. Правда заключается в следующем.

Я боролся с большевиками с октября 1917 г. Мне пришлось быть в первом бою, у Пулкова, и в последнем, у Мозыря. Мне пришлось участвовать в белом движении, а

¹⁾ Редакция „Правды“ дает статье Савинкова название „Сменовсховец с невзорвавшейся бомбой“ и снабжает ее следующим предисловием:

„Растерявшаяся белогвардейская печать, пытаясь ослабить впечатление от разоблачений Бориса Савинкова, провозгласила весь судебный процесс над Борисом Савинковым инсценировкой, устроенной „большевками“ над подставным лицом. Эту версию повторили кое-какие буржуазные газеты в Европе. Ниже печатаемое письмо Савинкова мы предлагаем не столько вниманию наших русских читателей, сколько вниманию тех, кто теперь за границей под влиянием паники и растерянности склонен вообще отрицать существование Савинкова в природе. Покойный Герцен рассказывал анекдот об одном австрийце, который так ненавидел Наполеона, что отрицал самую возможность его существования. Ненависть белой прессы к советской стране уподобляет их роль положению анекдотического австрийца. В письме Савинкова наши читатели найдут любопытный человеческий документ, проливающий свет на кой-какие современные события.

„Кто борется,—пишет Савинков,—тот в зависимости от иностранцев: от англичан, французов, японцев, поляков. Борьтся без базы нельзя. Борьтся без оружия нельзя. Пусть нет писанных обязательств. Все равно. Кто борется, тот в железных тисках,—в тисках финансовых, военных, даже шпионских“.

Г. Пою Жордания и белогвардейской меньшевистской эмиграции надлежит извлечь из этого заявления все уроки. Имеющий уши слышать, да слышит! А услышим мы, вероятно, повествование от живого свидетеля всех контр-революционных заговоров о таких делах, а особенно людях, многие из которых бы хотели, чтобы Савинкова не было...“

²⁾ „Правда“ от 13 сентября 1924 г.

также в зеленом. Мне пришлось заниматься подпольной работой и готовить покушения. Исчерпав все средства борьбы, я понял, что побежден. Но признать себя побежденным еще не значит признать Советскую власть. Я признал эту власть. Какие были к тому причины?

После октябрьского переворота многие думали, что обязанность каждого русского—бороться с большевиками. Почему? Потому, что большевики разогнали учредительное собрание; потому, что они заключили мир; потому, что, свергнув временное правительство, они расчистили дорогу для монархистов; потому, что, расстреливая, убивая и „грабя награбленное“, они проявили неслыханную жестокость. На белой стороне—честность, верность России, порядок и уважение к закону; на красной—измена, убийство, обман и пренебрежение к элементарным правам человека. Так и я думал тогда.

Кто верит теперь в учредительное собрание? Кто осуждает заключенный большевиками мир? Кто думает, что октябрьский переворот расчистил дорогу царю? Кто не знает, что расстреливали, убивали и грабили не только большевики, но и мы? Наконец, кому же не ясно, что мы не были „рыцарями в белых одеждах“, что мы виноваты именно в том, в чем обвиняли большевиков?

Сказанное выше не требует доказательства. И если бы дело шло только об этих, второстепенных причинах, мы, конечно, давно бы сложили оружие и признали Советскую власть. Но мы—русские. Мы любили Россию, т.-е. русский народ. Мы спрашиваем: с кем же этот народ? Не захватчики ли власти—большевики? Не разоряют ли они родину? Не приносят ли они в жертву Россию Коммунистическому Интернационалу? И где завоеванная Февральской революцией свобода?

На три последних вопроса ответить не трудно. Возьмите цифры. Сравните посевную площадь за 1916, 1922 и 1923 годы. Сравните продукцию угля, нефти, металлургии и хлопчатой бумаги за 1922 и первую половину 1924 гг. Сравните производительность труда, товарооборот, заработную плату и транспорт за тот же период времени. Сравните, конечно, на основании проверенных данных. К каким

выводам вы придете? Да, Россия разорена войной и величайшей из революций. Да, чтобы поднять ее благосостояние, необходима напряженная и длительная работа. Но большевики уже приступили к этой работе, и страна подержала их. Лучший пример—Донбасс... Почему же предполагать, что белые работали бы быстрее? Мы, ведь, знаем, как „восстанавливались“ Юг и Сибирь. Нет, возлагать надежды на белых, на эмиграцию все равно, что тешить себя легендой,—легендой о полном финансовом и экономическом банкротстве большевиков. Главные затруднения уже позади. Власть, которая выдержала блокаду, гражданскую войну и поволжский голод,—жизнеспособная и крепкая власть. Власть, которая создала армию, разрешила сложнейший национальный вопрос и защищает русские интересы в Европе,—русская, заслуживающая доверие власть. О разорении страны уже не может быть речи. Речь идет о восстановлении ее. Признаем нашу ошибку. Или мы можем мыслить современное государство только с помещиками и крупной буржуазией? Или нам снова нужны варяги, чтобы „править и владеть“ Россией, „править“ на фабриках и „владеть“ в лесах и полях?

Я—не коммунист, но и не защитник имущих классов. Я думаю о России, и только о ней. При царе Россия была сильна, и стала жандармом Европы. Советская власть, укрепившись, объединила в равноправный союз народы бывшей Российской империи. Она стремится к усилению и процветанию СССР. Пусть во имя Коммунистического Интернационала. Значит ли это, что Россия приносится ему в жертву? Нет, это значит, что в глазах миллионов русских людей вчерашний жандарм, Россия, станет завтра освободительницей народов. Для меня достаточно восстановления ее. Но меня спросят: как же восстанавливать без свободы? Я на это отвечаю: а если бы белые победили, разве бы не было диктатуры? Я же предпочитаю диктатуру рабочего класса диктатуре ничему не научившихся генералов. Рабочий класс кровно связан с крестьянством. А генералы? С „третьим“ и „пятым“ снопом! Мы это видели на примерах.

Все это общеизвестно. Общеизвестно в России, но гораздо менее известно за рубежом. Эмиграция живет испугом—

вспоминанием о расстрелах и нищете. Испуг—советчик плохой. Как забыть о революционном развале? Как поверить в государственное строительство рабочего класса, в строительство без на мель выброшенной буржуазии? Ведь, по эмигрантскому мнению, восстанавливать государство значит вернуться к капитализму... Но, даже поверив в творческие силы народа, неизбежно ли признать Советскую власть? Не всякое правительство идет навстречу народу, еще реже оно неразрывно спаяно с ним. И при царе народ создавал и производил. И при царе очень медленно, но поднималось благосостояние страны. Однако, царь был врагом. Он был, в частности, врагом и моим. Его власти я не признавал никогда и признать бы не мог. А Советской власти я подчинился. Подчинился не потому, что большевики восстанавливают Россию, и не потому, что Россия—одно, а Коммунистический Интернационал—другое, и не потому, что диктатура рабочего класса, конечно, лучше диктатуры буржуазии. Еще раз—почему?

Я сказал, что признать себя побежденным еще не значит признать Советскую власть. Если бы был побежден только я, если бы был разгромлен только „Союз Защиты Родины и Свободы“, я был бы вынужден прийти к заключению, что лично я неспособен к борьбе. Но мы все побеждены Советской властью. Побеждены и белые, и зеленые, и беспартийные, и эсеры, и кадеты, и меньшевики. Побеждены и в Москве, и в Белоруссии, и на Украине, и в Сибири, и на Кавказе. Побеждены в боях, в подпольной работе, в тайных заговорах и в открытых восстаниях. Побеждены не только физически—насильственной эмиграцией, но и душевно—сомнением в нашей, еще вчера непререкаемой правоте. Перед каждым из нас встает один и тот же вопрос: где причина наших бедствий и поражений? В тылах? Но и у красных были тылы. В воровстве, в грабежах, в убийствах? Но и у красных вначале были грабительство и разбой. В бездарности, в неразумии? Но, ведь, не боги горшки обжигают. На нашей стороне был „цвет“ военных людей, и „цвет“ ученого мира, и „цвет“ общественности, и „цвет“ дипломатии. По крайней мере, мы искренно думали так. Однако, красный командир из рабочих победил стратегов генерального штаба. Однако, кре-

стыянин, член РКП, лучше понял смысл совершающихся событий, чем заслуженные и прославленные профессора. Однако, рядовой партийный работник ближе подошел к трудовому народу, чем патентованные народолюбцы. Однако, советские дипломаты оказались сильнее и тверже многоопытных российских послов. Прошло семь лет. Мы распылены. Мы—живые трупы. А Советская власть крепнет с часу на час.

Больше года назад, за границей, я задумался над этим явлением. Больше года назад я сказал себе, что причина его должна быть простой и глубокой. Признаем снова нашу ошибку! Мы верили в Октябре и потом долгих семь лет, что большевики—захватчики власти, что, благодаря безволию временного правительства, горсть отважных людей овладела Москвой, и что жизни им—один день. Мы верили, что русский народ, рабочие и крестьяне—с нами, с интеллигентской или, как принято говорить, мелкобуржуазной демократией. В этой вере было оправдание нашей борьбы.. Что же? Не испугаемся правды. Пора оставить миф о белом яблочке с красною оболочкой. Яблоко красно внутри! Старое умерло. Народилась новая жизнь. Тому свидетельство—миллион комсомольцев. Рабочие и крестьяне поддерживают свою, рабочую и крестьянскую, Советскую власть.

Воля народа—закон. Это завещали Радищев и Пестель, Перовская и Егор Сазонов. Прав или неправ мой народ, я—только покорный его слуга. Ему служу и ему подчиняюсь. И каждый, кто любит Россию, не может иначе рассуждать.

Когда при царе я ждал казни, я был спокоен. Я знал, я послужил, как умел, народу: народ со мной и против царя. Когда теперь я ожидал неминуемого расстрела, меня тревожили те же сомнения, что и год назад, за границей: а что если русские рабочие и крестьяне меня не поймут? А что если я для них—враг, враг России? А что если, борясь против красных, я, в невольном грехе, боролся с кем?—с моим, родным мне народом?

С этой мыслью тяжело умирать.

С этой мыслью тяжело жить.

И именно потому, что народ не с нами, а с Советской

властью, и именно потому, что я русский, знаю только один закон—волю русских крестьян и рабочих, я говорю так, чтобы слышали все: довольно крови и слез; довольно ошибок и заблуждений; кто любит русский народ, тот должен подчиниться ему и безоговорочно признать Советскую власть!

Есть еще одно обстоятельство. Оно повелительно диктует признание Советской власти. Я говорю о связи с иностранными государствами. Кто борется,—тот в зависимости от иностранцев: от англичан, французов, японцев, поляков. Борьба без базы нельзя. Борьба без денег нельзя. Борьба без оружия нельзя. Пусть нет писанных обязательств. Все равно. Кто борется, тот в железных тисках,—в тисках финансовых, военных, даже шпионских. Иными словами, на границе измены. Ведь, никто не верит в бескорыстие иностранцев. Ведь, каждый знает, что Россия снится им, как замаскированная колония: самостоятельное государство, конечно, но работающее не для себя, а для них. И русский народ, народ-бунтовщик, в их глазах не более, как рабочая сила. А эмигранты? А те, кто не борется, кто мирно живет за границей? Разве они не парии? Разве они не работают батраками, не служат в африканских войсках, не просят милостыни, не голодают? Разве „гордый взор иноплеменный“ видит в них что-либо иное, кроме досадных и незваных гостей из низшей, из невольничьей расы? Так неужели лучше униженно влечься в изгнании, чем признать Советскую, т.-е. русскую власть!

Ну, а если ее не признать? За кем идти? О монархистах я, конечно, не говорю. Вольному воля. Пусть ссорятся из-за отставных „претендентов“. Я говорю только о тех, кто искренно любит трудовую Россию. Неужели достойно „объединяться“ в эмигрантские „союзы“ и „лиги“, ждать, когда „призовут“, повторять, как Иванушка-дурачок, легенды и мифы и верить, что по щучьему велению будет свергнута Советская власть? Мы все знаем, что эмиграция—болото. Для „низов“—болото горя и нищеты. Для „верхов“—болото праздности, честолюбия и ребяческой веры, что Россию нужно „спасать“. Россия уже спасена. Ее спасли рабочие и крестьяне, спасли своей сознательностью, своим трудом,

своей твердостью, своей готовностью к жертвам. Не будем смешивать Россию с эмигрантскими париями. Не будем смешивать ее с помещиками и буржуазией. Россия—серп и молот, фабричные трубы и необозримые, распаханнные и засеянные поля. Но если бы даже Россия гнула,—эмигрантскими разговорами ее не спасешь...

Многое для меня было ясно еще за границей. Но только здесь, в России, убедившись собственными глазами, что нельзя и не надо бороться, я окончательно отрешился от своего заблуждения. И я знаю, что я не один. Не я один в глубине души признал Советскую власть. Но я сказал это вслух, а другие молчат. Я зову их нарушить молчание. Ошибки были тяжкие, но невольные. Невольные, ибо слишком сильная буря свищет в России, во всей Европе. Минует год или два, или десять лет, и те, кто сохранит „душу живу“, все равно пойдут по намеченному пути. Пойдут и доверятся русскому трудовому народу. И скажут:

— Мы любим Россию и потому признаем Советскую власть.

Борис Савинков.

Сентябрь 1924 года.

Внутренняя тюрьма.

II.

Письмо в редакцию ¹⁾.

В показаниях Б. В. Савинкова, опубликованных в № 196 „Правды“, сказано: „Я получил задание от Донского гражданского совета переговорить с некоторыми лицами, ну... (маленькая заминка) с Плехановым о том, что, может-быть, они пойдут в Донской гражданский совет“.

Я крайне удивляюсь забывчивости и легкомыслию этого раскаивающегося вождя белогвардейского движения.

В январе 1918 года он отиравается в Петроград, как делегат, к Плеханову от Донского гражданского совета, а между тем, 3 ноября 1917 г., т.-е. за два с половиной месяца перед этим, Плеханов в ответ на его предложение взять на себя составление министерства „тогда, когда победоносные казаки после битвы при Пулкове войдут в Петроград“, ясно и решительно сказал Савинкову: „Я сорок лет своей жизни отдал пролетариату, и не я его буду расстреливать даже тогда, когда он идет по ложному пути“. Борис Викторович забыл тут же данный ему совет Плеханова: „И вам не советую этого делать. Не делайте этого во имя вашего революционного прошлого“.

Для серьезного, вдумчивого деятеля, действительно „ценящего“ мнение Плеханова, эти слова были бы предупреждением и заветом. На Б. В. Савинкова они не подействовали, — он оставался при своем глубоком непонимании Плеханова. Он не понимал также его истинного отношения к себе. Георгий Валентинович симпатизировал его энергичному революционному темпераменту, с удовольствием в мирные времена слушал его талантливые рассказы о своих револю-

¹⁾ „Известия ЦИК СССР“ от 4 сентября 1924 г., № 200.

ционных похождениях; считал его смелым, способным на самоотвержение революционером, но был всегда очень невысокого мнения о его теоретическом понимании революционных задач и решительно не любил в нем склонности к легкомысленным выступлениям как в литературе, так и в политической деятельности. Этот элемент в характере Бориса Викторовича он называл авантюристическим, а всем известно, как строго Плеханов относился к авантюризму, в какой бы среде он ни появлялся.

Поэтому Плеханов всегда и неизменно отстранял всякое практическое предложение, с которым к нему обращался Савинков. Так было в апреле месяце 1917 года, когда он явился к Плеханову с предложением войти в редакцию закупаемой им ежедневной газеты. Георгий Валентинович сказал мне после ухода огорченного Савинкова: „Не желаю быть редактором органа перепугавшейся мелкой буржуазии“. Такой же отказ от участия в проектированном Б. В. Савинковым и Е. А. Ляцким органе продиктовал мне Георгий Валентинович Плеханов в сентябре 1917 года, в эпоху демократического совещания.

Каким образом после этих фактов Б. В. Савинков зимой 1918 года мог оставаться в заблуждении относительно позиции Плеханова, можно объяснить или крайней забывчивостью, или непростительным, по-моему, легкомыслием.

Друзья Георгия Валентиновича так хорошо были осведомлены о его отношении к Б. В. Савинкову и его затеям, что зимой 1918 года, когда последний по приезде в Петроград через одного из своих близких добивался свидания с тяжело больным Плехановым, считали себя вправе ответить решительным отказом.

Р. М. Плеханова.

2 сентября 1924 года.

Москва. Дом отдыха имени Ильича.

Пршу газеты, поместившие у себя судебные отчеты по делу Савинкова, перепечатать настоящее письмо.

Р. П.

Примечания.

Азеф—провокатор. Находясь на царской службе, был одним из организаторов боевой организации партии социалистов-революционеров. Подготавливал террористические акты и выдавал царской охране их участников. Личный друг Савинкова, верившего ему, несмотря на все разоблачения. Первые сведения о его провокационной роли появились в 1906—1907 гг. Однако, Центральный Комитет социалистов-революционеров, считая Азефа безупречным, игнорировал эти сведения. Только после разоблачения Азефа, исходившего от раскayвшегося провокатора Бакая, и заявления, сделанного Бурцеву бывш. директором департамента полиции Лопухиным, ЦК снова начал вести следствие по делу Азефа. Следствие это велось так, что Азеф уже после своего окончательного разоблачения имел возможность скрыться. Он проживал в Германии и умер в 1922 г.

Алексеев—начальник генерального штаба при Керенском, один из организаторов добровольческой армии.

Бахметьев—бывший царский посол в Америке, получавший деньги от американских банкиров для вооруженной борьбы с Советской властью. Снабжал в частности деньгами эс-эров для поддержки Кронштадтского мятежа в 1921 году.

Бенеш—министр иностранных дел в Чехо-Словакии, один из организаторов чехо-словацкого мятежа на Советской территории, впоследствии не раз оказывавший активное содействие всем видам контрреволюционной борьбы с Советской властью. Снабжал белых заговорщиков не только деньгами, но и предоставлял в их распоряжение, с целью шпионажа, дипломатический аппарат Чехо-Словакии.

Биркенхед—капцлер казначейства министерства Ллойд-Джорджа, консерватор.

Богаевский—донской атаман, ближайший соратник Каледина.

Булак-Балахович—бывший царский генерал, атаман бандитских отрядов, организованных на занятой поляками территории, при поддержке польского правительства для налетов на Советскую Белоруссию и Украину.

Врангель—белый генерал, ставший во главе остатков добро-

вольческой армии в конце 1920 года и организовавший новое наступление на Советскую республику, опираясь на занятый им Крымский полуостров.

II отдел польского генерального штаба—центр шпионский и разведывательной работы, специально занимающийся организацией набегов и провокационных выступлений на Советской территории.

Генуэзская конференция происходила весной и летом 1922 года. Первая европейская конференция, на которую официально была приглашена Советская Россия. На конференции французское правительство заняло открыто враждебную позицию по отношению к нам. Ллойд-Джордж пытался навязать Советской Республике условия экономической и финансовой кабалы. Конференция закончилась разрывом переговоров.

Государственное совещание в Уфе, созванное осенью 1918 года самарским правительством для образования всероссийского правительства. Колчак и его единомышленники во время совещания уже совершенно откровенно добивались восстановления генеральской диктатуры. Уступая Колчаку, эс-эры согласились на образование директории, во главе с Авксентьевым, занимавшим даже в эс-эровском лагере крайне правую позицию.

Дингоф-Деренталь—бывший сотрудник «Русских Ведомостей», участник белогвардейского движения с 1917 года, один из преданных савинковцев.

Донской гражданский совет—организованный на Дону контр-революционный центр всего белого движения. В него входили как белые генералы: Алексеев, Корнилов, так и кадеты: Струве, Федоров и другие.

Драгомиров—царский генерал, начальник штаба добровольческой армии.

Дубасов—московский генерал-губернатор, кровавый палач московских рабочих во время декабрьских восстаний 1905 года.

Каледин—донской атаман, организатор контр-революции на Дону в 1917 году. Кончил самоубийством в 1918 году, когда убедился, что казачество отказывается идти за ним.

Иван Наляев—участник боевой организации. Убил в 1905 г. бомбой московского генерал-губернатора вел. князя Сергея Александровича. Казнен.

Канские переговоры. Состоявшаяся весной 1922 года Канская конференция союзных дипломатов была созвана английским правительством с целью попытаться восстановить разрушенное войной хозяйство Европы. На ней английский капитал, бывший до сих пор застрельщиком военного нападения на Советскую Республику, принужден был в лице Ллойд-Джорджа официально признать необходимость возобновления сношений с Советской Россией. В результате канских переговоров была созвана Генуэзская конференция.

Калпан — член партии социалистов-революционеров, бывшая каторжанка. Летом 1918 года вошла в организованную центральным комитетом партии социалистов-революционеров боевую органи-

занию для убийства тов. Ленина и Троцкого. Стреляла и ранила тов. Ленина по окончании митинга на заводе Михельсона. По приговору коллегии ВЧК была расстреляна. После покушения центральный комитет партии социалистов-революционеров отрекся от Доры Каплан, опубликовав заявление, что никакого отношения к террористическому акту не имел. Однако, на процессе центрального комитета партии социалистов-революционеров (Тимофеева, Гоца, Донского, Гендельмана и др.) было документально установлено, что Каплан действовала по директивам ЦК ПСР.

Капель—белогвардейский генерал, отличившийся исключительной жестокостью. Впервые организовал бандитские нападения на тыл нашей армии.

Конради—белогвардейский офицер, убивший товарища Воровского в Лозанне, где происходила в это время европейская конференция дипломатов по турецкому вопросу. Убийство было подготовлено организацией, состоящей из русских монархистов и иностранных фашистов. Швейцарское правительство в своем отношении к тов. Воровскому, признанному дипломатическому представителю Советской Республики, способствовало убийству. Организовав убийство, буржуазия позаботилась, чтобы оно осталось безнаказанным и превратила дело Конради в циничную комедию, в которой государственный прокурор выступал в роли защитника убийцы. Вся российская эмиграция—от черносотенцев до эс-эров—приняла участие в организации защиты убийц и в попытке использовать процесс для нападков на Советскую власть.

«Конь вороной»—книжка Савинкова, написанная им под псевдонимом Ропшин «Конь вороной» представляет собой по форме дневник полковника, вторгнувшегося во главе зеленых отрядов на советскую территорию. В дневнике описаны картины потрясающих зверств зеленых, сожжение арестованных коммунистов на костре, пытки над пленными, издевательства над женщинами, систематические грабежи и погромы. Все эти описанные факты взяты Савинковым из его непосредственных наблюдений, и весь дневник в целом имеет безусловно автобиографический характер. Рядом со спокойным созерцательным описанием этих ужасов книжка заключает в себе некоторые указания на колебания в сознании автора, на его сомнения и в целесообразности проводимой с таким ожесточением кровавой борьбы против рабочих и крестьян.

Корнилов—первый организатор белоофицерского мятежа при Керенском.

Краснов—казачий генерал, командовавший отрядом, наступавшим по вызову Керенского на Ленинград после Октябрьской революции. После разгрома казачьего отряда в Гатчине, Краснов был выдан казаками нашим войскам. Отпущенный нами на свободу под обещание не поднимать оружия против Советской власти, Краснов отправился на Дон и, вступив в сношения с немецкими войсками, оккупировав-

шими Украину, организовал с их помощью хорошо вооруженную белогвардейскую банду и причинил большой вред Советской власти.

Ллойд-Джордж—бывший английский премьер, представитель промышленного капитала, нуждающегося в установлении международных торговых отношений. Вел двойственную и коварную политику по отношению к Советской России, стремясь использовать возобновление сношений с ней в целях экономического наступления против советского хозяйства.

Львов—бывший председатель временного правительства кадетского состава; продолжает оставаться активным деятелем белогвардейской эмиграции.

Макдональд—нынешний премьер-министр Англии. До назначения министром был председателем II Интернационала, одним из главнейших руководителей остается и теперь. Глава Рабочей партии Англии. Социал-соглашатель с христианско-ханжеским оттенком. Прошел на выборах под лозунгом заключения договора с СССР. Под давлением рабочих масс подписал в августе 1924 г. англо-советский договор.

Маклаков—лидер кадетской партии, назначенный послом во Францию при временном правительстве. До сих пор является активным посредником между союзными правительствами и белой эмиграцией.

Маннергейм—финский генерал, палач рабочего класса Финляндии. Руководил войсками, подавившими революцию в Финляндии.

Массарик—представитель чешской либеральной буржуазии, организовавшей при помощи союзного империализма и в его целях нынешнюю Чехо-Словацкую республику. В настоящее время президент республики.

Мильеран—бывший премьер-министр Франции, до последнего времени президент Французской республики. Один из главных организаторов вооруженной борьбы международной буржуазии с Советской Республикой.

Мирбах—германский посол в Москве после заключения брестского мира. Был убит в июле 1918 года левыми эс-эрами.

Муссолини—бывший член II Интернационала, один из наиболее злобных предателей рабочего класса, организатор фашистского переворота в Италии, поддерживающий свою власть жесточайшим белым террором. Ныне стоит во главе итальянского правительства.

Национальный центр. Руководящий политический центр белогвардейского движения, объединивший на почве борьбы с Советской властью различные партии, начиная с монархистов и кончая части меньшевиков и эс-эров. Был организован при участии Савинкова летом 1918 года и был ликвидирован лишь с окончательным разгромом денкинищины.

Нобель—бывший владелец большого числа нефтяных промыслов на Кавказе. Один из крупнейших в Европе капиталистов; снабжал деньгами все выступления против Советской власти на Кавказе с целью овладеть нефтяными источниками.

Нуланс—французский посол при Керенском. Типичный представитель союзной дипломатии, стремившийся использовать февральскую революцию для усиления участия России в империалистической войне. В настоящее время Нуланс стоит во главе общества бывших собственников-французов в России, борющихся против признания СССР.

Генерал Перемыкин — находившийся в подчинении Врангеля белый генерал, поставленный с ведома польского правительства во главе бандитских отрядов, действовавших совместно с Булак-Балаховичем.

Петлюра — бывший член украинской с.-д. партии 1917 года, стоявший во главе шовинистически-кулацкой борьбы против Советской власти на Украине. В 1918 году привел на Украину немцев; в 1920 г. привел на Правобережье Украины поляков. После изгнания поляков и заключения советско-польского мира продолжал организацию на территории Польши и Румынии и на средства польского правительства вооруженных банд для набегов на Украину.

Польский добровольческий корпус. Организован польской шляхтой для участия в империалистической войне на стороне России. Такие же добровольческие отряды были организованы той же шляхтой для борьбы против России.

Пуанкаре—бывший французский премьер-министр. Представитель ростовщического капитала. Вождь «национального блока» во Франции (в противоположность «левому блоку»). Яркий шовинист. Один из зачинщиков мировой войны, во время которой он был президентом Французской республики. Противник признания СССР. Один из организаторов интервенции и блокады.

Егор Сазонов—участник боевой организации эс-эров. Убил в 1904 г. бомбой министра внутренних дел, яркого реакционера, Плеве. Был приговорен к смертной казни, замененной каторгой. Покончил самоубийством в 1913 г. на сибирской каторге.

Сазонов, С. Д.—бывший царский министр иностранных дел, в качестве которого он сделал все, чтобы дипломатически подготовить империалистическую войну. Рабски исполняя все директивы союзных дипломатов, Сазонов вел решительную борьбу с немецкой партней, существовавшей при дворе Николая Романова, и добился объявления мобилизации в 1914 г. до того, как Вильгельм успел запугать царя. Союзные империалисты до сих пор продолжают помнить заслуги Сазонова, бросившего в костер мирового пожара миллионы крестьян и рабочих России. Долгое время после Октябрьской революции союзные дипломаты считались с ним как с представителем в России.

Самарское правительство, организованное эс-эрами в 1918 г. на территории, захваченной чехо-словацкими войсками. Прикрываясь лозунгами народовластия, Самарское правительство обрушилось белым террором на рабочих и крестьян, подпавших под его власть, и создало обстановку, чрезвычайно благоприятную для организации монархического офицерства.

Струве—виднейший идеолог белогвардейщины, бывший мар-

ксист, превратившийся в кадета и защитника православной церковности. После февральской революции он становится одним из столпов монархического движения, поддерживает всех белых генералов вплоть до Врангеля, до последнего его издыхания. В редактируемом им сейчас журнале «Русская Мысль» пытается, ссылаясь на «божественное откровение», доказать, что Врангель победил.

Тардье—французский реакционер, представитель непримиримого французского империализма.

Генерал Тютюнник—организатор ряда бандитских нападений на Советскую Украину. В 1923 г. признал преступность своей деятельности, явился с повинной и, на основании декрета ВУЦИК'а об амнистии для добровольно явившихся бандитов, был помилован. После помилования написал книгу о прошлой своей бандитской деятельности, содержащую убийственные разоблачения для польского и румынского правительств.

Чайковский—бывший народник, занявший во время империалистической войны позицию крайнего патриотизма. Организовал впоследствии при помощи англо-американских штыков контр-революционное правительво в Архангельске.

Черемисов—командовал Северо-Западным фронтом во время империалистической войны.

Черчилль—бывший военный министр Англии, сторонник интервенции, открыто поддерживавший посылку английских войск для нападения на Советскую республику и участвовавший в организации денкинской армии.

Чехо-словацкие войска. Летом 1918 года агенты Антанты, жившие на советской территории в качестве дипломатических представителей, организовали при помощи офицерства выступления чехо-словацких пленных, отпущенных Советским правительством на родину.

Эвенс—член кабинета министров при Ллойд-Джордже.

Эррио—нынешний французский премьер-министр. Глава «левого блока», в который входят либерально-буржуазные и социал-соглашательские партии. Представитель буржуазного пацифизма во Франции. Был в Советской России в 1922 г. и заявил тогда, что будет бороться с продолжением политики интервенции и отстаивать необходимость признания СССР.

Юденич—белый генерал, наступавший во главе организованной союзниками северо-западной армии на Ленинград в 1919 году.

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

	<i>Стр.</i>
Предисловие <i>Ем. Ярославского</i>	4
Правительственное сообщение об аресте <i>Б. Савинкова</i>	5
Письменное показание <i>Б. Савинкова</i>	6
Обвинительное заключение	10
Судебное разбирательство	26
Приговор	86
Постановление президума ЦИК СССР	91
<i>Ем. Ярославский</i> . 30 августа 1918 г.—30 августа 1924 г.	92
<i>Ш.</i> Из залы суда	96
<i>К. Радек</i> . То, что было	105
<i>Ем. Ярославский</i> . Зеленое разочарование	109
<i>П. Ш.</i> Ключ к белогвардейскому шифру	116
<i>А. Мак-Манус</i> . Уроки процесса <i>Савинкова</i>	119
<i>В. Милютин</i> . Политическое значение показаний <i>Савинкова</i>	122
<i>В. Ульрих</i> . <i>Савинков</i> и его друзья	125
<i>Михаил Шаронов</i> . Всемирно-исторический судебный процесс	131
<i>А. Луначарский</i> . Артист авантюры	138
Приложения:	
<i>Б. Савинков</i> . Почему я признал Советскую власть	146
Письмо <i>Р. М. Плегановой</i> в редакцию „Известий ЦИК СССР“	153
Примечания	155
